

Н. С. ЛЪСКОВА

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. П. МАРША

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

<http://rcin.org.pl>

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO
100 St. George Street
Toronto, Ontario
M5S 1A5

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

В. С. ЛЕВЧЕНКО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЬ.

Изъ рассказовъ о трехъ праведникахъ.

«Совершенная любовь изгоняетъ страхъ».

Иоаннъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Онъ самъ почти мнѣ, а исторія его — легенда. Чтобы повѣствовать о немъ — надо быть французомъ, потому что однимъ людямъ этой націи удается объяснять другимъ то, чего они сами не понимаютъ. Я говорю все это съ тою цѣлю, чтобы впередъ испросить себѣ у моего читателя снисхожденія ко всестороннему несовершенству моего разсказа о лицѣ, воспроизведеніе котораго стоило бы трудовъ гораздо лучшаго мастера, чѣмъ я. Но Голованъ можетъ быть скоро совсѣмъ позабытъ, а это была бы утрата. Голованъ стоитъ вниманія, и хотя я его знаю не настолько, чтобы могъ начертать полное его изображеніе, однако и подберу и представлю нѣкоторыя черты этого не высокаго ранга смертнаго человѣка, который сумѣлъ прослыть «*несмертельнымъ*».

Прозвище «несмертельнаго», данное Головану, не выражало собою насмѣшки и отнюдь не было пустымъ, бессмысленнымъ звукомъ — его прозвали несмертельнымъ вслѣдствіе сильнаго убѣжденія, что Голованъ — человѣкъ особенный; человѣкъ, который не боится смерти. Какъ могло сложиться о немъ такое мнѣніе среди людей, ходящихъ подъ Богомъ и всегда помнящихъ о своей смертности? Была ли

на это достаточная причина, развившаяся въ послѣдовательной условности, или же такую кличку ему дала простота, которая средни глупости?

Мнѣ казалось, что послѣднее было вѣроятнѣе, но какъ судили о томъ другіе — этого я не знаю, потому что въ дѣтствѣ моемъ объ этомъ не думалъ, а когда я подросъ и могъ понимать вещи — «несмертельнаго Голована» уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ и притомъ не самымъ опрятнымъ образомъ: онъ погибъ во время такъ-называемаго въ г. Орлѣ «большого пожара», утонувъ въ кипящей яминѣ, куда упалъ, спасая чью-то жизнь или чье-то добро. Однако «часть его большая, отъ тѣсна убѣжавъ, продолжала жить въ благодарной памяти», и я хочу попробовать занести на бумагу то, что я о немъ зналъ и слышалъ, дабы такимъ образомъ еще продлилась на свѣтѣ его достойная вниманія память.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несмертельный Голованъ былъ простой человекъ. Лицо его, съ чрезвычайно крупными чертами, вѣзало въ моей памяти съ равныхъ дней и осталось въ ней навсегда. Я его встрѣтилъ въ такомъ возрастѣ, когда, говорить, будто бы дѣти еще не могутъ получать прочныхъ впечатлѣній и износить изъ нихъ воспоминаній на всю жизнь, но, однако, со мною случилось иначе. Случай этотъ отмѣченъ моею бабушкою слѣдующимъ образомъ:

«Вчера (26 мая 1835 г.) пріѣхала изъ Горохова къ Машенькѣ (моей матери), Семена Дмитрича (отца моего) не застала дома, по командировкѣ его въ Елецъ на слѣдствіе о страшномъ убійствѣ. Во всемъ домѣ были однѣ мы, женщины и дѣвичья прислуга. Кучеръ уѣхалъ съ нимъ (отцомъ моимъ), только дворникъ Кондратъ оставался, а на ночь сторожъ въ переднюю ночевать приходилъ изъ правленія (губернское правленіе, гдѣ отецъ былъ совѣтникомъ). Сегодняшняго же числа Машенька въ двѣнадцатомъ часу пошла въ садъ посмотреть цвѣты и кануферъ полить, и взяла съ собою Николушку (меня) на рукахъ у Анны (понижѣ живой старушки). А когда они шли назадъ къ завтраку, то едва Анна начала отпирать калитку, какъ на нихъ сорвалась цѣпная Рябка, прямо съ цѣпью, и прямо кинулась на грудцы Аннѣ, но въ ту самую минуту, какъ

Рябка, опершись лапами, бросился на грудь Аннѣ, Голованъ схватилъ его за шиворотъ, стиснулъ и бросилъ въ погребное творило. Тамъ его и пристрѣлилъ изъ ружья, а дитя спаслось».

Дитя это былъ я, и какъ бы точны ни были доказательства, что полуторогодовой ребенокъ не можетъ помнить, что съ нимъ происходило, я, однако, помню это происшествіе.

Я, конечно, не помню: откуда взялась взбѣшенная Рябка и куда ее дѣлъ Голованъ послѣ того какъ она захрипѣла, барахталась лапами и извивалась всѣмъ тѣломъ въ его высоко поднятой желѣзной рукѣ; но я помню моментъ... *только моментъ*. Это было, какъ при блескѣ молоньи, среди темной ночи, когда почему-то вдругъ видишь чрезвычайное множество предметовъ за-разъ: занавѣсъ кровати, ширму, окно, вздрогнувшую на жердочкѣ канарейку и стаканъ съ серебряной ложечкой, на ручкѣ которой пятнышками осѣла магнезія. Таково, вѣроятно, свойство страха, имѣющаго большія очи. Въ одномъ такомъ моментѣ, я какъ сейчасъ вижу переть собою огромную собачью морду, въ мелкихъ пестринахъ — сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пѣны въ синеватомъ, точно напмаженномъ зѣвѣ... оскалъ, который хотѣлъ уже зацѣлнуться, но вдругъ верхняя губа надъ нимъ вывернулась, разрѣзъ потянулся къ ушамъ, а снизу судорожно задвигалась, какъ голый человѣчскій локоть, выпятившаяся горловина. Надо всѣмъ этимъ стояла огромная человѣчская фигура съ огромною головою, и она взяла и понесла бѣшенаго пса. Во все это время лицо человѣка *улыбалось*.

Описанная фигура былъ Голованъ. Я боюсь, что совсѣмъ не сумѣю нарисовать его портрета, именно потому, что очень хорошо и ясно его вижу.

Въ немъ было, какъ въ Петрѣ Великомъ, пятнадцать вершковъ; сложеніе имѣлъ широкое, сухое и мускулистое; онъ былъ смугль, круглолицъ, съ голубыми глазами, очень крупнымъ носомъ и толстыми губами. Волосы на головѣ и подстриженной бородѣ Голована были очень густые, цвѣта — соли съ перцемъ. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже стриженые. Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту: она

свѣтила въ каждой чертѣ, но преимущественно играла на устахъ и въ глазахъ умныхъ и добрыхъ, но какъ будто немпожко насмѣшливыхъ. Другого выраженія у Голована какъ будто не было, по крайней мѣрѣ, я иного не помню. Къ дополненію этого неискускаго портрета Голована надо упомянуть объ одной странности или особенности, которая заключалась въ его походкѣ. Голованъ ходилъ очень скоро, всегда какъ будто куда-то поспѣшая, но не ровно, а съ подскокомъ. Онъ не хромалъ, а, по мѣстному выраженію, «шкандыбалъ», то-есть на одну, на правую ногу наступалъ твердою поступью, а съ лѣвой подпрыгивалъ. Казалось, что эта нога у него не гнулась, а пружинила гдѣ-то въ мускулѣ или въ суставѣ. Такъ ходятъ люди на искусственной ногѣ, но у Голована она была не искусственная; хотя, впрочемъ, эта особенность тоже и не зависѣла отъ природы, а ее устроилъ себѣ онъ самъ, и въ этомъ была тайна, которую нельзя объяснить сразу.

Одѣвался Голованъ мужикомъ, — всегда лѣтомъ и зимою, въ пеклые жары и въ сорока-градусные морозы, — онъ носилъ длинный, нагольный овчинный тулупъ, весь промасленный и почернѣвшій. Я никогда не видалъ его въ другой одеждѣ, и отецъ мой, помню, частенько шутилъ надъ этимъ тулупомъ, называя его «вѣковѣчнымъ».

По тулупу Голованъ подпоясывался «чекменнымъ» ремешкомъ, съ бѣлымъ сбруйнымъ наборомъ, который во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ другихъ—совсѣмъ осыпался и оставилъ наружѣ драгву да дырки. Но тулупъ сохранился въ опрятности отъ всякихъ мелкихъ жильцовъ,—это я зналъ лучше другихъ, потому что я часто сиживалъ у Голована за пазухой, слушаая его рѣчи, и всегда чувствовалъ себя здѣсь очень покойно.

Широкій воротъ тулуна никогда не застегивался, а, напротивъ, былъ широко открытъ до самаго пояса. Здѣсь было «нѣдро», представлявшее очень просторное помѣщеніе для бутылокъ со сливками, которыя Голованъ поставлялъ на кухню Орловскаго дворянскаго собранія. Это былъ его промыселъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ «вышелъ на волю» и получилъ на разживу «ермоловскую корову».

Могучую грудь «несмертельнаго» покрывала одна холщевая рубашка малороссійскаго покроя, т. е. съ прямымъ

воротомъ, всегда чистая, какъ кипень, и непременно съ длинною цвѣтною завязкою. Эта завязка была иногда лента, иногда просто кусокъ шерстяной матеріи, или даже ситца, но она сообщала наружности Голована нѣчто свѣжее и джентльменское, что ему очень шло, потому что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ джентльменъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы были съ Голованомъ сосѣди. Нашъ домъ въ Орлѣ былъ на Третьей Дворянской улицѣ и стоялъ третій по счету отъ берегового обрыва надъ рѣкою Орликомъ. Мѣсто здѣсь довольно красиво. Тогда, до пожаровъ, это былъ край настоящаго города. Вправо за Орликъ шли мелкія хибары слободы, которая примыкала къ коренной части, оканчивавшейся церковью Василя Великаго. Сбоку былъ очень крутой и неудобный спускъ по обрыву, а сзади за садами—глубокій оврагъ и за нимъ степной выгонъ, на которомъ торчали какой-то магазинъ. Тутъ по утрамъ шла солдатская муштра и палочный бой, — самыя раннія картины, которыя я видѣлъ и наблюдалъ чаще всего прочаго. На этомъ же выгонѣ, или, лучше сказать, на узкой полосѣ, отдѣлявшей наши сады заборами отъ оврага, паслись шесть или семь коровъ Голована и ему же принадлежавшій красный быкъ «ермоловской» породы. Быка Голованъ содержалъ для своего маленькаго, но прекраснаго стада, а также разводилъ его въ поводу «на подержанье» по домамъ, гдѣ имѣли въ томъ хозяйственную надобность. Ему это приносило доходъ.

Средства Голована къ жизни заключались въ его удонстыхъ коровахъ и ихъ здоровомъ супругѣ. Голованъ, какъ я выше сказалъ, поставлялъ на дворянскій клубъ сливки и молоко, которыя славились своими высокими достоинствами, зависѣвшими, конечно, отъ хорошей породы его скота и отъ добраго за нимъ ухода. Масло, поставляемое Голованомъ, было свѣжо, желто, какъ желтокъ, и ароматно, а сливки «не текли», то-есть, если оборачивали бутылку внизъ горлышкомъ, то сливки изъ нея не лились струей, а падали какъ густая, тяжелая масса. Продуктовъ низшаго достоинства Голованъ не ставилъ и потому онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, а дворяне тогда не только умѣли ѣсть хорошо, но и имѣли чѣмъ расплачиваться. Кромѣ того, Го-

лованъ поставлялъ также въ клубъ отменно крупныя яйца отъ особенно крупныхъ голландскихъ куръ, которыхъ водилъ во множествѣ, и, наконецъ, «приготавливалъ телятъ», отпавая ихъ мастерски и всегда ко времени, напримеръ, къ наибольшему съѣзду дворянъ, или къ другимъ особеннымъ случаямъ въ дворянскомъ кругѣ.

Въ этихъ видахъ, обусловливающихъ средства Голована къ жизни, ему было очень удобно держаться дворянскихъ улицъ, гдѣ онъ продовольствовалъ интересныхъ особъ, которыхъ орловцы нѣкогда узнавали въ Паншинѣ, въ Лаврецкомъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ «Дворянскаго гнѣзда».

Голованъ жилъ, впрочемъ, не въ самой улицѣ, а «на отлетѣ». Постройка, которая называлась «Головановымъ домомъ», стояла не въ порядкѣ домовъ, а на небольшой террасѣ обрыва подъ лѣвымъ рядомъ улицы. Площадь этой террасы была сажень въ шесть въ длину и столько же въ ширину. Это была глыба земли, которая когда-то поѣхала внизъ, но на дорогѣ остановилась, окрѣпла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью-нибудь собственность. Тогда это было еще возможно.

Голованову постройку въ собственномъ смыслѣ нельзя было назвать ни дворомъ, ни домомъ. Это былъ большой, низкій сарай, занимавшій все пространство отпавшей глыбы. Можетъ-быть безформенное зданіе это было здѣсь возведено гораздо ранѣе, чѣмъ глыбѣ вздумалось спуститься, и тогда оно составляло часть ближайшаго двора, владѣлецъ котораго за нимъ не погнался и уступилъ его Головану за такую дешевую цѣну, какую богатырь могъ ему предложить. Помнится мнѣ даже, какъ будто говорили, что сарай этотъ былъ подаренъ Головану за какую-то услугу, оказывать которую онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Сарай былъ передѣленъ на-двое: одна половина, обмазанная глиной и выѣбленная, съ тремя окнами на Орликъ, была жилымъ помещеніемъ Голована и находившихся при немъ пяти женщинъ, а въ другой—были надѣланы стойла для коровъ и быка. На низкомъ чердакѣ жили голландскія куры и черный «испанскій» пѣтухъ, который жилъ очень долго и считался «колдовской птицей». Въ немъ Голованъ растилъ пѣтушій камень, который пригоденъ на множество случаевъ: па то, чтобы счастье приносить, отнятое

государство изъ непріятельскихъ рубль возвращать, и старыхъ людей на молодыхъ передѣлывать. Этотъ камень зрѣть семь лѣтъ и созрѣваетъ только тогда, когда шѣтухъ шить перестанетъ.

Сарай былъ такъ великъ, что оба отдѣленія, — жилое и скотское — были очень просторны, но, несмотря на всю о нихъ заботливость, плохо держали тепло. Впрочемъ, тепло нужно было только для женщинъ, а самъ Голованъ былъ нечувствителенъ къ атмосфернымъ переměнамъ и лѣто и зиму спалъ на ивняковой плетенкѣ въ стойлѣ, возлѣ любимца своего, — краснаго тирольскаго быка «Васьки». Холодъ его не бралъ, и это составляло одну изъ особенностей этого миѣнческаго лица, черезъ которыя онъ получилъ свою баснословную репутацію.

Изъ пяти женщинъ, жившихъ съ Голованомъ, три были его сестры, одна мать, а пятая называлась Павла, или, иногда, Павлагейшика. Но чаще ее называли «Головановъ грѣхъ». Такъ я привыкъ слышать съ дѣтства, когда еще даже и не понималъ значенія этого намека. Для меня эта Павла была просто очень ласковою женщиною, и я, какъ сейчасъ, помню ея высокій ростъ, блѣдное лицо съ яркими пятнами на щекахъ и удивительной черноты и правильности бровями. Такія черныя брови правильными полукругами можно видѣть только на картинахъ, изображающихъ персиянку, покоящуюся на колыняхъ престарѣлаго турка. Наши дѣвушки, впрочемъ, знали и очень рано сообщили мнѣ секретъ этихъ бровей: дѣло заключалось въ томъ, что Голованъ былъ зеленикъ и, любя Павлу, чтобы ее никто не узналъ, — онъ ей сонной помазалъ брови медвѣжьимъ саломъ. Послѣ этого въ бровяхъ Павлы, разумеется, не было уже ничего удивительнаго, а она къ Головану привязалась не своею силою.

Наши дѣвушки все это знали.

Сама Павла была чрезвычайно кроткая женщина и «все молчала». Она была столь молчалива, что я никогда не слышалъ отъ нея болѣе одного и то самаго необходимаго слова: «здравствуй», «садись», «прощай». Но въ каждомъ этомъ короткомъ словѣ слышалась бездна привѣта, доброжелательства и ласки. То же самое выражалъ звукъ ея тихаго голоса, взглядъ сѣрыхъ глазъ и каждое движеніе. Помню тоже, что у нея были удивительно красивыя руки,

что составляет большую рѣдкость въ рабочемъ классѣ, а она была такая работница, что отличалась дѣятельностью даже въ трудолюбивой семьѣ Голована.

У нихъ у всѣхъ было очень много дѣла: самъ «несмертельный» кипѣлъ въ работѣ съ утра до поздней ночи. Онъ былъ и пастухъ, и поставщикъ, и сыроваръ. Съ зарею онъ выгонялъ свое стадо за наши заборы на росу и все переводилъ своихъ статныхъ коровъ съ обрывца на обрывецъ, выбирая для нихъ, гдѣ потучнѣе травка. Въ то время, когда у насъ въ домѣ вставали, Голованъ являлся уже съ пустыми бутылками, которыя забиралъ въ клубъ вмѣсто новыхъ, которыя снесъ туда сегодня; собственноручно врубалъ въ ледъ нашего ледника кувшины новаго удоя и говорилъ о чемъ-нибудь съ моимъ отцомъ, а когда я, отучившись грамотѣ, шелъ гулять въ садъ, онъ уже опять сидѣлъ подъ нашимъ заборчикомъ и руководилъ своими коровками. Здѣсь была въ заборѣ маленькая калиточка, черезъ которую я могъ выходить къ Головану и разговаривать съ нимъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ разсказывать сто четыре священные исторіи, что я ихъ зналъ отъ него, никогда не уча ихъ по книгѣ. Сюда же приходили къ нему, бывало, какіе-то простые люди—всегда за совѣтами. Иной, бывало, какъ придетъ, такъ и начинается:

— Искать тебя, Голованычъ, посовѣтуй со мною.

— Что такое?

— А вотъ то-то и то-то:—въ хозяйствѣ что-нибудь разстроилось или семейные нелады.

Чаще приходили съ вопросами этой второй категоріи. Голованычъ слушаетъ, а самъ ивнячокъ плететъ, или на коровокъ покрикиваетъ, и все улыбается, будто безъ вниманія, а потомъ вскинеть своими голубыми глазами на собесѣдника и отвѣтитъ:

— Я, братъ, плохой совѣтникъ! Бога на совѣтъ призови.

— А какъ Его призовешь?

— Охъ, братъ, очень просто:—помолись, да сдѣлай такъ, какъ будто тебѣ сейчасъ помирать надо. Вотъ скажи-ка мнѣ: какъ бы ты въ такомъ разѣ сдѣлалъ?

Тотъ подумаетъ и отвѣтитъ.

Голованъ или согласится, или же скажетъ:

— А я бы, братъ, умираючи, вотъ какъ лучше сдѣлалъ.

И рассказываетъ, по обыкновенію, все весело, со всегдашней улыбкой.

Должно-быть его совѣты были очень хороши, потому что всегда ихъ слушали и очень его за нихъ благодарили.

Могъ ли у такого человѣка быть «грѣхъ», въ лицѣ кротчайшей Павлагеюшки, которой въ то время, я думаю, было съ небольшимъ лѣтъ тридцать, за предѣлы которыхъ она и не перешла далѣе? Я не понималъ этого «грѣха» и остался чистъ отъ того, чтобы оскорбить ее и Голована довольно общими подозрѣніями. А поводъ для подозрѣнія былъ, и поводъ очень сильный, даже, если судить по видимости, неопровержимый. Кто она была Головану?—чужая. Этого мало: онъ ее когда-то зналъ, онъ былъ однихъ съ нею господъ, онъ хотѣлъ на ней жениться, но это не состоялось: Голована дали въ услуги герою Кавказа Алексѣю Петровичу Ермолову, а въ это время Павлу выдали замужъ за наѣздника Ферапонта, по мѣстному выговору «Храпона». Голованъ былъ нужный и полезный слуга, потому что онъ умѣлъ все,—онъ былъ не только хорошій поваръ и кондитеръ, но и смѣтливый, и бойкій походный слуга. Алексѣй Петровичъ платилъ за Голована что слѣдовало его помѣщику, и, кромѣ того, говорятъ, будто далъ самому Головану взаймы денегъ на выкупъ. Не знаю, вѣрно ли это, но Голованъ, дѣйствительно, вскорѣ, по возвращеніи отъ Ермолова, выкупился и всегда называлъ Алексѣя Петровича своимъ «благодѣтелемъ». Алексѣй же Петровичъ, по выходѣ Голована на волю, подарилъ ему на хозяйство хорошую корову съ теленкомъ, отъ которыхъ у того и пошелъ «ермоловскій заводъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда именно Голованъ поселился въ сараѣ на обвалѣ,—этого я совѣмъ не знаю, но это совпадало съ первыми днями его «вольнаго человѣчества», когда ему предстояла большая забота о родныхъ, оставшихся въ рабствѣ. Голованъ былъ выкупленъ самолично одинъ, а мать, три его сестры и тетка, бывшая впоследствии моею нянькою, оставались «въ крѣпости». Въ такомъ же положеніи была и нѣжно любимая ими Павла или Павлагеюшка. Голованъ ставилъ первою заботою всѣхъ ихъ выкупить, а для этого нужны были деньги. По мастерству своему, онъ могъ бы

идти въ повара, или въ кондитеры, но онъ предпочелъ другое, именно молочное хозяйство, которое и началъ при помощи «ермоловской коровы». Было мнѣніе, что онъ избралъ это потому, что самъ былъ *молоканъ*. Можетъ-быть это значило просто, что онъ все возился съ молокомъ, но, можетъ-быть, что названіе это мѣтило прямо на его вѣру, въ которой онъ казался страннымъ, какъ и во многихъ иныхъ поступкахъ. Очень возможно, что онъ на Кавказѣ и зналъ молокановъ и что-нибудь отъ нихъ позаимствовалъ. Но это относится къ его странностямъ, до которыхъ дойдемъ ниже.

Молочное хозяйство пошло прекрасно: года черезъ три у Голована было уже двѣ коровы и быкъ, потомъ три, четыре, и онъ нажилъ столько денегъ, что выкупилъ мать, потомъ каждый годъ выкупалъ по сестрѣ, и всѣхъ ихъ забиралъ и сводилъ въ свою просторную, но прохладную лачугу. Такъ, лѣтъ въ шесть-семь, онъ высвободилъ всю семью, но красавица Павла у него улетѣла. Къ тому времени, когда онъ могъ и ее выкупить, она была уже далеко. Ея мужъ, наѣздникъ Храпонъ, былъ плохой человѣкъ — онъ не угодили чѣмъ-то барину и, въ примѣръ прочимъ, былъ отданъ въ рекруты безъ зачета.

Въ службѣ Храпонъ попалъ въ «скачки», т. е. верховые пожарной команды въ Москву, и вытребовалъ туда жену; но вскорѣ и тамъ сдѣлалъ что-то нехорошее и бѣжалъ, а покинутая имъ жена, имѣя нравъ тихій и робкій, убоялась коловратностей столичной жизни и возвратилась въ Орель. Здѣсь она тоже не нашла на старомъ мѣстѣ никакой опоры и, гонимая нуждою, пришла къ Головану. Тотъ, разумеется, ее тотчасъ же принялъ и помѣстилъ у себя въ одной и той же просторной горницѣ, гдѣ жили его сестры и мать. Какъ мать и сестры Голована смотрѣли на водвореніе Павлы, — я доподлинно не знаю, но водвореніе ея въ ихъ домъ не посѣяло никакой распри. Всѣ женщины жили между собою очень дружно и даже очень любили бѣдную Павлагеюшку, а Голованъ всѣмъ имъ оказывалъ равную внимательность, а особенное почтеніе оказывалъ только матери, которая была уже такъ стара, что онъ лѣтомъ выносилъ ее на рукахъ и сажалъ на солнышко какъ больного ребенка. Я помню, какъ она «заходила» ужаснымъ кашлемъ и все молилась «о прибраніи».

Всѣ сестры Голована были пожилыя дѣвушки и всѣ помогали брату въ хозяйствѣ: онѣ убирали и доили коровъ, ходили за курами и прали необыкновенную пряжу, изъ которой потомъ ткали необыкновенныя же и никогда мною послѣ этого не виданныя ткани. Пряжа эта называлась очень некрасивымъ словомъ «поплѣвки». Матеріалъ для нея приносилъ откуда-то въ кулькахъ Голованъ, и я видѣлъ и помню этотъ матеріалъ: онъ состоялъ изъ небольшихъ сучковатыхъ обрывочковъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ нитей. Каждый обрывочекъ былъ длиною отъ вершка до четверти аршина, и на каждомъ такомъ обрывочкѣ непременно былъ болѣе или менѣе толстый узелокъ, или сучокъ. Откуда Голованъ бралъ эти обрывки — я не знаю, но очевидно, что это былъ фабричный отбросъ. Такъ мыѣ и говорили его сестры.

— Это, — говорили: — миленькій, гдѣ бумагу прядуть и ткутъ, такъ — какъ до такого узелка дойдуть, сорвуть его да на полъ и *сплюнутъ*, потому что онъ въ берда не идетъ, а братецъ ихъ собираетъ, а мы изъ нихъ вотъ тепленькія одѣяльца дѣлаемъ.

Я видаль какъ онѣ всѣ эти обрывки нитей терпѣливо разбирали, связывали ихъ кусочекъ съ кусочкомъ, наматывали образовавшуюся такимъ образомъ пеструю, разноцвѣтную нить на длинныя шпули; потомъ ихъ трастили, ссучивали еще толще, растягивали на колышкахъ по стѣнѣ, сортировали что-нибудь одноцвѣтное для каемъ, и, наконецъ, ткали изъ этихъ «полѣвокъ» черезъ особое бердо «поплѣвковыя одѣяла». Одѣяла эти съ виду были похожи на нынѣшнія байковыя: такъ же у каждаго изъ нихъ было по двѣ каймы, но само полотно всегда было мрамористое. Узелки въ нихъ какъ-то сглаживались отъ ссучиванья и хотя были, разумѣется, очень замѣтны, но не мѣшали этимъ одѣяламъ быть легкими, теплыми и даже иногда довольно красивыми. Притомъ же они продавались очень дешево, — меньше рубля за штуку.

Эта кустарная промышленность въ семьѣ Голована шла безъ остановки и онъ, вѣроятно, находилъ сбытъ поплѣвковымъ одѣяламъ безъ затрудненія.

Павлагеюшка тоже вязала и сучила поплѣвки и ткала одѣяла, но, кромѣ того, она, по усердію къ пріютившей ее семьѣ, несла еще всѣ самыя тяжелыя работы въ домъ: хо-

дила подъ кручу на Орликъ за водою, носила топливо и прочее, и прочее.

Дрова уже и тогда въ Орлѣ были очень дороги, и бѣдные люди отапливались то гречневою лузгою, то навозомъ, а послѣднее требовало большой заготовки.

Все это и дѣлала Павла своими тонкими руками, въ вѣчномъ молчаніи, глядя на свѣтъ Божій изъ-подъ своихъ персидскихъ бровей. Знала ли она, что ея имя «грѣхъ»,— и не свѣдуя, но таково было ея имя въ народѣ, который твердо стоитъ за выдуманныя имъ клички. Да и какъ иначе: гдѣ женщина, любящая, живетъ въ домѣ у мужчины, который ее любилъ и искалъ на ней жениться,—тамъ, конечно, грѣхъ. И дѣйствительно, въ то время, когда я ребенкомъ выдалъ Павлу, она единогласно почиталась Головановымъ «грѣхомъ», но самъ Голованъ не утрачивалъ черезъ это ни малѣйшей доли общаго уваженія и сохранялъ прозвище «несмертельнаго».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Несмертельнымъ» стали звать Голована въ первый годъ, когда онъ поселился въ одиночествѣ надъ Орликомъ съ своею «ермоловскою коровою» и ея теденкомъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее вполне достовѣрное обстоятельство, о которомъ никто не вспомнилъ во время недавней «прокофьевской» чумы. Было въ Орлѣ обычное лихолѣтье, а въ февралѣ на день св. Агаѣи Коровницы по деревнямъ какъ надо побѣжала «коровья смерть». Шло это, яко тому обычай есть и какъ пишется въ универсальной книгѣ иже глаголется: *Прогладный вертоградъ*: «Какъ лѣто сканчевается, а осень приближается, тогда вскорѣ моровое повѣтріе начинается. А въ то время надобе всякому человѣку на всемогущаго Бога упованіе возлагати и на пречистую Его Матерь и силою честнаго креста ограждатися и сердце свое воздержати отъ кручины и отъ ужаси и отъ тяжелой думы, ибо черезъ сіе сердце человѣческое умалается и скоро порса и язва прилѣпляется,—мозгъ и сердце захватить, осилѣть человѣка и борзо умереть». Было все это тоже при обычныхъ картинахъ нашей природы, «когда стають въ осень туманы густые и темные и вѣтеръ съ полуденной страны и послѣди дожди и отъ солнца воскуреніе земли, и тогда надобе на вѣтръ не хо-

дти, а сидѣти во избѣ въ топленой и оконъ не отворяти, а добро бы чтобы въ томъ градѣ ни жити, и изъ того граду отходить въ мѣста чистыя». Когда, т.-е. въ какомъ именно году послѣдоваль моръ, прославившій Голована «несмертельнымъ» — этого я не знаю. Такими мелочами тогда сильно не занимались и изъ-за нихъ не поднимали шума, какъ вышло изъ-за Наума Прокофьева. Мѣстное горе въ своемъ мѣстѣ и кончалось, усмиряемое однимъ упованiемъ на Бога и Его пречистую Матерь, и развѣ только въ случаѣ сильнаго преобладанiя въ какой-нибудь мѣстности досужаго «интеллигента» принимались своеобразныя оздоравлиющiя мѣры: «во дворѣхъ огонь раскладали ясный, дубовымъ дровомъ, дабы дымъ расходился, а въ избахъ курили пельнею и можжевельновыми дровами и лiствiемъ рутовымъ». Но все это могъ дѣлать только интеллигентъ и притомъ при хоронемъ зажиткѣ, а смерть борзо брала не интеллигента, но того, кому ни въ избѣ топленой сидѣть некогда, да и дровомъ дубовымъ раскрытый дворъ топить не по силамъ. Смерть шла объ руку съ голодомъ и другъ друга поддерживали. Голодающiе побирались у голодающихъ, больные умирали «борзо», т.-е. скоро, что крестьянину и выгодише. Долгихъ томленiй не было, не было слышно и выздоравливающихъ. Кто заболѣлъ, тотъ «борзо» и померъ, *кроме одного*. Какая это была болѣзнь, — научно не опредѣлено, но народно ее звали «пазуха», или «вередъ», или «жмыховой пупырухъ», или даже просто «пупырухъ». Началось это съ хлѣбородныхъ уѣздовъ, гдѣ, за неимѣнiемъ хлѣба, ѣли конопляный жмыхъ. Въ карачевскомъ и брянскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне мѣшали горсть непросѣвной мучи съ толченой корою, была болѣзнь иная, тоже смертоносная, но не пупырухъ. «Пупырухъ» показался сначала на скотѣ, а потомъ передавался людямъ. «У человѣка подъ пазухами или на шеѣ садится болячка червенна и въ тѣлѣ колотье почуеть, и внутри негасимое горячество или во удестьхъ нѣкая студеность, и тижкое воздыханiе и не можетъ воздыхати—духъ въ себя тинеть и наки воспускаеть; сонъ найдетъ, что не можетъ перестать спать; явится горесть, кислоть и блеванiе; въ лицѣ человѣкъ смѣнится, станеть образомъ глиностенъ и борзо помираеть». Можетъ-быть это была сибирская язва, можетъ-быть какаля-нибудь другая язва, но только она была губительна и безопадна,

а самое распространенное названіе ей, опять повторяю, было «пупырухъ». Вскочить на тѣлѣ прыщъ, или по-простонародному «пупырушекъ», зажелтоголовится, вокругъ зардѣетъ и къ суткамъ начинается мясо отгнивать, а потомъ борзо и смерть. Скорая смерть представлялась, впрочемъ, «въ добрыхъ видахъ». Кончина приходила тихая, не мучительная, самая крестьянская, только всѣмъ помиравшимъ до послѣдней минутки хотѣлось пить. Въ этомъ и былъ весь не долгій и не утомительный уходъ, котораго требовали, или, лучше сказать, вымаливали себѣ больные. Однако, уходъ за ними даже въ этой формѣ былъ не только опасенъ, но почти невозможенъ, — человѣкъ, который сегодня подавалъ пить заболѣвшему родичу, — завтра самъ заболѣвалъ «пупырухомъ», и въ домѣ нерѣдко ложились два и три покойника рядомъ. Остальные въ осиротѣлыхъ семьяхъ умирали безъ помощи, — безъ той единственной помощи, о которой заботится нашъ крестьянинъ, «чтобы было кому подать напитокъ». Вначалѣ такой сирота поставитъ себѣ у изголовья ведро съ водою и черпаетъ ковшикомъ, пока рука поднимается, а потомъ ссучитъ изъ рукава или изъ подола рубашки соску, смочитъ ее, сунетъ себѣ въ ротъ, да такъ съ ней и заостенѣетъ.

Большое личное бѣдствіе — плохой учитель милосердія. По крайней мѣрѣ, оно нехорошо дѣйствуетъ на людей обыкновенной, заурядной нравственности, невозвышающейся за черту простого состраданія. Оно притупляетъ чувствительность сердца, которое само тяжело страдаетъ и полно ощущенія собственныхъ мученій. Зато въ такіа горестныя минуты общаго бѣдствія среда народная выдвигаетъ изъ себя героевъ великодушія, людей безстрашныхъ и самоотверженныхъ. Въ обыкновенное время они не видны и часто ничѣмъ не выдѣляются изъ массы; но насчитать на людей «пупырушекъ», и народъ выдѣляетъ изъ себя избранника и тотъ творитъ чудеса, которыя дѣлаютъ его лицомъ миоическимъ, баснословнымъ, «*несмертельнымъ*». Голованъ былъ изъ такихъ и въ первый же моръ превзошелъ и затмилъ въ народномъ представленіи другаго здѣшняго замѣчательнаго человѣка, купца Ивана Ивановича Андросова. Андросовъ былъ честный старикъ, котораго уважалъ и любили за доброту и справедливость, ибо онъ «близко-помощенъ» былъ ко всѣмъ народнымъ бѣдствіямъ.

Помогалъ онъ и въ «мору» потому, что имѣлъ списаннымъ «врачеваніе» и «все оное переписывалъ и множилъ». Списанія эти у него брали и читали по разнымъ мѣстамъ, но понять не могли и «приступить не знали». Писано было: «аще болячка явится поверхъ главы или иномъ мѣстѣ выше пояса,—пушай много кровь изъ медіаны; аще явится на челѣ, то пушай скоро кровь изъ-подъ языка; аще явится подлѣ ушей и подъ бородою, пушай изъ сефаліевы жилы, аще же явится подъ пазухами, то значить сердце больно, и тогда въ той сторонѣ медіанъ отворяй». На всякое мѣсто, «гдѣ тягостно услышишь», расписано было, какую жилу отворять «саенову» или «противъ большого перста, или жилу спатику, полуматику, или жилу базику» съ «наказомъ пушай изъ нихъ кровь течи дондеже зелена станетъ и перемѣнится». А лѣчить еще «левкаремъ да антелемъ, печатною землею, да землею арменскою; виномъ малмозею, да водкой буглосовою, вирианомъ виницейскимъ, митридатомъ да сахаромъ моносъ-кристи», а входящимъ къ больному «держатъ во ртѣ дягилева корнїе, а въ рукахъ — пельнь, а ноздри сворбориновымъ уксусомъ помазаны и губу въ уксусѣ мочену жохоть». Никто ничего въ этомъ понять не могъ, точно въ казенномъ указѣ, въ которомъ писано и переписано, то туда, то сюда и «въ дву потомужь». Ни жилъ такихъ не находили, ни вина малмозеи, ни земли арменской, ни водки буглосовой, и читали люди списанія добраго старичка Андросова болѣе только для «утоли моя печали». Примѣнять же изъ нихъ могли одни заключительныя слова: «а гдѣ бываетъ моръ и въ тѣ мѣста ненадобе ходить, а отходити прочь». Это и соблюдали во множествѣ, и самъ Иванъ Ивановичъ держалъ тое жъ правило, и сидѣлъ въ избѣ топленой и раздавалъ врачебныя списанія въ подворотенку, задерживая въ себѣ духъ и держа во рту дягиль-корень. Къ больнымъ можно было безопасно входить только тѣмъ, у кого есть оленьи слезы или *безоаръ* камень; но ни слезъ оленьихъ, ни камня безоара у Ивана Ивановича не было, въ аптекахъ на Волховской улицѣ камень, хотя, можетъ-быть, и водился, но аптекари были—одинъ изъ поляковъ, а другой нѣмецъ,—къ русскимъ людямъ надлежащей жалости не имѣли и безоаръ камень для себя берегли. Это было вполнѣ достоверно потому, что одинъ изъ двухъ орловскихъ аптекарей

как потерялъ свой безоаръ, такъ сейчасъ же на дорогѣ у него стали уши желтѣть, око одно ему противъ другого убавилось и онъ сталъ дрожать и хоша желалъ вспотѣть и для того велѣлъ себѣ дома къ подошвамъ каленый кирпичъ положить, однако не вспотѣлъ, а въ сухой рубахѣ умеръ. Множество людей искали потерянннй аптекаремъ безоаръ, и кто-то его нашель, только не Иванъ Ивановичъ, потому что онъ тоже умеръ.

И вотъ въ это-то ужасное время, когда интеллигенты отирались уксусомъ и не испускали духу, по бѣднымъ слободскимъ хибаркамъ еще ожесточеннѣе пошелъ «пунырухъ»; люди начали здѣсь умирать «соплюшь и безъ всякой помощи» — и вдругъ тамъ на нивѣ смерти появился съ изумительнымъ безстрашиемъ Голованъ. Онъ, вѣроятно, зналъ или думалъ, будто знаетъ какую-то медицину, потому что клалъ на опухоли больныхъ своего приготовления «кавказскій пластырь»; но этотъ его кавказскій, или ермоловскій, пластырь помогаль плохо. Пуныруховъ Голованъ не выльчивалъ такъ же какъ и Андросовъ, но зато велика была его услуга больнымъ и здоровымъ въ томъ отношеніи, что онъ безбоязненно входилъ въ зачумленныя лачуги и поилъ зараженныхъ не только свѣжею водою, но и спятымъ молокомъ, которое у него оставалось изъ-подъ клубныхъ сливокъ. Утромъ рано до зари переправлялся онъ на снятыхъ съ петель сарайныхъ воротницахъ черезъ Орликъ (лодки здѣсь не было) и съ бутылками за необъятнымъ нѣдромъ шнырять изъ лачужки въ лачужку, чтобы промочить изъ скляницы засохшія уста умирающихъ, или поставить, мѣломъ крестъ на двери, если драма жизни здѣсь уже кончилась и занавѣсь смерти закрылась надъ послѣднимъ изъ актеровъ.

Съ этихъ поръ доселѣ малоизвѣстнаго Голована широко узнали во всѣхъ слободахъ и началось къ нему большое народное тяготѣніе. Имя его, прежде знакомое прислугѣ дворянскихъ домовъ, стали произносить съ уваженіемъ въ народѣ; начали видѣть въ немъ человѣка, который не только можетъ «заступить умершаго Ивана Ивановича Андросова, а даже болѣе его означать у Бога и у людей». А самому безстрашию Голована не умедлили подыскать сверхъестественное объясненіе: Голованъ, очевидно, что-то зналъ, и въ силу такого знахарства онъ былъ «*несмертельный*»...

Позже оказалось, что это такъ именно и было: это помогъ всёмъ разъяснить пастухъ Панька, который видѣлъ за Голованомъ вещь невѣроятную, да подтверждалось это и другими обстоятельствами.

Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирѣствовала въ слободахъ, ни самъ онъ, ни его «ермоловская» корова съ бычкомъ ничѣмъ не заболѣли; но этого мало: самое важное было то, что онъ обманулъ и извелъ, или, держась мѣстнаго говора, «изништожилъ» саму язву, и сдѣлать то, не пожалѣвъ теплой крови своей за народушко.

Потерянный аптекаремъ безоаръ-камень былъ у Голована. Какъ онъ ему достался — это было неизвѣстно. Полагали, что Голованъ несъ сливки аптекарю для «обыденной мази» и увидаль этотъ камень, и утаилъ его. Честно это или не честно было произвести такую утайку, про то строгой критики не было, да и быть не должно. Если не грѣхъ взять и утаить съѣдомое, потому что съѣдомое Богъ всёмъ дарствуетъ, то тѣмъ паче не предосудительно взять цѣлебное вещество, если оно дано къ общему спасенію. Такъ у насъ судять, — такъ и я сказываю. Голованъ же, утаивъ аптекаревъ камень, поступилъ съ нимъ великодушно, пустивъ его на общую пользу всего рода христіанскаго.

Все это, какъ я выше уже сказалъ, обнаружилъ Панька, а общій разумъ мірской это выяснилъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Панька, разноглазый мужикъ съ выцветшими волосами, былъ поднаскомъ у пастуха и, кромѣ общей пастушьей должности, онъ еще гонялъ по утрамъ на росу перекрещиванскихъ коровъ. Въ одно изъ такихъ раннихъ своихъ занятій, онъ и подсмотрѣлъ все дѣло, которое вознесло Голована наверхъ величія народнаго.

Это было по веснѣ, должно-быть вскорѣ послѣ того, какъ выѣхалъ на русскія поля изумрудныя молодой Егорій свѣтлохрабрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяць, по концамъ звѣзды переходя, а Божій людъ честной-праведный выгналъ встрѣчь ему малъ и крупень скотъ. Травка была еще такъ мала, что овца и коза ея едва-едва наѣдались, а толстогубая корова мало могла захватывать. Но

подъ плетнями въ тѣняхъ и по канавкамъ уже ботвъли польны и крапива, которыя съ росой за нужду ѣлися.

Выгналъ Панька перекрещиванскихъ коровъ рано, еще затемно, и прямо бережкомъ около Орлика прогналъ за слободу на полянку, какъ разъ напротивъ конца Третьей Дворянской улицы, гдѣ съ одной стороны по скату шель старый, такъ называвшійся «городецкій» садъ, а слѣва на своемъ обрывкѣ лѣшилось Голованово гнѣздо.

Было еще холодно, особенно передъ зарею, по утрамъ, а кому спать хочется, тому еще холоднѣе кажется. Одежда на Панькѣ была, разумѣется, плохая, сиротская, какая-нибудь рвань съ дырой на дырѣ. Парень вертится на одну сторону, вертится на другую, молитъ, чтобы святой Ѳедуль на него теплою подуль, а на мѣсто того все холодно. Только заведеть глаза, а вѣтерокъ заюлить, заюлить въ прорѣху, и опять разбудить. Однако, молодая сила взяла свое: натянулъ Панька свитку на себя совсѣмъ сверхъ головы, шаляшникомъ, и задремалъ. Часъ какой не слышалъ, потому что зеленая богоявленская колокольня далеко. А вокругъ никого, нигдѣ ни одной души человѣческой, только толстыя купеческія коровы пыхтятъ, да нѣтъ-нѣтъ въ Орликѣ рѣзвый окунь всплеснетъ. Дремлется пастуху и въ дырявой свиткѣ. Но вдругъ, какъ будто что-то его подъ бокъ толкнуло, вѣроятно, зефиръ гдѣ-нибудь еще новую дыру нашель, Панька вскинулся, повель съ просонья глазами, хотѣлъ крикнуть: «куда комолая», и остановился. Показалось ему, что кто-то на той сторонѣ спускается съ кручи. Можетъ-быть воръ хочетъ закопать въ глинѣ что-нибудь краденое. Панька заинтересовался: можетъ-быть, онъ подстержетъ вора и накроетъ его, либо закричитъ ему «чуръ вмѣстѣ», а еще лучше постарается хорошенько замѣтить похоронку, да потомъ переплыветъ днемъ Орликъ, выкопаетъ и все себѣ безъ раздѣла возьметъ.

Панька воззрися, и все на кручу за Орликъ смотреть. А на дворѣ еще чуть сѣрѣло.

Вотъ кто-то спускается съ кручи, сошелъ, сталъ на воду и идетъ. Да такъ просто идетъ по водѣ, будто по суху, и не плескаетъ ничѣмъ, а только костьюлькомъ подпирается. Панька оторопѣлъ. Тогда въ Орлѣ изъ мужского монастыря чудотворца ждали, и голоса уже изъ подполицы слышали. Началось это сразу послѣ «Никодимовыхъ похоронъ». Архи-

ерей Никодимъ былъ злой человѣкъ, отличившійся къ концу своей земной карьеры тѣмъ, что, желая имѣть еще одну кавалерію, онъ изъ угодливости сдалъ въ солдаты очень много духовныхъ, между которыми были и единственные сыновья у отцовъ, и даже сами семейные дьячки и понамари. Они выходили изъ города цѣлой партией, заливаясь слезами. Провожавшіе ихъ также рыдали, и самый народъ, при всей своей нелюбви къ многоовчинному поповскому брюху, плакалъ и подавалъ имъ милостыню. Самому партионному офицеру было ихъ такъ жалко, что онъ, желая положить конецъ слезамъ, велѣлъ новымъ рекрутамъ запѣть пѣсню, а когда они хоромъ стройно и громко затянули ими же сложенную пѣсню:

Архирей нашъ Никодимъ
Архилютный крокодилъ,

то будто бы и самъ офицеръ заплакалъ. Все это тонуло въ морѣ слезъ, и чувствительнымъ душамъ представлялось зломъ, вопіющимъ на небо. И дѣйствительно—какъ достигло ихъ вопленье до неба, такъ въ Орлѣ пошли «гласы». Сначала «гласы» были не выятные, и неизвѣстно отъ кого шли, но когда Никодимъ вскорѣ послѣ этого умеръ и былъ погребенъ подъ церковью, то пошла явная рѣчь отъ прежде его погребеннаго тамъ епископа (кажется Аполлоса). Прежде отшедшій епископъ былъ недоволенъ новымъ сосѣдствомъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, прямо говорилъ: «возьмите вонъ отсюда это падло, душно мнѣ съ нимъ». И даже угрожалъ, что если «падло» не уберутъ, то онъ самъ «уйдетъ и въ другомъ городѣ явится». Это многие люди слышали. Какъ, бывало, пойдутъ въ монастырь ко всеошной и, отстоявъ службу, идутъ назадъ, имъ и слышно; стоишь старый архирей: «возьмите падло». Всѣмъ очень желалось, чтобы заявленіе добраго покойника было исполнено, но не всегда внимательное къ нуждамъ народа начальство не выбрасывало Никодима и явно открывавшійся угодникъ всякую минуту могъ «сойти съ двора».

Вотъ не что иное, какъ это самое, теперь и происходило: угодникъ уходитъ, и видить его только одинъ бѣдный пастишокъ, который такъ отъ этого растерялся, что не только не задержалъ его, но даже не замѣтилъ, какъ святой уже и изъ глазъ у него пропалъ. На дворѣ же только чуть

начало свѣтать. Со свѣтомъ къ человѣку прибываетъ смѣлости, съ смѣлостью усиливается любознательность. Панька захотѣлъ подойти къ самой водѣ, черезъ которую только что прослѣдовало таинственное существо; но едва онъ подошелъ, какъ видитъ тутъ мокрая воротища къ бережку шестомъ приткнуты. Дѣло выяснилось: значить это не угодникъ прослѣдовалъ, а просто проплылъ несмертельный Голованъ: вѣрно, онъ пошелъ какихъ-нибудь обезродѣвшихъ ребятишекъ изъ нѣдра молочкомъ привѣтить. Панька подивился: когда этотъ Голованъ и спитъ!.. Да и какъ онъ, такой мужичище, плаваетъ на такой посудинѣ, — на половинкѣ воротъ? Правда, что Орликъ рѣка не великая и воды его, захваченныя пониже запрудой, тихи какъ въ лужѣ, но все-таки каково это на воротахъ плавать?

Панькѣ захотѣлось самому это попробовать. Онъ сталъ на воротца, взялъ шестикъ, да, шая, и переѣхалъ на ту сторону, а тамъ сошелъ на берегъ Головановъ домъ посмотреть, потому что уже хорошо забрезжило, а между тѣмъ Голованъ въ ту минуту и кричитъ съ той стороны: «Эй! кто мои ворота угналъ! назадъ давай!»

Панька былъ малый не большой отваги и не приученъ былъ рассчитывать на чье-либо великодушіе, а потому испугался и сдѣлалъ глупость. Въмѣсто того, чтобы подать Головану назадъ его плотъ, Панька взялъ да и схоронился въ одну изъ глиняныхъ ямокъ, которыхъ тутъ было множество. Залегъ Панька въ яминку, и сколько его Голованъ ни звалъ съ той стороны, онъ не показывается. Тогда Голованъ, видя, что ему не достать своего корабля, сбросилъ тумухъ, раздѣлся до нага, связавъ весь свой гардеробъ ремнемъ, положилъ на голову и поплылъ черезъ Орликъ. А вода была еще очень холодна.

Панька объ одномъ заботился, чтобы Голованъ его не увидалъ и не побилъ; но скоро его вниманіе было привлечено къ другому. Голованъ переплылъ рѣку и началъ-было одѣваться, но вдругъ присѣлъ, глянулъ себѣ подъ лѣвое колено и остановился.

Было это такъ близко отъ яминки, въ которой прятался Панька, что ему все было видно изъ-за глубинки, которою онъ могъ закрываться. И въ это время уже было совсѣмъ свѣтло, заря уже румянѣла, и хотя большинство горожанъ еще спали, но подъ городецкимъ садомъ появился молодой

парень съ косою, который началъ окашивать и складывать въ плетушку крапиву.

Голованъ замѣтилъ косаря и, вставъ на ноги въ одной рубахѣ, громко крикнулъ ему:

— Малець, дай скорѣй косу!

Малець принесъ косу, а Голованъ говоритъ ему:

— Поди мнѣ большой лопухъ сорви,—и какъ парень отъ него отвернулся, онъ снялъ косу съ косы, присѣлъ опять на корточки, оттянулъ одною рукою лкру у ноги, да въ одинъ махъ всю ее и отрѣзалъ прочь. Отрѣзанный шмать мяса величиною въ деревенскую лепешку швырнулъ въ Орликъ, а самъ зажалъ рану обѣими руками и повалился.

Увидѣвъ это, Панька про все позабылъ, выскочилъ и сталъ звать косаря.

Нарни взяли Голована и перетащили къ нему въ избу, а онъ здѣсь пришелъ въ себя, велѣлъ достать изъ коробки два полотенца и скрутить ему порѣзъ какъ можно крѣпче. Они стянули его изо всей силы, такъ что кровь перестала.

Тогда Голованъ велѣлъ имъ поставить около него ведро съ водою и ковшикъ, а самимъ идти къ своимъ дѣламъ, и никому про то, что было, не сказывать. Они же пошли и, трясясь отъ ужаста, всѣмъ рассказали. А услышавшіе про это сразу догадались, что Голованъ это сдѣлалъ не просто, а что онъ, такимъ образомъ, избавился за людей, бросилъ язвъ шмать своего тѣла на тотъ конецъ, чтобы онъ прошелъ жертвией по всѣмъ русскимъ рѣкамъ изъ малаго Орлика въ Оку, изъ Оки въ Волгу по всей Руси великой до широкаго Каспія, и тѣмъ Голованъ за всѣхъ отстрадалъ, а самъ онъ отъ этого не умретъ, потому что у него въ рукахъ аптекаревъ живой камень и онъ челоуѣкъ «несмертельный».

Сказъ этотъ пришелъ всѣмъ по мысли да и предсказаніе оправдалось: Голованъ не умеръ отъ своей страшной раны. Лихая же хвороба послѣ этой жертвы, дѣйствительно, прекратилась и настали дни уснокоенія: поля и луга уклочились густой зеленью и привольно стало по нимъ разбѣгать молодому Егорію свѣтло-храброму, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяць, а по концамъ звѣзды переходя. Отбѣлились холсты свѣжею юрьевой росой, выгхаль вѣгѣсто витязя Егорія въ поле Іеремія пророкъ съ тяжелымъ

ярмомъ, вѣлоча сохи да бороны, засвистали соловьи въ Борисовъ день, утѣшая мученика, старшіими святой Мавры засинѣла крѣпкая разсада, прошелъ Зосима святой съ долгимъ костылемъ, въ набалдашникѣ пчелиную матку пронесъ; минулъ день Ивана Богословца «Николина батюшки» и самъ Никола отпразднованъ, и сталъ на дворѣ Симонъ Зилоть, когда земля именинница. На землины именины Голованъ выльзъ на завалинку, и съ той поры мало-помалу ходить началъ и снова за свое дѣло принялся. Здоровье его, повидимому, нимало не пострадало, но только онъ «шкандыбать» сталъ,—на лѣвую ножку подпрыгивалъ.

О трогательности и отвагѣ его кроваваго надъ собою поступка, люди, вѣроятно, имѣли высокое мнѣніе, но судили о немъ такъ, какъ я сказалъ: естественныхъ причинъ ему не доискивались, а, окутавъ все своею фантазією, сочинили изъ естественнаго событія баснословную легенду, а изъ простаго, великодушнаго Голована сдѣлали мнѣическое лицо, что-то въ родѣ волхва, кудесника, который обладалъ neodолжимымъ талисманомъ и могъ на все отважиться и нигдѣ не погибнуть.

Зналъ или не зналъ Голованъ, что ему присвоивала такіа дѣла людская молва, — мнѣ неизвѣстно. Однако, я думаю, что онъ зналъ, потому что къ нему очень часто обращались съ такими просьбами и вопросами, съ которыми можно обращаться только къ доброму волшебнику. И онъ на многіе такіе вопросы давалъ «помогательные совѣты», и вообще ни за какой спросъ не сердился. Бывалъ онъ по слободамъ и за коровьяго врача, и за людского лѣкаря, и за инженера, и за звѣздоточія, и за аптекаря. Онъ умѣлъ сводить шелуди и коросту, опять-таки какою-то «ермоловской мазью», которая стоила одинъ мѣдный грошъ на трехъ человѣкъ; вынималъ соленымъ огурцомъ жаръ изъ головы; зналъ, что травы надо собирать съ Ивана до полу-Петра, и отлично «воду показывалъ», то-есть гдѣ можно колодець рыть. Но это онъ могъ, впрочемъ, не во всякое время, а только съ начала іюня до св. Ѳедора Колодезника, пока «вода въ землѣ слышно какъ идетъ по суставчикамъ». Могъ Голованъ сдѣлать и все прочее, что только челоуѣку надо, но на остальное у него передъ Богомъ былъ зарокъ данъ за то, чтобы пупырухъ остановился. Тогда онъ это кровью своею подтвердилъ и держалъ крѣпко-на-крѣпко. За то его

и Богъ любилъ и миловалъ, а деликатный въ своихъ чувствахъ народъ никогда не просилъ Голована о чемъ ненадобно. По народному этикету это такъ у насъ принято.

Головану, впрочемъ, столь не тягостно было отъ мистическаго облака, которымъ повивала его народная fama, что онъ не употреблялъ, кажется, никакихъ усилій разрушить все, что о немъ сложилось. Онъ зналъ, что это напрасно.

Когда я съ жадностью пробѣгалъ листы романа Виктора Гюго «Труженики моря» и встрѣтилъ тамъ Жильята, съ его гениально очерченной строгостью къ себѣ и снисходительностію къ другимъ, достигшей высоты совершеннаго самоотверженія, я былъ пораженъ не однимъ величіемъ этого облика и силою его изображенія, но также и тождествомъ гернсейскаго героя съ живымъ лицомъ, котораго я зналъ подъ именемъ Голована. Въ нихъ жилъ одинъ духъ и бились самоотверженнымъ боемъ сходныя сердца. Немного разнились они и въ своей судьбѣ: во всю жизнь вокругъ нихъ густѣла какая-то тайна, именно потому, что они были слишкомъ чисты и ясны и какъ одному, такъ и другому не выпало на долю ни одной капли личнаго счастья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Голованъ, какъ и Жильять, казался «сумнителенъ въ вѣрѣ». Думали, что онъ былъ какой-нибудь раскольникъ, но это еще не важно, потому что въ Орлѣ въ то время было много всякаго разновѣрія: тамъ были (да вѣрно и теперь есть) и простыя старовѣры, и старовѣры не простыя, — и едосѣвцы, «шилопоны», и перекрещиванцы, — были даже хлысты, и «люди Божіи», которыхъ далеко высылали судомъ человѣческимъ. Но все эти люди крѣпко держались своего стада и твердо порицали всякую иную вѣру, — обились другъ отъ друга въ молитвѣ и яденіи, и однихъ себя разумѣли на «пути правомъ». Голованъ же вель себя такъ, какъ будто онъ даже совсѣмъ не зналъ ничего настоящаго о наилучшемъ пути, а ломалъ хлѣбъ отъ своей краухи безъ разбору каждому, кто просилъ, и самъ садился за чей угодно столъ, гдѣ его приглашали. Даже жиду Юшкѣ изъ гарнизона онъ давалъ для дѣтей молока. Но нехристіанская сторона этого послѣдняго поступка по любви народа къ Головану нашла себѣ кое-какое извиненіе: люди про-

никли, что Голованъ, задабривая Юшку, хотѣлъ добыть у него тщательно сохраняемые евреями «іудины губы», которыми можно передъ судомъ отолгаться, или «волосатый овощъ», который жидамъ жажду тушить, такъ что они могутъ вина не пить. Но что совсѣмъ было непонятно въ Голованѣ, это то, что онъ водился съ мѣдникомъ Антономъ, который пользовался въ разсужденіи всѣхъ настоящихъ качествъ самую плохую репутацію. Этотъ человѣкъ ни съ кѣмъ не соглашался въ самыхъ священныхъ вопросахъ, а выводилъ какіе-то таинственные зодіи и даже что-то сочинялъ. Жилъ Антонъ въ слободѣ, въ пустой горенкѣ на чердачкѣ, платя по полтинѣ въ мѣсяцъ, но держалъ тамъ такія страшныя вещи, что къ нему никто не заходилъ, кромѣ Голована. Извѣстно было, что Антонъ имѣлъ здѣсь планъ, рекомый «зодіи», и стекло, которымъ «съ солнца огонь изводилъ»; а кромѣ того, у него былъ лазъ на крышу, куда онъ вылѣзалъ ночами наружу, садился какъ котъ у трубы, «выставлялъ плезирную трубку» и въ самое сонное время на небо смотрѣлъ. Приверженность Антона къ этому инструменту не знала предѣловъ, особенно въ звѣздныя ночи, когда ему видны были всѣ зодіи. Какъ только прибѣжить отъ хозяина, гдѣ работала мѣдную работу — сейчасъ проскользнетъ черезъ свою горенку и уже лѣзетъ изъ слухового окна на крышу, и если есть на небѣ звѣзды, онъ цѣлыя ночи сидитъ и все смотритъ. Ему это могли бы простить, если бы онъ былъ ученый, или, по крайней мѣрѣ, нѣмецъ, но какъ онъ былъ простой русскій человѣкъ—его долго отучали, не разъ доставали шестами и бросали навозомъ и дохлой кошкой, но онъ ничему ни внималъ и даже не замѣчалъ, какъ его тычуть. Всѣ, смѣясь, звали его «Астраномъ», а онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ астрономъ *).

*) Я и мой товарищъ по гимназій, нынче извѣстный русскій математикъ, К. Д. Красевичъ, знавали этого антика, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда мы были въ третьемъ классѣ орловской гимназій и жили вмѣстѣ въ домѣ Лосевыхъ. «Антонъ-астрономъ» (тогда уже престарѣлый), дѣйствительно, имѣлъ кое-какія понятія о небесныхъ свѣтилахъ и о законахъ вращенія, но главное, что было интересно: онъ самъ приготовлялъ для своихъ трубъ стекла, отшлифовывая ихъ пескомъ и камнемъ изъ донышекъ толстыхъ хрустальныхъ стакановъ и черезъ нихъ онъ оглядывалъ цѣлое небо... Жилъ онъ нищимъ, но не чувствовалъ своей нищеты, потому что находился въ постоянномъ восторгѣ отъ «зодіи».

Человѣкъ онъ былъ тихій и очень честный, но вольнодумецъ: увѣрялъ, что земля вертится и что мы бываемъ на ней внизъ головами. За эту послѣднюю очевидную несообразность Антонъ былъ битъ и признанъ дурачкомъ, а потомъ какъ дурачокъ сталъ пользоваться свободою мышленія, составляющею привилегію этого выгоднаго у насъ званія, и заходилъ до невѣроятнаго. Онъ не признавалъ седьминъ Данила прореченными на русское царство, говорилъ, что «звѣрь десятирогій» заключается въ одной аллегоріи, а звѣрь медвѣдица—астрономическая фигура, которая есть въ его планахъ. Также онъ вовсе неправославно разумѣлъ о «крылѣ орла», о фіалахъ и о печати антихристовой. Но ему, какъ слабоумному, все это уже прощалось. Онъ былъ не женатъ, потому что ему некогда было жениться и нечѣмъ было бы кормить жену, да и какая же дура рѣшилась бы выйти за астронома? Голованъ же былъ въ полномъ умѣ, но не только водился съ астрономомъ, а и не шутилъ надъ нимъ; ихъ даже видали ночами вмѣстѣ на астрономовой крышѣ, какъ они, то одинъ, то другой, перемѣняясь, посматривали въ плезирную трубку на зодіи. Понятно, что за мысли могли внушать эти двѣ стоящія ночью у трубы фигуры, вокругъ которыхъ работали мечтательное суевѣріе, медицинская поэзія, религіозный бредъ и недоумѣніе... И, наконецъ, сами обстоятельства ставили Голована въ нѣсколько странное положеніе: неизвѣстно было—какого онъ прихода... Холодная хибара его торчала на такомъ отлетѣ, что никакіе духовные стратеги не могли ее присчитать къ своему вѣдѣнію, а самъ Голованъ объ этомъ не заботился, и если его уже очень докучно разспрашивали о приходѣ, отвѣчалъ:

— Я изъ прихода Творца-Вседержителя, —а такого храма во всемъ Орлѣ не было.

Жилъятъ, въ отвѣтъ на предлагаемый ему вопросъ, гдѣ его приходъ, только поднималъ вверхъ палецъ и, указавъ на небо, говорилъ:

— «Вонъ тамъ»;—но сущность обоихъ этихъ отвѣтовъ одинакова.

Голованъ любилъ слушать о всякой вѣрѣ, но своихъ мнѣній на этотъ счетъ какъ будто не имѣлъ, и на случай неоптупнаго вопроса: «како вѣруеши?»—читалъ:

«Вѣрую во единаго Бога-Отца, вседержителя творца, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ».

Это, разумеется, уклончивость.

Впрочемъ, напрасно бы кто-нибудь подумалъ, что Голованъ былъ сектантъ, или бѣжалъ церковности. Нѣтъ, онъ даже ходилъ къ отцу Петру въ Борисоглѣбскій соборъ «совѣсть повѣрять». Придетъ и скажетъ:

— Посрамите меня, батюшка, что-то себѣ очень не нравлюсь.

Я помню этого отца Петра, который къ намъ хаживалъ и однажды, когда мой отецъ сказалъ ему къ какому-то слову, что Голованъ, кажется, человѣкъ превосходной совѣсти, то отецъ Петръ отвѣчалъ:

— Не сомнѣвайтесь; его совѣсть снѣга бѣлѣй.

Голованъ любилъ возвышенныя мысли и зналъ *Попте*, но не такъ, какъ обыкновенно знаютъ писателя люди, *прочитавшіе* его произведеніе. Нѣтъ; Голованъ, одобривъ «Опытъ о человѣкѣ», подаренный ему тѣмъ же Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, зналъ всю поэму *наизусть*. И я помню, какъ онъ, бывало, слушаетъ, стоя у притолки, рассказъ о какомъ-нибудь новомъ грустномъ происшествіи и, вдругъ вздохнувъ, отвѣчаетъ:

«Любезный Боляброкъ, гордыня въ насъ одна
«Всѣхъ заблужденій сихъ неистовыхъ вина».

Читатель напрасно сталъ бы удивляться, что такой человѣкъ, какъ Голованъ, перекидывался стихами *Попте*. Тогда было время жестокое, но поэзія была въ модѣ, и ея великое слово было дорого даже мужамъ кровей. Отъ господъ это снисходило до плебея. Но теперь я дохожу до самаго большого казуса въ исторіи Голована, — такого казуса, который уже несомнѣнно бросалъ на него двусмысленный свѣтъ, даже въ глазахъ людей, не склонныхъ вѣрить всякому вздору. Голованъ представлялся нечистымъ въ какомъ-то отдаленномъ прошломъ. Это оказалось вдругъ, но въ самыхъ рѣзкихъ видахъ. Появилась на стогнахъ Орла личность, которая ни въ чьихъ глазахъ ничего не значила, но на Голована заявляла могущественныя права и обходилась съ нимъ съ невѣроятною наглостію.

Эта личность и исторія ея появленія есть довольно характерный эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ нравовъ и не лишенная колорита бытовая картинка. А потому — прошу минуту вниманія въ сторону, — немножко вдалѣ отъ Орла,

въ края еще болѣе теплые, къ тихоструйной рѣкѣ въ ковровыхъ берегахъ, на народный «пиръ вѣры», гдѣ нѣтъ мѣста дѣловой, будничной жизни; гдѣ все, — *рѣшительно все*, проходитъ черезъ своеобычную религіозность, которая и придаетъ всему свою особенную рельефность и живость. Мы должны побывать при открытіи мощей новаго угодника, что составляло для самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества событіе величайшаго значенія. Для простого же народа это была эпопея, или, какъ говорилъ одинъ тогдашній витія, — «свершался священный пиръ вѣры».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Такого движенія, которое началось ко времени открытія торжества, не можетъ передать ни одно изъ напечатанныхъ въ то время сказаній. Живая, но низменная дѣла сторона отъ нихъ уходила. Это не было нынѣшнее спокойное путешествіе въ почтовыхъ экипажахъ или по желѣзнымъ дорогамъ съ остановками въ благоустроенныхъ гостиницахъ, гдѣ есть все нужное и за сходную цѣну. Тогда путешествіе было подвигомъ и въ этомъ случаѣ благочестивымъ подвигомъ, котораго, впрочемъ, и стоило ожидаемое торжественное событіе въ церкви. Въ немъ было такъ же много поэзіи, — и опять-таки особенной, — пестрой и проникнутой разнообразными переливами церковно-бытовой жизни, ограниченной народной наивности и безконечныхъ стремленій живого духа.

Изъ Орла къ этому торжеству отправилось множество народа. Больше всего, разумѣется, усердствовало купечество, но не отставали и средней руки помѣщики, особенно же валилъ простой народъ. Эти шли пѣшкомъ. Только тѣ, кто везъ «для цѣльбы» немощныхъ, тянулись на какой-нибудь кляченкѣ. Иногда, впрочемъ, и немощныхъ везли *на себѣ* и даже не очень тѣмъ тяготились, потому что съ немощныхъ на постоянныхъ дворахъ за все брали дешевле, а иногда даже и совсѣмъ пускали безъ платы. Было не мало и такихъ, которые нарочно на себя «болѣзни сказывали: подь лобъ очи пущали, и двое третьяго, по перемѣнкамъ, на колесеньгахъ везли, чтобы имать доходъ жертвенный на воскъ и на масло, и на другіе обряды».

Такъ я читалъ въ сказаніи не печатанномъ, но вѣр-

номъ списанномъ не по шаблону, а съ «живого видѣнія», и человѣкомъ, предпочитавшимъ правду тенденціозной лживости того времени.

Движеніе было такое многолюдное, что въ городахъ Ливнахъ и въ Ельцѣ, черезъ которые лежалъ путь, не было мѣстъ ни на постоянныхъ дворахъ, ни въ гостиницахъ. Случалось, что важные и именитые люди ночевали въ своихъ каретахъ. Овесъ, сѣно, крупа—все по тракту поднялось въ цѣны, такъ что, по замѣчанію моей бабушки, воспоминаніями которой я пользуюсь, съ этихъ поръ въ нашей сторонѣ, чтобы накормить человѣка студенемъ, щами, бараниной и кашей, стали брать на дворахъ по пятьдесятъ двѣ копейки (то-есть пятиалтынный), а до того брали двадцать пять (или $7\frac{1}{2}$ коп.). По нынѣшнему времени,—конечно, и пятиалтынный—цѣна совершенно невѣроятная, однако, это такъ было, и открытіе мощей новаго угодника въ подъемѣ цѣнности на жизненные припасы имѣло для прилегающихъ мѣстъ такое же значеніе, какое въ недавніе годы имѣлъ для Петербурга пожаръ мстинскаго моста. «Цѣна *вскочила* и такая и осталась».

Изъ Орла, въ числѣ прочихъ паломниковъ, отправилось на открытіе семейство купцовъ С—хъ, людей въ свое время очень извѣстныхъ «ссыщниковъ», то-есть проще сказать крупныхъ кулаковъ, которые ссыщаютъ въ амбары хлѣбъ съ возовъ у мужиковъ, и потомъ продаютъ свои «ссынки» оптовымъ торговцамъ въ Москву и въ Ригу. Это прибыльное дѣло, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ было не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горькимъ опытомъ дознали, что даже къ глупому кулачному дѣлу они неспособны. Купцы С. считались, по своему значенію, первыми ссыщниками и важность ихъ простиралась до того, что дому ихъ вмѣсто фамиліи была дана возвышающая кличка. Домъ былъ, разумѣется, строго благочестивый, гдѣ утромъ молились, цѣлый день тѣснили и обирали людей, а потомъ вечеромъ опять молились. А ночью псы цѣпями по канатамъ гремятъ и во всѣхъ окнахъ—«лампадъ и сіяніе», громкій храпъ и чьи-нибудь жгучія слезы.

Правиль домохъ, по нынѣшнему, сказали бы «основатель фирмы», а тогда просто говорили «самъ». Былъ это мякенькій старичокъ, котораго, однако, всѣ какъ огня боя-

лись. Говорили о немъ, что онъ умѣлъ мягко спать, да было жестко спать: обходилъ всѣхъ словомъ «матинька», а спускалъ къ чорту въ зубы. Типъ, извѣстный и знакомый типъ торговаго патріарха.

Вотъ этотъ-то патріархъ и ѣхалъ на открытіе «въ большемъ составѣ», — самъ, да жена, да дочь, которая страдала «болѣзною меланхоліи» и подлежала исцѣленію. Испытаны были надъ нею всѣ извѣстныя средства народной поэзіи и творчества: ее поили бодрящимъ девясиломъ, обсыпали пионією, которая унимаетъ надхожденіе стѣни, давали нюхать майранъ, что въ головѣ мозгъ поправляетъ, но ничто не помогло и теперь ее взяли къ угоднику, поспѣвая на первый случай, когда пойдетъ самая первая сила. Вѣра въ преимущество *первой силы* очень велика и она имѣетъ своимъ основаніемъ сказаніе о силоамской купѣли, гдѣ тоже исцѣлявали *первые*, кто успѣвалъ войти по возмущеніи воды.

Ѣхали орловскіе купцы черезъ Ливны и черезъ Елецъ, претерпѣвая большія затрудненія, и совершенно измучились, пока достигли къ угоднику. Но улучшить «первый случай» у угодника оказалось невозможнымъ. Народу собралась такая область, что и думать нечего было протолкаться въ храмъ, ко всепощной, подъ «открытый день», когда собственно и есть «первый случай», т.-е., когда отъ новыхъ мошей исходитъ самая большая сила.

Купецъ и жена его были въ отчаяніи, — равнодушнѣе всѣхъ была дочка, которая не знала, чего она лишалася. Надеждъ никакихъ не было помочь горю, — столько было знати, съ такими фамиліями, а они простые купцы, которые хотя въ своемъ мѣстѣ что-нибудь и значили, но здѣсь, въ такомъ скопленіи христіанскаго величія, совсѣмъ потерялись. И вотъ однажды, сидя въ горѣ подъ своею кибиточкою за чаемъ на постояломъ дворѣ, жалуется патріархъ женѣ, что уже и надежды никакой не полагаетъ достигнуть до святого гроба ни въ первыхъ, ни во вторыхъ, а развѣ доведется какъ-нибудь въ самыхъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ниварями и рыбаками, т. е. вообще съ простымъ народомъ. А тогда уже какая радость: и полиція освирѣпѣетъ, и духовенство заморится—вдоволь помолиться не дастъ, а совать станетъ. И вообще тогда все не то, когда уже приложится столько тысячъ устъ всякаго народа.

Въ таковыхъ видахъ можно было и послѣ прѣхать, а они не того досиѣвали: они ѣхали, томились, дома дѣло на приказчицкія руки бросили и дорогою за все втридорога платили, и вотъ тебѣ вдругъ какое утѣшеніе.

Пробоваль купецъ разъ и два достигнуть до дьяконовъ,— готовъ былъ дать благодарность, но и думать нечего,— съ одной стороны одно стѣсненіе, въ видѣ жандарма съ бѣлой рукавицею или казака въ плетью (ихъ тоже пришло къ открытію мощей множество), а съ другой — еще опаснѣе, что задавить самъ православный народушко, который волновался какъ океанъ. Уже и были «разы» и даже во множествѣ и вчера, и сегодня. Шарахнутся гдѣ-нибудь добрые христіане отъ взмаха казачьей нагайки цѣлой стѣною въ пять, въ шесть сотъ человѣкъ, и какъ попрутъ, да поналяжутъ стѣной друженъко, такъ изъ середины только стонъ да пахъ пойдетъ, а потомъ, по освобожденіи, много видано женскаго уха въ серыгахъ рванаго и персты изъ-подъ колець верчены, а двѣ-три души и совсѣмъ Богу преста-влялись.

Купецъ всѣ эти трудности и высказываетъ за чаемъ женѣ и дочери, для которой особенно надо было улучшить первыя силы, а какой-то «пустошный человѣкъ», невѣдомо городскаго или сельскаго званія, все между разными кибитками ходитъ подъ сараемъ, да какъ будто засматриваетъ на орловскихъ купцовъ съ намѣреніемъ.

«Пустошныхъ людей» тогда тоже собралось здѣсь много. Имъ не только было свое мѣсто на этомъ ширшествѣ вѣры, но они даже находили здѣсь себѣ хорошія занятія; а потому понахлынули сюда въ изобиліи, изъ разныхъ мѣстъ, и особенно изъ городовъ, прославленныхъ своими воровскими людьми, т. е. изъ Орла, Кромъ, Ельца и изъ Ливенъ, гдѣ славились большіе мастера чудеса строить. Все сошедшіе сюда пустошные люди искали себѣ своихъ промысловъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ дѣйствовали строемъ, располагаясь кучками въ толпахъ, гдѣ удобно было при содѣйствіи казака произвести натискъ и смятеніе, и во время суматохи обыскать чужіе карманы: сорвать часы, поясныя пряжки и повыдергать серыги изъ ушей; а люди болѣе степенные ходили въ одиночку по дворамъ, — жаловались на убожество, «сказывали сны и чудеса», предлагали привороты, отвороты и «старымъ людямъ секретныя помочи изъ

китоваго сѣмени, вороньяго сала, слоновьей спермы» и другихъ снадобій, отъ коихъ «сила постоянная движеть». Снадобья эти не утрачивали своей цѣны и здѣсь, потому что, къ чести человѣчества, совѣсть не за всѣми исцѣленіями позволяла обращаться къ угоднику. Не менѣе охотно пустощные люди смирнаго обычая занимались просто воровствомъ и при удобныхъ случаяхъ нерѣдко до-чиста обворовывали гостей, которые за немѣнѣемъ помѣщеній жили въ своихъ повозкахъ и подъ повозками. Мѣста вездѣ было мало и не всѣ повозки находили себѣ пріютъ подъ сараями постоянныхъ дворовъ; другія же стояли обозомъ за городомъ на открытыхъ выгонахъ. Тутъ шла жизнь еще болѣе разнообразная и интересная и притомъ еще болѣе полная отбѣнокъ священнои и медицинскои поэзіи и занимательныхъ плутней. Темные промышленники шныряли повсемѣстно, но пріютомъ имъ былъ этотъ загородный, «бѣдный обозъ», съ окружавшими его оврагами и лачужками, гдѣ шло ожесточенное корчемство водкой, и въ двухъ-трехъ повозкахъ стояли румяныя солдатки, пріѣхавшія сюда вскладчину. Тутъ же фабриковались стружки отъ гроба, «печатная земля», кусочки истлѣвшихъ ризъ и даже «частицы». Иногда между промышленявшими этими дѣлами художниками попадались люди очень остроумные и выкидывали штуки интересныя и замѣчательныя по своей простотѣ и смѣлости. Таковъ былъ и тотъ, котораго замѣтило благочестивое орловское семейство. Проходимецъ подслушалъ ихъ сѣтованіе о невозможности приступить къ угоднику прежде чѣмъ отъ мощей истекуть первыя струи цѣлебной благодати, и прямо подошелъ и заговорилъ на чистоту:

— Скорби-де ваши я слышалъ и могу помочь, а вамъ меня избѣгать нечего... Безъ насъ вы здѣсь теперь желаемогаго себѣ удовольствія, при столь большомъ и именитомъ сѣздѣ, не получите, а мы въ такихъ раззахъ бывали и средства знаемъ. Угодно вамъ быть у самыхъ первыхъ силъ угодника—не пожалѣйте за свое благополучіе сто рублей и я васъ поставлю.

Купецъ посмотрѣлъ на субъекта и отвѣчалъ:

— Полно врать.

Но тотъ свое продолжалъ:

— Вы,—говорить:—вѣроятно, такъ думаете, судя по моему ничтожеству; но ничтожное въ очахъ человѣческихъ

можетъ быть совсѣмъ въ другомъ расчисленіи у Бога, и я за что берусь, то твердо могу исполнить. Вы вотъ смущаетесь насчетъ земного величія, что его много наѣхало, а мнѣ оно все прахъ, и будь тутъ хоть видимо-невидимо однихъ принцевъ и королей, они нисколько намъ не могутъ препятствовать, а даже всѣ сами передъ нами разступятся. А потому, если вы желаете сквозь все пройти чистымъ и гладкимъ путемъ и самыхъ первыхъ лицъ увидеть, и другу Божію дать самыя первыя лобызанія, то не жалѣйте того, что сказано. А если ста рублей жалко и не побрезгаете компаніей, то я живо подберу еще два человѣка, коихъ на примѣтъ имѣю, и тогда вамъ дешевле станетъ.

Что оставалось дѣлать благочестивымъ поклонникамъ? Конечно, рискованно было вѣрить пустошному человѣку, но и случая упустить не хотѣлось, да и деньги требовались небольшія, особенно если въ компаніи... Патріархъ рѣшился рискнуть и сказалъ:

— Ладь компанію.

Пустошный человѣкъ взялъ задатокъ и побѣжалъ, наказавъ семейству рано пообѣдать и за часъ передъ тѣмъ, какъ ударять къ вечернѣ въ первый колоколъ, взять каждому съ собою по новому ручному полотенцу и идти за городъ, на указанное мѣсто «въ бѣдный обозъ», и тамъ ожидать его. Оттуда немедленно же долженъ былъ начинаться походъ, котораго, по увѣреніямъ антрепренера, не могли остановить никакіе принцы, ни короли.

Таковыя «бѣдные обозы» въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ становились широкимъ станомъ при всѣхъ подобныхъ сборищахъ, и я самъ видалъ ихъ и помню въ Коренной подѣ Курскомъ, а о томъ, о которомъ наступаетъ повѣствованіе, слышалъ рассказы отъ очевидцевъ и свидѣтелей тому, что будетъ сейчасъ описано.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мѣсто, занятое бѣднымъ становищемъ, было за городомъ, на обширномъ и привольномъ выгонѣ, между рѣкою и столбовою дорогою, а въ концѣ примыкало къ большому, извилистому оврагу, по которому бѣжалъ ручеекъ и росъ густой кустарникъ; сзади начинался могучій сосновый лѣсъ, гдѣ влектали орлы.

На выгонѣ расположилось множество бѣдныхъ повозокъ

и колымага, представлявшихъ, однако, во всей своей нищетѣ довольно пестрое разнообразіе національнаго генія и изобрѣтательности. Были обыкновенныя рогожныя будки, полотняные шатры, во всю телѣгу, «бесѣдки» съ пушистымъ ковылемъ-травой и совершенно безобразныя дубковыя окаты. Цѣлый большой дубъ съ вѣковой лины согнуть и приколотъ къ телѣжнымъ гридкамъ, а подъ нимъ лежка: лежать люди ногами къ ногамъ въ нутро экипажа, а головы къ вольному воздуху, на обѣ стороны впередъ и назадъ. Надъ возлежачими проходитъ вѣтерокъ и вентилируетъ, чтобы имъ можно было не задохнуться въ собственномъ духу. Тутъ же у взвизанныхъ къ оглоблямъ пихтерей съ сѣномъ и хрѣтуговъ стояли кони, большею частію топче, всѣ въ хомутахъ и иные, у бережливыхъ людей, подъ рогожными «крышками». При нѣкоторыхъ повозкахъ были и собачки, которыхъ хотя и не слѣдовало бы брать въ паломничество, но это были «усердные» собачки, которыя догнали своихъ хозяевъ на второмъ, третьемъ покормѣ и ни при какомъ бойлѣ не хотѣли отъ нихъ отвязаться. Имъ здѣсь не было мѣста по настоящему положенію паломничества, но онѣ были терпимы, и, чувствуя свое контрабандное положеніе, держали себя очень смиренно; онѣ жались гдѣ-нибудь у телѣжнаго колеса подъ дегтяркою и хранили серьезное молчаніе. Одна скромность спасала ихъ отъ остракизма и отъ опаснаго для нихъ крещенаго цыгана, который въ одну минуту «снямалъ съ нихъ шубы». Здѣсь, въ бѣдномъ обозѣ, подъ открытымъ небомъ жилось весело и хорошо, какъ на ярмаркѣ. Всякаго разнообразія здѣсь было болѣе, чѣмъ въ гостиничныхъ номерахъ, доставшихся только особымъ избранныкамъ, или подъ навѣсами постоянныхъ дворовъ, гдѣ въ вѣчномъ полумракѣ мѣстились въ повозкахъ люди второй руки. Правда, въ бѣдный обозъ не заходили тучные иноки и иподіаконы, не видать было даже и настоящихъ, опытныхъ странниковъ, но зато здѣсь были свои мастера на всѣ руки и шло обширное кустарное производство разныхъ «святоостей». Когда мнѣ довелось читать извѣстное въ кіевскихъ хроникахъ дѣло о поддѣлкѣ мощей изъ бараньихъ костей, я былъ удивленъ младенчествомъ приѣма этихъ фабрикантовъ въ сравненіи съ смѣлостью мастеровъ, о которыхъ слыхалъ ранѣе. Тутъ это было какое-то откровенное *пеллиже съ отвагой*. Даже самый путь къ выгону по Сло-

бодской улицѣ уже отличался ничѣмъ нестѣсняемою свободою самой широкой предприимчивости. Люди знали, что этакіе случаи не часто выпадаютъ и не теряли времени: у многихъ ворѣтъ стояли столики, на которыхъ лежали иконки, крестики и бумажные сверточки съ гнилою древесною пылью, будто бы отъ стараго гроба, и тутъ же лежали стружки отъ новаго. Весь этотъ матеріалъ былъ, по увѣренію продавцовъ, гораздо высшаго сорта, чѣмъ въ настоящихъ мѣстахъ, потому что принесенъ сюда самими столярами, колачами и плотниками, производившими самыя важныя работы. У входа въ лагерь вертѣлись «носящіе и сидящіе» съ образками новаго угодника, заклеенными пока бѣлою бумажкою съ крестикомъ. Образки эти продавались по самой дешевой цѣнѣ и покупать ихъ можно было сію же минуту, но открывать нельзя было до отелуженія перваго молебна. У многихъ недостойныхъ, кушившихъ такіе образки и открывшихъ ихъ раньше времени, они оказались чистыми дощечками. Въ оврагѣ же за становищемъ, подъ санями, опрокинутыми къ верху полозьями, жили у ручья цыганъ съ цыганкою и цыганятами. Цыганъ и цыганка имѣли тутъ большую лечебную практику. У нихъ на одномъ полозѣ былъ привязанъ за ногу большой безголовый «пѣтухъ», изъ котораго выходили по утрамъ камни, «двигавшіе постельную силу», и цыганъ имѣлъ кошкину траву, которая тогда была весьма нужна къ «болячкамъ афедроновымъ». Цыганъ этотъ былъ въ своемъ родѣ знаменитость. Слава о немъ шла такая, что онъ, когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ дѣвъ открывали, и тамъ онъ не лишній былъ: онъ старыхъ людей на молодыхъ передѣлывалъ, прутыя сѣченья господскимъ людямъ лѣчилъ и военнымъ кавалерамъ заплечный бой изъ нутра черезъ водотокъ выводилъ. Цыганка же его, кажется, знала еще большія тайны природы: она двѣ воды мужьямъ давала: одну ко обличенію женъ, кои блудно грѣшатъ; той воды, если женамъ дать, она въ нихъ не удержится, а насквозь пройдетъ, а другая вода магнитная: отъ этой воды жена неохочая во снѣ страстно мужа обійметъ, а если усилится другого любить— съ постели станетъ падать.

Словомъ, дѣло здѣсь кипѣло и многообразныя нужды человечества находили тутъ полезныхъ пособниковъ.

Пустошный человѣкъ, какъ завидѣлъ купцовъ, не сталъ

съ ними разговаривать, а начал ихъ манить, чтобы сошли въ овражекъ, и самъ туда же впередъ юркнулъ.

Опять это показалось страшновато; можно было опасаться засады, въ которой могли скрываться лихіе люди, способные обобрать богомольцевъ до-гола, но благочестіе превозмогло страхъ и купецъ, послѣ небольшого раздумья, помолясь Богу и поманувъ угодника, рѣшился переступить шага три внизъ.

Сходилъ онъ осторожно, держась за кустики, а женѣ и дочери приказалъ въ случаѣ чего-нибудь кричать изо всей мочи.

Засада здѣсь и въ самомъ дѣлѣ была, но не опасная: купецъ нашелъ въ оврагѣ двухъ такихъ же, какъ онъ, благочестивыхъ людей въ купеческомъ одѣяніи, съ которыми надо было «сладиться». Всѣ они должны были здѣсь заплатить пустошному уговорную плату за проводы ихъ къ угоднику, а тогда онъ имъ откроетъ свой планъ и сейчасъ ихъ поведетъ. Долго думать было нечего и упорство ни къ чему не вело: кунцы сложили сумму и дали, а пустошный открылъ имъ свой планъ, простой, но, по простотѣ своей, чисто гениальный: онъ заключался въ томъ, что въ «бѣдномъ обозѣ» есть извѣстный пустошному человѣку чловѣкъ разслабленный, котораго надо только поднять и нести къ угоднику и никто ихъ не остановитъ и пути имъ не затруднитъ съ болящимъ. Надо только купить для слабаго бользный одрець да покровецъ, и поднявъ его, нести всѣмъ шестерымъ, подвязавши подъ одръ полотенчики.

Мысль эта казалась въ первой своей части превосходною, съ разслабленнымъ носителемъ, конечно, пропустить, но каковы быть могутъ послѣдствія? Не было бы дальше коффуза? Однако и на этотъ счетъ все было успокоено, проводникъ сказалъ только, что это не стоитъ вниманія.

— Мы таковыя разы, — говоритъ: — уже видали: вы въ ваше удовольствіе сподобитесь все видѣть и приложиться къ угоднику во время всеобщаго пѣнія, а въ разсужденіи болящаго, будь воля угодника; — пожелаетъ онъ его исцѣлить — и исцѣлитъ, а не пожелаетъ — опять его воля. Теперь только скиньтесь скорѣе на одрець и на покровецъ, а у меня ужъ все это припасено въ близкомъ домѣ, только надо деньги отдать. Мало меня здѣсь повремените, и въ путь пойдемъ.

Взявъ, поторговавшись, еще на снасть по два рубля съ лица и побѣжалъ, а черезъ десять минутъ назадъ вернулся и говоритъ:

— Идемъ, братія, только не бойко выступайте, а поспустите малость очи побогоммысленнѣе.

Купцы спустили очи и пошли съ благоговѣніемъ, и въ этомъ же «бѣдномъ обозѣ» подошли къ одной повозкѣ, у которой стояла у хрѣстуга совсѣмъ дохлая клячонка, а на передкѣ сидѣлъ маленькій золотушный мальчикъ и забавлялъ себя, перекидывая съ руки на руку ошипанные плоднички желтыхъ пупавокъ. На этой повозкѣ подъ липовымъ лубкомъ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ лицомъ самихъ пупавокъ желтѣе, и руки тоже желтыя; всѣ вытнутыя, и какъ мягкія плети валяются.

Женщины, завидѣвъ такую ужасную немощъ, стали креститься, а проводникъ ихъ обратился къ больному и говоритъ:

— Вотъ, дядя Фотей, добрые люди пришли помочь мнѣ тебя къ исцѣленью нести. Воли Божіей часъ къ тебѣ близятся.

Желтый человѣкъ сталъ поворачиваться къ незнакомымъ людямъ и благодарственно на нихъ смотреть, а перстомъ себѣ на языкъ показываетъ.

Тѣ догадались, что онъ иѣмой. «Ничего,—говорятъ,—ничего, рабъ Божій, не благодари насъ, а Богу благодарствуй», и стали его вытаскивать изъ повозки, — мужчины подъ плечи и подъ ноги, а женщины только его слабыя ручки поддерживали, и еще болѣе напугались страшнаго состоянія больного, потому что руки у него въ плечевыхъ суставахъ совсѣмъ «перевалилися» и только волосяными веревками были кое-какъ перевязаны.

Одрикъ стоялъ тутъ же. Это была небольшая старая кроватка, плотно засыпанная по угламъ клоповыми яйцами; на кроваткѣ лежалъ снопъ соломы и кусокъ рѣдкаго миткала съ грубо выведеннымъ красками крестомъ, копіемъ и тростію. Проводникъ ловкою рукою распушилъ соломку, чтобы на всѣ стороны съ краевъ свѣшивалась, положили на нее желтаго разслабленнаго, покрыли миткалемъ и понесли.

Проводникъ шелъ впереди съ глиняной жаровенкой и крестообразно покуривалъ.

Еще они и изъ обоза не вышли, какъ на нихъ уже начали креститься, а когда пошли по улицамъ, вниманіе къ нимъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе: всѣ, видя ихъ, понимали, что это къ чудотворцу несутъ болящаго и присоединялись. Кушцы шли послѣдующи, потому что слышали благовѣсть ко всемогущей и приняли съ своею ношею какъ разъ во-время, когда зашѣли: «Хвалите имя Господне, раби Господа».

Храмъ, разумѣется, не вмѣщалъ и сотой доли собравшагося народа; видимо-невидимо людей сплошною массою стояло вокругъ церкви, но чуть увидали одръ и посящихъ, всѣ загудѣли: «разслабаго несутъ, чудо будетъ», и вся толпа разступилась.

До самыхъ дверей стала живая улица и дальше все сдѣлалось какъ обѣщаль проводникъ. Даже и твердое упованіе въ вѣры его не осталось въ постыженіи: разслабленный исцѣлялъ. Онъ всталъ, онъ самъ вышелъ на своихъ ногахъ «славяще и благодаряще». Кто-то все это записалъ на записочку, въ которой со словъ проводника исцѣленный разслабленный былъ названъ «родственникомъ» орловскаго купца, черезъ что ему многіе завидовали и исцѣленный за позднимъ временемъ не пошелъ уже въ свой бѣдный обозъ, а ночевалъ подь сараемъ у своихъ новыхъ родственниковъ.

Все это было пріятно. Исцѣленный былъ интереснымъ лицомъ, на котораго многіе приходили взглянуть, и кидали ему «жертвочки». Но онъ еще мало говорилъ и неясственно,—очень шамкалъ съ непривычки и больше все на кушцовъ исцѣленною рукою показывалъ: «ихъ-де спрашивайте, они родственники, они все знаютъ». И тогда тѣ по-неволю говорили, что онъ ихъ родственникъ; но вдругъ подь все это подкралась неожиданная непріятность: въ ночь, наставшую послѣ исцѣленія желтаго разслабленнаго, было замѣчено, что у бархатнаго намета надь гробомъ угодника пропала одинъ золотой шнуръ съ такою же золотою кистью.

Дознавали объ этомъ изъ-подь руки и спросили орловскаго купца, не замѣтилъ ли онъ, близко подходя, и что такое за люди помогли ему нести больного родственника? Онъ по совѣсти сказалъ, что люди были незнакомые, изъ бѣднаго обоза, по усердію несли. Возили его туда узнавать

мѣсто, людей, клячу и телѣжку съ золотушнымъ мальчикомъ, игравшимъ пугавками, но тутъ только одно мѣсто было на своемъ мѣстѣ, а ни людей, ни повозки, ни мальчика съ пугавками и слѣда не было.

Дознаніе бросили, «да не молва будетъ въ людяхъ». Кисть повѣсили новую, а купцы послѣ такой непріятности скорѣе собрались домой. Но только тутъ исцѣленный родственникъ осчастливилъ ихъ новой радостью: онъ обязывалъ ихъ взять его съ собою и въ противномъ случаѣ угрожалъ жалобою, и про кисть напомнилъ.

И потому, когда пришелъ часъ къ отѣзду купцовъ во своелси, Фотей очутился на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, и скинуть его было невозможно до лежавшаго на ихъ пути села Крутого. Здѣсь былъ въ то время очень опасный спускъ съ одной горы и тяжелый подъемъ на другую, и потому случались разныя происшествія съ путниками: падали лошади, переворачивались экипажи и прочее въ этомъ родѣ. Село Крутое непременно надо было прослѣдовать за-свѣтло, иначе надо започевать, а въ сумерки никто не рисковалъ спускаться.

Наши купцы тоже здѣсь переночевали, и утромъ при восхожденіи на гору «растерялись», то-есть потеряли своего исцѣленного родственника Фотея. Говорили, будто съ вечера они «добре его угостили изъ фляги», а утромъ не разбудили и стѣхали, но нашлись другіе добрые люди, которые поправили эту растерянность и, прихвативъ Фотея съ собою, привезли его въ Орелъ.

Здѣсь онъ отыскалъ своихъ неблагодарныхъ родственниковъ, покинувшихъ его въ Крутомъ, но не встрѣтилъ у нихъ родственнаго приѣма. Онъ сталъ нищенствовать по городу и рассказывать, будто кунецъ ѣздилъ къ угоднику не для дочери, а молился, чтобы хлѣбъ подорожалъ. Ни-кому это точнѣе Фотей извѣстно не было.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Не въ долгихъ дняхъ послѣ появленія въ Орлѣ извѣстнаго и покинутаго Фотея, въ приходѣ Михаила Архангела у купца Акулова были «бѣдные столы». На дворѣ, на доскахъ, дымилась большія липовыя чаши съ лапшой и чугуны съ кашей, а съ хозяйскаго крыльца раздавали по рукамъ вагрушки съ лукомъ и широгі. Гостей набралось

множество, каждый съ своей ложкой въ сапогѣ или за пазухой. Пирогамъ одѣлялъ Голованъ. Онъ часто былъ званъ къ такимъ «столамъ» архитриклиномъ и хлѣбодаромъ, потому что былъ справедливъ, ничего не утаитъ себѣ и основательно знаетъ кто какого пирога стоитъ—съ горохомъ, съ морковью или съ печенкой.

Такъ и теперь онъ стоялъ и каждому подходящему «одѣлялъ» большой пирогъ, а у кого знаетъ въ домѣ немощныхъ—тому два и болѣе «на недужную порцію». И вотъ въ числѣ разныхъ подходящихъ подошелъ къ Головану и Фотей, человекъ новый, но какъ будто удивившій Голована. Увидавъ Фотея, Голованъ словно что-то вспомнилъ и спросилъ:

— Ты чей и гдѣ живешь?

Фотей сморщился и проговорилъ:

— Я ничей, а Божій, обшить рабей кожей, а живу подъ рогожей.

А другіе говорятъ Головану: «его кунцы привезли отъ угодника... Это Фотей исцѣленный».

Но Голованъ улыбнулся и заговорилъ-было:

— Съ какой стати это Фотей!—но въ эту же самую минуту Фотей вырвалъ у него пирогъ, а другою рукою далъ ему оглушительную пощечину, и крикнулъ:

— Не бреши лишняго!—и съ этимъ сѣлъ за столы, а Голованъ стергѣлъ и ни слова ему не сказалъ. Всѣ поняли, что вѣрно это такъ надобно, очевидно исцѣленный юродуетъ, а Голованъ знаетъ, что это надо сносить. Но только «въ какомъ расчисленіи стоилъ Голованъ такого обращенія?» Это была загадка, которая продолжалась многіе годы и установила такое мнѣніе, что въ Голованѣ скрывается что-нибудь очень бѣдовое, потому что онъ Фотея боится.

И впрямь тутъ было что-то загадочное. Фотей, скоро павшій въ всеобщемъ мнѣніи до того, что вслѣдъ ему кричали: «у святого кисть укралъ и въ кабацѣ пропилъ», съ Голованомъ обходился чрезвычайно дерзко.

Встрѣчая Голована гдѣ бы то ни было, Фотей заступалъ ему дорогу и кричалъ «долгъ подавай». И Голованъ, нимало ему не возражая, лѣзъ за пазуху и доставалъ оттуда мѣдную гривну. Если же у него не случалось съ собою гривны, а было менше, то Фотей, котораго за нестроту его

дохмотьевъ прозвали Горностаемъ, швырялъ Головану недостаточную дачу назадъ, плевалъ на него и даже билъ его, швырялъ камнями, гризью или сѣбгомъ.

Я самъ помню, какъ однажды въ сумерки, когда отецъ мой со священникомъ Петромъ сидѣли у окна въ кабинетѣ, а Голованъ стоялъ подь окномъ и всѣ они втроемъ вели свой разговоръ, въ открытыя на этотъ случай ворота вбѣжалъ ободранный Горностай и съ крикомъ «забытъ подлецъ!» при всѣхъ ударилъ Голована по лицу, а тотъ, тихонько его отстранилъ, далъ ему изъ-за пазухи мѣдныхъ денегъ и повелъ его за ворота.

Такіе поступки были никому не въ рѣдкость и объясненіе, что Горностай что-нибудь за Голованомъ знаетъ, было конечно, весьма естественно. Понятно, что это возбуждало у многихъ и любопытство, которое, какъ векорѣ увидимъ, имѣло вѣрное основаніе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мнѣ было около семи лѣтъ, когда мы оставили Орель и переѣхали на постоянное житье въ деревню. Съ тѣхъ жоръ я уже не видалъ Голована. Потомъ наступило время учиться и оригинальный мужикъ съ большой головою пропалъ у меня изъ вида. И слышалъ я о немъ только разъ, во время «большого пожара». Тогда погябло не только много строеній и движимости, но сгорѣло и много людей—въ числѣ послѣднихъ называли Голована. Рассказывали, что онъ упалъ въ какую-то яму, которой не видно было подь пепломъ, и «сварился». О семейныхъ, которые его пережили, я не спрашивалъ. Послѣ этого я векорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и побывалъ въ родимыя мѣста уже черезъ десять лѣтъ. Было новое царствованіе, начинались новые порядки; вѣяло радостной свѣжестью,—ожидали освобожденія крестьянъ и даже поговаривали уже о гласномъ судопроизводствѣ. Все новое: сердца горѣли. Непримиримыхъ еще не было, но уже обозначались нетерпѣливцы и выжидатели.

На пути къ бабушкѣ я остановился на нѣсколько дней въ Орлѣ, гдѣ тогда служилъ совѣстнымъ судьей мой дядя, который оставилъ по себѣ память честнаго человѣка. Онъ имѣлъ много прекрасныхъ сторонъ, внушавшихъ къ нему почтеніе даже въ тѣхъ людяхъ, которые не раздѣляли его взглядовъ и симпатій: онъ былъ въ молодости щеголь, гу-

сарь, потомъ садоводъ и художникъ — дилетантъ съ замѣчательными способностями; благородный, прямой, дворянинъ, и «дворянинъ au bout des ongles». Понимая по-своему обязательство этого званія, онъ, разумѣется, покорствовалъ новизнѣ, но желалъ критически относиться къ эмансипаціи, и представлялъ изъ себя охранителя. Эмансипаціи хотѣлъ только такой, какъ въ Остзейскомъ краѣ. Молодыхъ людей онъ привѣчалъ и ласкалъ, но ихъ вѣра, что спасеніе находится въ правильномъ движеніи впередъ, а не назадъ — казалась ему ошибкой. Дядя любилъ меня и зналъ, что я его люблю и уважаю, но во мнѣніяхъ объ эмансипаціи и другихъ тогдашнихъ вопросахъ мы съ нимъ не сходились. Въ Орлѣ онъ дѣлалъ изъ меня по этому поводу очистительную жертву и хотя я тщательно старался избѣгать этихъ разговоровъ, однако, онъ на нихъ направлялъ и очень любилъ меня «поражать».

Дядѣ всего болѣе правилось подводить меня къ казусамъ, въ которыхъ его судейская практика обнаруживала «народную глупость».

Помню роскошный, теплый вечеръ, который мы провели съ дядею въ орловскомъ «губернаторскомъ» саду, занимаясь, признаться сказать, уже значительно утомившимъ меня споромъ о свойствахъ и качествахъ русскаго народа. Я несправедливо утверждалъ, что народъ *очень* уменъ, а дядя, можетъ-быть, еще несправедливѣе настаивалъ, что народъ *очень* глупъ, что онъ совершенно не имѣетъ понятій о законѣ, о собственности, и, вообще, народъ *азіатъ*, который можетъ удивить кого угодно своею дикостью.

— И вотъ,—говорить:—тебѣ, милостивый государь, подтвержденіе: если память твоя сохранила ситуацію города, то ты долженъ помнить, что у насъ есть буераки, слободы и слободки, которыя чортъ знаетъ кто межевалъ и кому отводилъ подъ постройки. Все это въ нѣсколько пріемовъ убралъ огонь и на мѣстѣ старыхъ лачугъ построились такія же новыя, а теперь никто не можетъ узнать: кто здѣсь по какому праву сидитъ?

Дѣло было въ томъ, что когда отдохнувшій отъ пожара городъ сталъ устриваться и нѣкоторые люди стали покупать участки въ кварталахъ за церковью Василія Великаго, оказалось, что у продавцовъ не только не было никакихъ документовъ, но что и сами эти владѣльцы и ихъ

предки считали всякіе документы совершенно лишними. Домикъ и мѣстишко до этой поры переходили изъ рукъ въ руки безъ всякаго заявленія властямъ, и безъ всякихъ даней и пошлинъ въ казну, а все это, говорятъ, писалось у нихъ въ какую-то «китратъ», но «китратъ» эта въ одинъ изъ безчисленныхъ пожаровъ сгорѣла и тотъ, кто велъ ее— умеръ, а съ тѣмъ и всѣ слѣды ихъ владѣнныхъ правъ кончились. Правда, что никакихъ споровъ по праву владѣнія не было, но все это не имѣло законной силы, а держалось на томъ, что если Протасовъ говоритъ, что его отецъ купилъ домишко отъ покойнаго дѣда Тарасовыхъ, то Тарасовы не оспаривали владѣнныхъ правъ Протасовыхъ; но какъ теперь требовались *права*, то правъ нѣтъ, и совѣстному судѣ во-очію предлежало рѣшать вопросъ: преступленіе ли вызвало законъ, или законъ создалъ преступленіе?

— А зачѣмъ все это они такъ дѣлали?—говорилъ дядя.— Потому-съ, что это не обыкновенный народъ, для котораго хороши и нужны обезпечивающіе право государственныя учрежденія, а это *номады, орда*, оствшая, но еще сама себя не сознающая.

Съ тѣмъ мы заснули, выспались,—рано утромъ я сходилъ на Орликъ, выкупался, посмотрѣлъ на старыя мѣста, вспомнилъ Головановъ домикъ и, возвращаясь, нахожу дядю въ бесѣдѣ съ тремя неизвѣстными мнѣ «милостивыми государями». Всѣ они были купеческой конструкціи,—двое сердовые въ сюртукахъ съ крючками, а одинъ совершенно бѣлый въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ чуйкѣ и въ крестьянской шляпѣ «гречникомъ».

Дядя показалъ мнѣ на нихъ рукою и говоритъ:

— Вотъ это иллюстрація ко вчерашнему сюжету. Эти господа рассказываютъ мнѣ свое дѣло: войди въ наше совѣщаніе.

Затѣмъ онъ обратился къ предстоящимъ съ очевидною для меня, но для нихъ, конечно, съ непонятною шуткою и добавилъ:

— Это мой родственникъ, молодой прокуроръ изъ Кіева,— къ министру въ Петербургъ ѣдетъ и можетъ ему объяснить ваше дѣло.

Тѣ поклонились.

— Изъ нихъ, видишь ли,—продолжалъ дядя:—вотъ этотъ,

господинъ Протасовъ, желаетъ купить домъ и мѣсто вотъ этого, Тарасова; но у Тарасова нѣтъ никакихъ бумагъ. Понимаешь: *никакихъ!* Онъ только помнить, что его отецъ купилъ домикъ у Власова, а вотъ этотъ, третій—есть сынъ господина Власова, ему, какъ видишь, тоже уже не мало лѣтъ.

— Семьдесятъ,—коротко замѣтилъ старикъ.

— Да, семьдесятъ, и у него тоже нѣтъ и не было никакихъ бумагъ?

— Никогда не было,—опять вставилъ старикъ.

— Онъ пришелъ удостовѣрить, что это такъ именно было и что онъ ни въ какія права не вступается.

— Не вступаемся,—отцы продали.

— Да; но кто его «отцамъ» продалъ,—тѣхъ уже нѣтъ.

— Нѣтъ; они за вѣру на Кавказъ посланы.

— Ихъ можно разыскать,—сказалъ я.

— Нечего искать, тамъ имъ вода нехороша,—воды не снесли,—всѣ покончились.

— Какъ же вы, говорю, это такъ странно поступали?

— Поступали, какъ мощно было. Приказный былъ лють, даней съ малыхъ дворовъ давать было нечего, а была у Ивана Ивановича китратъ, въ нее и писали. А допрежь его еще не за моей памяти Гагѣвъ кунецъ былъ, у него была китратъ, а послѣ всѣхъ Головану китратъ дали, а Голованъ въ поганой ямѣ сварился и китрати сгорѣли.

— Это Голованъ, выходитъ, былъ у васъ что-то въ родѣ нотаріуса?—спросилъ дядя (который не былъ орловскимъ старожиломъ).

Старикъ улыбнулся и тихо молвилъ:

— Изъ-за чего же нотаріусъ!—Голованъ былъ справедливый человѣкъ.

— Какъ же ему всѣ такъ и вѣрили?

— А какъ такому человѣку не вѣрить: онъ свою плоть за людей съ живыхъ костей рѣзалъ.

— Вотъ и легенда!—тихо молвилъ дядя, но старикъ вслушался и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударь, Голованъ не легенда, а правда и память его будь съ похвалою.

Дядя пошутилъ, и съ пуганицей. И онъ не зналъ, какъ онъ этимъ вѣрно отвѣчалъ на всю массу воспринувшихъ во мнѣ въ это время воспоминаній, къ которымъ при

тогдашнемъ моемъ любовныствѣ мнѣ страстно хотѣлось подыскать ключъ.

А ключъ ждалъ меня, сохраняясь у моей бабушки.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Два слова о бабушкѣ: она происходила изъ московскаго купеческаго рода Колобовыхъ и была взята въ замужество въ дворянскій родъ «не за богатство, а за красоту». Но лучшее ея свойство было — душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ. Войдя въ дворянскій кругъ, она уступила многимъ его требованіямъ и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда какъ ея настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже безъ намѣренія, конечно, удержала нѣкоторую простонародность въ рѣчи. Она говорила «схототъ» вмѣсто этого, считала слово «мораль» оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить «бухгалтеръ». Зато она не позволила никакимъ моднымъ давленіямъ поколебать въ себѣ вѣру въ народный смыслъ, и сама не разставалась съ этимъ смысломъ. Была хорошая женщина и настоящая русская барыня; превосходно вела домъ и умѣла принять всякаго, начиная съ императора Александра I до Ивана Ивановича Андросова. Читать ничего не читала, кромѣ дѣтскихъ писемъ, но любила обновленіе ума въ бесѣдахъ и для того «требовала людей къ разговору». Въ этомъ родѣ собесѣдникомъ ея былъ бурмистръ Михайло Лебедевъ, буфетчикъ Василій, старшій поваръ Климъ или ключница Маланья. Разговоры всегда были не пустые, а къ дѣлу и къ пользѣ, разбиралось, отчего на дѣвку Феклушку мораль пущена или зачѣмъ мальчикъ Гришка мачихой не доволенъ. Вслѣдъ за такимъ разговоромъ шли свои мѣры, какъ помочь Феклушѣ покрыть косу и что сдѣлать, чтобы мальчикъ Гришка не былъ мачихой недоволенъ.

Для нея все это было полно живого интереса, можетъ быть совершенно непонятнаго ея внучкамъ.

Въ Орлѣ, когда бабушка пріѣзжала къ намъ, дружбой ея пользовались соборный отецъ Петръ, купецъ Андросовъ и Голованъ, которыхъ для нея и «призывали къ разговору».

Разговоры, надо полагать, и здѣсь были не пустые, не для одного препровожденія времени, а, вѣроятно, тоже про

какія-нибудь дѣла, въ родѣ надавшей на кого-нибудь морали, или неудовольствій мальчика съ мачихой.

У нея поэтому могли быть ключи отъ многихъ тайностей, для насъ, пожалуй, мелкихъ, но для своей среды весьма значительныхъ.

Теперь, въ это послѣднее мое свиданіе съ бабушкой, она была уже очень стара, но сохраняла въ совершенной свѣжести свой умъ, память и глаза. Она еще шила.

И въ этотъ разъ я застала ее у того же рабочаго столика съ верхней паркетной дощечкой, изображавшей арфу, поддерживаемую двумя амурами.

Бабушка спросила меня: заѣзжалъ ли я на отцову могилу, кого видѣлъ изъ родныхъ въ Орлѣ и что подѣлываетъ тамъ дядя? Я отвѣтилъ на всѣ ея вопросы и распространился о дядѣ, рассказавъ, какъ онъ разбирается со старыми «лыгендами».

Бабушка остановилась и подняла на лобъ очки. Слово «лыгенда» ей очень понравилась: она услышала въ немъ наивную передѣлку въ народномъ духѣ и разсмѣялась.

— Это, говорить, старикъ чудесно сказалъ про лыгенду.

А я говорю: а мнѣ, бабушка, очень бы хотѣлось знать, какъ это все происходило на самомъ дѣлѣ, не по лыгендѣ.

— Про что же тебѣ именно хотѣлось бы знать?

— Да вотъ про все это: какой былъ этотъ Голованъ? Я его вѣдь чуть-чуть помню, и то все съ какими-то, какъ старикъ говорить, лыгендами, а вѣдь конечно же, дѣло было просто...

— Ну, разумѣется, просто, но отчего васъ это удивляетъ, что наши люди тогда кунчихъ крѣпостей избѣгали, а про-сто продажи въ тетрадки писали? Этого еще и впереди много откроется. Приказныхъ боялись, а своимъ людямъ вѣрили, и все тутъ.

— Но чѣмъ, говорю, Голованъ могъ заслужить такое довѣріе? Мнѣ онъ, по правдѣ сказать, иногда представляется какъ будто немножко... шарлатаномъ.

— Почему же это?

— А что такое, напимѣрь, я помню, говорили будто онъ какой-то волшебный камень имѣлъ и свою кровью или тѣломъ, которое въ рѣку бросилъ, чуму остановилъ? За что его «несмертельнымъ» звали?

— Про волшебный камень—вздоръ. Это люди такъ при-

сочинили и Голованъ тому не виновать, а «несмертельнымъ» его прозвали потому, что въ этакое ужасъ, когда надъ землей смертныя фиміазмы стояли и всѣ оробѣли, онъ одинъ безстрашный былъ и его смерть не брала?

— А зачѣмъ же, говорю, онъ себѣ ногу рѣзалъ?

— Икру себѣ отрѣзалъ.

— Для чего?

— А для того, что у него тоже прыгъ чумной сѣлъ. Онъ зналъ, что отъ этого спасенія нѣтъ, взялъ поскорѣе косу, да всю икру и отрѣзалъ.

— Можетъ ли, говорю, это быть!

— Конечно, это такъ было.

— А что, говорю, надо думать о женщинѣ Павлѣ?

Бабушка на меня взглянула и отвѣчаетъ:

— Что же такое? Женщина Павла была Франоикина жена; была она очень горестная и Голованъ ее пріютилъ.

— А ее, однако, называли Головановымъ «грѣхомъ».

— Всякъ по себѣ судить и называетъ;—не было у него такого грѣха.

— Но, бабушка, развѣ вы, милая, этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но я это знаю.

— Но какъ можно это знать?

— Очень просто.

Бабушка обратилась къ работавшей съ нею дѣвчкѣ и послала ее въ садъ набрать малины, а когда та вышла, она значительно взглянула мнѣ въ глаза и проговорила:

— Голованъ былъ *дѣвственникъ*!

— Отъ кого вы это знаете?

— Отъ отца Петра.

И бабушка мнѣ разсказала, какъ отецъ Петръ незадолго передъ своею кончиною говорилъ ей, какіе люди на Руси бываютъ неимовѣрныя, и что покойный Голованъ былъ дѣвственникъ.

Коснувшись этой исторіи, бабушка вошла въ маленькія подробности и припоминала свою бесѣду съ отцомъ Петромъ.

— Отецъ Петръ, говоритъ, сначала и самъ усумнился и сталъ его подробнѣе спрашивать и даже намекнулъ на Павлу. «Нехорошо,—говоритъ,—это: ты не каешься, а со-блазняешь. Не достойно тебѣ держать у себя сію Павлу. Отпусти ее съ Богомъ». А Голованъ отвѣтилъ: «Напрасно это вы, батюшка, говорите: пусть лучше она живетъ у

меня съ Богомъ, — нельзя, чтобы я ее отпустилъ». «А почему?..» «А потому, что ей головы приклонить негдѣ...» «Ну, такъ, говоритъ, — женись на ней!» «А это, — отвѣчаетъ, невозможно, а почему невозможно, — не сказалъ, и отецъ Петръ долго насчетъ этого сомнѣвался; но Павла вѣдь была чахоточная и недолго жила, и передъ смертью, когда къ ней пришелъ отецъ Петръ, то она ему открыла всю причину.

— Какая же, бабушка, была это причина?

— Они жили по любви *совершенной*.

— То-есть какъ это?

— Ангельски.

— Но, позвольте, для чего же это? Вѣдь мужъ Павлы пропалъ, а есть законъ, что послѣ пяти лѣтъ можно выйти замужъ. Неужто они это не знали?

— Нѣтъ, я думаю знали, но они еще кое-что больше этого знали.

— Напримѣръ, что?

— А напримѣръ то, что мужъ Павлы всѣхъ ихъ пережилъ и никогда не пропадалъ.

— А гдѣ же онъ былъ?

— Въ Орлѣ.

— Милая, вы шутите?

— Ни крошечки.

— И кому же это было извѣстно?

— Имъ троиmъ: Головану, Павлѣ, да самому этому негодивцу. Ты можешь вспомнить Фотей?

— Исцѣленнаго?

— Да, какъ хочешь его называй, только теперь, когда всѣ они перемерли, я могу сказать, что онъ совсѣмъ былъ не Фотей, а бѣглый солдатъ Франоншка.

— Какъ! это былъ Павлы мужъ!

— Именно.

— Отчего же? — началъ — было я, но устыдился своей мысли и замолчалъ, но бабушка поняла меня и договорила:

— Вѣрно хочешь спросить: отчего его никто другой не узналъ, а Павла съ Голованомъ его не выдали? Это очень просто: другіе не узнали его потому, что онъ былъ не городской, да постарѣлъ, волосами заросъ, а Павла его не выдала жалѣючи, а Голованъ ее любячи.

— Но вѣдь юридически, по закону, Фрапошка не существовалъ, и они могли ожениться.

— Могли,—по юридическому закону могли, да по закону своей совѣсти не могли.

— За что же Фрапошка Голована преслѣдовалъ?

— Негодяй былъ покойникъ, — разумѣль о нихъ какъ прочіе.

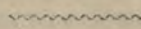
— А они изъ-за него все счастье у себя и отняли!

— Да вѣдь въ чемъ счастье полагать: есть счастье праведное, есть счастье грѣшное. Праведное ни черезъ кого не переступить, а грѣшное все перешагнетъ. Они же первое возлюбили паче послѣдняго.

— Бабушка, — воскликнулъ я: — вѣдь это удивительные люди!

— Праведные, мой другъ, — отвѣчала старушка.

Но я все-таки хочу добавить — и удивительные, и даже невѣроятные. Они невѣроятны, пока ихъ окружаетъ легендарный вымыселъ, и становятся еще болѣе невѣроятными, когда удастся снять съ нихъ этотъ налетъ и увидеть ихъ во всей ихъ святой простотѣ. Одна одушевляющая ихъ *совершенная любовь* поставляла ихъ выше всѣхъ страховъ и даже подчинила имъ природу, не побуждая ихъ ни закапываться въ землю, ни бороться съ видѣніями, терзавшими св. Антонія.

ИНЖЕНЕРЫ—БЕЗСРЕБРЕННИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтiя въ петербургскомъ инженерномъ училищѣ между воспитанниками обнаруживалось очень оригинальное и благородное направленiе, которое можно назвать стремлениемъ къ безукоризненной честности и даже къ святости. Изъ молодыхъ людей, подчинившихся названному направленiю, особенно ревностно ему послужили трое: Брянчаниновъ, Чихачевъ и Николай Ферморъ. Всѣ эти три воспитанника инженернаго училища представляютъ собою очень любопытные характеры, а судьба ихъ имѣетъ общiй интересъ. Во всякомъ случаѣ въ ней есть многое, что можетъ пригодиться, какъ данныя для характеристики тридцатыхъ годовъ, а также и для уясненiя современныхъ разномыслий по поводу мнѣнiй о значенiи школы и о независимости человѣческаго характера.

Дмитрiй Александровичъ Брянчаниновъ въ указанномъ направленiи былъ первымъ заводчикомъ: онъ былъ главою кружка любителей и почитателей «святости и чести», и потому о немъ слѣдуетъ сказать прежде прочихъ. Набожность и благочестiе были, кажется, врожденною чертою Брянчанинова. По крайней мѣрѣ, по книгѣ, о немъ написанной, извѣстно, что онъ былъ богомоленъ съ дѣтства, и если вѣрить френологическимъ системамъ Гали и Лафатера, то черепъ Брянчанинова являлъ признаки «возвышеннаго богопочитанiя».

Онъ былъ мальчикъ съ чрезвычайно миловидною и располагающею наружностью, которая при выдержанности его характера и благородствѣ манеръ очень сильно къ нему располагала. Но Брянчаниновъ былъ остороженъ съ дѣтства; онъ не довѣрялся всѣмъ ласкамъ безъ разбора и вообще держалъ себя строго.

Такъ онъ умѣлъ себя хорошо поставить съ перваго же дня.

Вскорѣ послѣ принятія его въ инженерное училище, туда пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ, бывшій въ то время еще великимъ княземъ. Онъ заѣзжалъ сюда часто, но на этотъ разъ цѣль посѣщенія была особенная, а именно «выборъ пансіонеровъ».

Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе самъ выбирать дѣтей въ пансіонеры своего имени и руководился въ этомъ случаѣ не старшинствомъ балловъ пріемнаго экзамена, а личнымъ взглядомъ, т.-е. великій князь назначалъ своими пансіонерами тѣхъ, кто ему нравился.

Извѣстно, что этотъ государь очень вѣрилъ въ проникаемость своего взгляда и держался такъ-называемыхъ первыхъ впечатлѣній. Брянчаниновъ же произвелъ на него столь благопріятное впечатлѣніе, что великій князь не только сейчасъ же назначилъ его своимъ пансіонеромъ, но приказалъ мальчику немедленно одѣться и ждать его на подъѣздѣ. Отсюда Николай Павловичъ взял Брянчанинова съ собою въ экипажъ и, пріѣхавъ съ нимъ въ Аничковъ дворецъ, повелъ его за собою въ покои великой княгини, въ послѣдствіи императрицы Александры Ѳеодоровны *).

Великая княгиня была тогда въ своемъ кабинетѣ и, сидя за письменнымъ столомъ, не слыхала, какъ вошелъ ея супругъ въ сопровожденіи воспитанника Брянчанинова и не оглянулась на нихъ.

Великій князь взял Брянчанинова за плечо и поставилъ его за спинкою кресла государыни, а самъ тихо обнялъ супругу и, поцѣловавъ ее въ голову, сказалъ ей по-французски:

---

*) «Жизнеописаніе епископа Игнатія Брянчанинова» говоритъ, что великій князь *приказалъ кадету придти во дворецъ*, по генералъ Пав. Оед. Ферморъ, товарищъ Брянчанинова, помнитъ, что Николай Павловичъ *взялъ Брянчанинова съ собою.*

— Я привезъ тебѣ представить моего новаго пансіонера. Посмотри на него.

Государыня оборотилась на стулѣ, посмотрѣла на мальчика въ лорнетъ и съ довольною улыбкой сказала:

— Это прекрасный мальчикъ.

Велѣдъ затѣмъ Брячаниновъ былъ накормленъ во дворцѣ сытнымъ завтракомъ и отпущенъ въ училище, гдѣ его ждали, и тотчасъ же подвергли обстоятельнымъ разспросамъ о томъ, что съ нимъ было.

Скромный, но правдивый юноша рассказалъ все по порядку и по правдѣ.

Благоволеніе великаго князя ему послужило въ большую пользу.

Начальство училища съ этого же дня обратило на Брячанинова особенное вниманіе. Характеръ и способности юноши были изучены и опредѣлены въ точности и въ первый же разъ послѣ этого, когда великій князь спросилъ:

— Какъ Брячаниновъ?

Ему по сущей справедливости отвѣчали:

— Онъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный.

— Очень радъ, — замѣтилъ съ удовольствіемъ Николай Павловичъ, прозорливость котораго въ этомъ случаѣ получила себѣ пріятное ему подтвержденіе.

— А каковы его наклонности и характеръ?—продолжалъ государь.

— Онъ очень религіозенъ и отличной нравственности.

— Я очень радъ, и очень желалъ бы, чтобы такіе же были и другіе. Пусть онъ имъ служить примѣромъ.

Приведенныя слова государя моментально сдѣлались извѣстными воспитанникамъ и между ними быстро образовался кружокъ юношей, желавшихъ какъ можно болѣе подражать Брячанинову, и Брячаниновъ получилъ въ этомъ кружкѣ значеніе вождя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенное благорасположеніе великаго князя оказало свое вліяніе на Брячанинова въ томъ смыслѣ, что онъ вдругъ какъ бы ускороенно созрѣлъ и сдѣлался еще серьезнѣе. Кружокъ его состоялъ чловѣкъ изъ десяти, и изъ нихъ особенною дружбой Брячанинова сразу сталъ пользоваться Миша Чихачевъ, которому Брячаниновъ и открывалъ свою

душу и заповѣдныя думы, выразившія его направленія и цѣли.

— Самое главное въ нашемъ положеніи теперь то,—внушала онъ Чихачеву:—чтобы сберечь себя отъ гордости. Я не знаю, какъ мнѣ быть благодарнымъ за незаслуженную милость великаго князя, но постоянно думаю о томъ, чтобы сохранить то, что всего дороже. Надо слѣдить за собою, чтобы не начинать превозноситься. Пропу тебя: будь мнѣ другъ — наблюдай за мною и предостерегай, чтобы я не могъ утрачивать чистоту моей души.

Чихачевъ обѣщала ему эту помощь.

— Прекрасно, — отвѣчала онъ: — я всегда скажу тебѣ правду, но въ этомъ и не будетъ надобности, такъ какъ ты уже нашла средства спасти себя отъ соблазна.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты самъ сказалъ: надо *не начинать*, и если ты никогда не будешь начинать, то оно никогда и не начнется...

— Твоя правда, — отвѣтилъ, подумавъ, Брячаниновъ: — но... все-таки наблюдай за мною. Я боюсь, что могу быть втянутъ на этотъ путь отъ тѣхъ самыхъ людей, которые должны быть мнѣ примѣромъ. Вѣдь мы «должны быть покорны начальникамъ нашимъ...»

— Да, это правда, — отвѣтилъ Чихачевъ и тотчасъ же замѣтилъ, что лицо Брячанинова вдругъ какъ бы озарилось какою-то радостною мыслью, — онъ взялъ товарища за обѣ руки, сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ и, глядя съ серьезною восторженностью вверхъ, какъ бы читалъ подъ высокимъ карнизомъ покоя:

— Я вижу одно вѣрное средство для того, чтобы не поддаться опасности соблазна, который представляютъ люди, и ты, можешь - быть, отгадываешь, въ чемъ оно заключается...

— Мнѣ кажется, что я отгадываю, о чемъ ты думаешь.

— Я думаю, что надо всегда смотрѣть на Богочеловѣка.

— Ты правъ.

— Повѣрь, — если мы не будемъ сводить съ Него нашихъ мысленныхъ глазъ и будемъ стараться во всемъ Ему слѣдовать, то для насъ нѣтъ никакой опасности. Онъ насъ спасетъ отъ опасности потерять себя во всѣхъ случаяхъ жизни.

— Вѣрю.

— И вотъ Онъ съ нами, и мы въ Немъ, и Онъ въ насъ. Мнѣ кажется, я понялъ сейчасъ въ этихъ словахъ новый удивительный смыслъ.

— И я тоже.

Товарищи восторженно обнялись и съ этой минуты сдѣлались неразрывными друзьями. Дружба ихъ, впрочемъ, послала особый отпечатокъ чего-то аскетическаго. Они дружили для того, чтобы поддерживать одинъ другого въ общемъ ихъ стремленіи уйти отъ житейскихъ соблазновъ къ поднявшему ихъ возвышенному идеалу чистой жизни въ духѣ христіанскаго ученія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ различныхъ путей, которыми русскіе образованные люди подобнаго настроенія въ то время стремились къ достиженію христіанскаго идеала, наибольшимъ вниманіемъ и предпочтеніемъ пользовались библейскій піэтизмъ и тяготѣніе къ католичеству, но Брянчаниновъ и Чихачевъ не пошли во слѣдъ ни за однимъ изъ этихъ направленій, а избрали третье, которое тогда только обозначалось и потому довольно долго держалось въ обществѣ: это было православіе въ духѣ митрополита Михаила. Многіе тогдашніе люди съ благочестивыми стремленіями и съ образованнымъ вкусомъ, но той или по другой причинѣ, никакъ не могли «принять все какъ въ катехизисѣ», но не хотѣли слушать и «чуждаго гласа», а получали успокоеніе для своихъ мучительныхъ противорѣчій въ излюбленныхъ толкованіяхъ и поученіяхъ Михаила. Находить же религіозное примиреніе съ своею совѣстью—кому не дорого изъ людей, имѣющихъ совѣсть? И у Михаила было очень много почитателей, оставшихся ему вѣрными и послѣ того, какъ въ его сочиненіяхъ признано было не все «соотвѣтственнымъ».

Брянчаниновъ и Чихачевъ были изъ числа большихъ почитателей преосв. Михаила *). Они внимали и охотно усваивали его религіозныя мнѣнія и пошли по его напра-

---

*) Въ книгѣ о жизни Брянчанинова, на стр. 15-й, упоминается, что «въ то время разнообразныя религіозныя идеи занимали столицу сѣверную, препирались и боролись между собою», но не показано, какъ эта борьба касалась Брянчанинова и Чихачева, а не касаться ихъ она не могла. Устныя указанія на то, что они читали сочиненія митрополита Михаила, отнюдь не представляются вѣроподобными.

влению, въ которомъ они могли не предаваться чуждому русской натурѣ влиянію католичества и въ то же время не оставаться наединѣ безъ всякой церковной теплоты, на что приходилось обречь себя людямъ, слѣдовавшимъ строго-нѣтистическимъ традиціямъ.

Оба молодые человѣка рано стали вести самую воздержную жизнь, разумѣя воздержность не въ одной пищѣ, но главнымъ образомъ въ недопущеніи себя до гнѣва, лжи, раздражительности, мщенія и лести. Это дало ихъ характерамъ не только отпечатокъ благородства, но и благочестія, которое вскорѣ же было замѣчено сначала товарищами, а потомъ и начальствомъ, и создало Брянчанинову такое почетное положеніе среди воспитанниковъ, какого не достигалъ въ инженерномъ училищѣ никто другой ни до него, ни послѣ него. Ему всё вѣрили и никто не имѣлъ случая сожалѣть о своей съ нимъ откровенности, но откровенность эта тоже имѣла особенный, ограничительный характеръ, отвѣчавшій характеру благочестиваго юноши, рано получившаго отъ товарищей прозвище «монаха». Брянчанинову нельзя было говорить ни о какихъ школьныхъ гадостяхъ, такъ какъ онъ всегда былъ серьезенъ и не любилъ дурныхъ школьныхъ продѣлокъ, которыя тогда были въ большемъ ходу въ закрытыхъ русскихъ училищахъ. Ни Брянчаниновъ, ни Чихачевъ не участвовали тоже ни въ какихъ проявленіяхъ молодечества и прямо говорили, что они желаютъ не знать о нихъ, потому что не хотятъ быть о нихъ спрошенными, ибо не могутъ лгать и не желаютъ ни на кого доказывать. Такая твердая откровенность поставила ихъ въ особенное, прекрасное положеніе, въ которомъ они никогда не были въ необходимости никого выгораживать, прибѣгая ко лжи, и ни на кого ничего не доказывали. Воспитатели знали этотъ «духъ» Брянчанинова и Чихачева и никогда ихъ не спрашивали въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась надобность изслѣдовать какую-нибудь кадетскую продѣлку. Съ откровенностями въ этомъ родѣ товарищи къ Брянчанинову и Чихачеву и не появлялись, но зато во всѣхъ другихъ случаяхъ, если встрѣчалось какое-либо серьезное недоразумѣніе, или кто-нибудь имѣлъ горе и страданіе, тѣ смѣло обращались къ «благочестивымъ товарищамъ-монахамъ» и всегда находили у нихъ самое теплое, дружеское участіе. Къ Брянчанинову обращались

тоже въ случаѣ несогласій между товарищами и его мнѣніе принимали за рѣшеніе, хотя онъ самъ всегда устранился отъ суда надъ другими, говоря: «меня никто не поставилъ, чтобы судить и дѣлать другихъ». Но самъ онъ дѣлился съ нуждающимися всѣмъ, чѣмъ могъ поѣлиться.

Чихачевъ хотя былъ того же самаго духа, какъ и другъ его Брянчаниновъ, но имѣлъ второстепенное значеніе, съ одной стороны потому, что Брянчаниновъ обладалъ болѣе яркими способностями и прекраснымъ даромъ слова, а съ другой — потому, что болѣе молодой по лѣтамъ Чихачевъ добровольно тушевался и самъ любилъ при каждомъ случаѣ отдавать первенство своему другу.

Вліяніе ихъ на товарищей было большое; учились они оба прекрасно и начальство заведенія надѣялось, что изъ нихъ выйдутъ превосходные инженеры. Въ томъ же былъ увѣренъ и великій князь, который «очень желалъ видѣть въ инженерномъ вѣдомствѣ честныхъ людей».

Оба друга окончили курсъ въ 1826 г., сохранивъ за собою свое почетное положеніе до послѣдняго дня своего пребыванія въ училищѣ, оставили тамъ по себѣ самую лучшую память, а также и нѣсколькихъ послѣдователей, изъ которыхъ потомъ вскорѣ же отличился своею непосредственностью и неуклонностью своего поведенія Николай Ферморъ, о которомъ расскажемъ ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По окончаніи кадетскихъ классовъ въ инженерномъ училищѣ, Брянчаниновъ и Чихачевъ вышли на вольную квартиру и поселились вмѣстѣ на Невскомъ проспектѣ въ большомъ и очень недѣльномъ домѣ Лопатина. Дома этого теперь уже не существуетъ, — онъ сломанъ и по мѣсту, которое занималъ его обширный дворъ, пролегаетъ нынѣшняя Пушкинская улица.

Удаленіе изъ-подъ надзора, которому друзья подчинялись въ закрытомъ заведеніи, открыло имъ большую свободу располагать своимъ временемъ, сообразно своимъ стремленіямъ и вкусамъ. Они этимъ и воспользовались. Они повели образъ жизни самый строгій, — чисто-монашескій, — соблюдали постные дни; не посѣщали никакихъ увеселеній и гульбищъ; избѣгали всякихъ легкомысленныхъ знакомствъ и ежедневно посѣщали церковь. Каждый день

они вставали очень рано и шли пѣшкомъ въ Невскую лавру, гдѣ выслушивали раннюю обѣдню, и затѣмъ тамъ же пили чай у голосаютаго іеродіакона Виктора *). Объ этомъ Викторѣ сохранилось преданіе, какъ о монахѣ очень слабомъ, — онъ велъ самую нетрезвую жизнь и говорилъ всѣмъ грубости, но ему все это прощалось за хорошей голосъ и за отѣмное мастерство руководить исполнителями при торжественныхъ богослуженіяхъ. Но, какъ человекъ, онъ былъ очень добръ, прямо и до того откровененъ, что не могъ нисколько покривить душою и притвориться. Такою своею прямою онъ содержалъ въ постоянномъ страхѣ известнаго Андрея Николаевича Муравьева, котораго находилъ «противнымъ», а его молодыхъ «сень-сировъ» называлъ «сквернавцами», и просто выгонялъ вонъ.

Помолившись за раннею обѣдней и напившись чаю у Виктора, друзья шли въ свое инженерное училище, въ офицерскіе классы, гдѣ оставались положенное время, а потомъ уходили домой, скромно трапезовали и все остальное время дня проводили за учебными занятіями, а покончивъ съ ними, читали богословскія и религіозныя книги, опять-таки отдавая передъ многими изъ нихъ предпочтеніе сочиненіямъ митрополита Михаила **).

Мягкое, миролюбивое, христіанское настроеніе этого писателя оказало чрезвычайно сильное вліяніе на обоихъ молодыхъ людей и измѣнило путь ихъ жизни и дѣятельности. Первое, чѣмъ повредилъ имъ Михаилъ, выразилось тѣмъ, что ни Брянчаниновъ, ни Чихачевъ не захотѣли воевать и не могли сносить ничего того, къ чему обязывала ихъ воен-

---

*) Разсказъ о близости Брянчанинова и Чихачева съ Викторомъ представляется страннымъ и почти невѣроятнымъ. Известно, что они ходили въ лавру къ *духовнику* и что лица, желавшія отклонить ихъ отъ набожности, дѣлали въ этомъ направленіи большія усилія. Не слѣдуетъ ли думать, что юноши, съ своей стороны, старались скрывать, къ кому именно они ходили въ лавру, а ихъ товарищи думали, что они ходятъ къ веселому Виктору.

**) Михаилъ Десницкій, изъ студентовъ московской академіи, былъ приходскимъ священникомъ, потомъ придворнымъ священникомъ Зимнаго дворца, потомъ придворнымъ іеромонахомъ, и съ 1818 года митрополитомъ петербургскимъ. Скончался 24-го марта 1821 года. Сочиненія его до сихъ поръ многими любимы и высоко цѣнятся, но они рѣдко встрѣчаются въ продажѣ. Специалисты, впрочемъ, находятъ въ нихъ большіе недостатки.

ная служба, для которой они были приготовлены своимъ спеціальнымъ военнымъ воспитаніемъ. Потому они не попадали въ общій тонъ тогдашняго инженернаго вѣдомства, гдѣ тогда инспекторствоваль генераль Ламновскій, имя котораго было исторически связано съ поставкою въ казну мрамора, почему его и звали «мраморнымъ». Въ инженерномъ вѣдомствѣ многіе тогда были заняты заботами о наживѣ и старались ставить это дѣло «правильно и братски»,—вырабатывали *систему самовознагражденія*.

«Монахи» не хотѣли ни убивать людей, ни обворовывать государства и потому, можетъ-быть, по неопытности, сочли для себя невозможною инженерную и военную карьеру и рѣшили удалиться отъ нея, не смотря на то, что она могла имъ очень улыбаться, при ихъ хорошихъ родственныхъ связяхъ и при особенномъ вниманіи императора Николая Павловича къ Брянчанинову. Государь хотя о немъ теперь уже не освѣдомлялся такъ часто, какъ прежде, но если бы Брянчаниновъ захотѣлъ, то ему, при его упомянутыхъ родственныхъ связяхъ, всегда было легко напомнить о себѣ государю, и тотъ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы ему свою всеильную помощь. Брянчаниновъ, однако, этого не только не искалъ, но даже удерживалъ родныхъ отъ всякихъ о немъ заботъ въ этомъ родѣ. Онъ старался держать себя незамѣтно и скромно и какъ будто имѣлъ на умѣ что-то другое.

Совершенно такъ же велъ себя и Чихачевъ. А между тѣмъ они оба окончили офицерскіе классы и были выпущены на службу. Брянчаниновъ изъ верхняго класса въ Динабургъ, а Чихачевъ изъ нижняго—въ учебный саперный батальонъ. Тутъ они на время разстались и въ 1827 году Брянчаниновъ выпросился въ отставку и ушелъ въ свирскій монастырь, гдѣ и остался послушникомъ. По другимъ свѣдѣніямъ это было иначе, и это интересно, потому что вторая версія содержательнѣе и полнѣе выражаетъ поэтическую борьбу молодыхъ аскетовъ, какъ о ней рассказывали въ обществѣ.

По рассказамъ современниковъ, Брянчаниновъ и Чихачевъ колебались уходить изъ міра въ монастырь и рѣшились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружіе для настоящихъ военныхъ дѣйствій.

Какъ только у насъ возгорѣлась война съ Турціею, то

Чихачевъ и Брянчаниновъ оба разомъ подали просьбы объ отставкѣ. Это было и странно, и незаконно, и даже постыдно, такъ какъ представляло ихъ трусами, во тѣмъ не менѣе они ни на что это не посмотрѣли и просили выпустить ихъ изъ военной службы въ отставку.

Истинная причина ихъ уклоненія отъ военной службы въ прошеніяхъ ихъ была не объяснена, но ихъ семейнымъ и друзьямъ было извѣстно, что она заключалась въ томъ, что они находили военное дѣло несомнѣннымъ съ своими христіанскими убѣжденіями. Какъ люди послѣдовательные и искренніе, они не хотѣли не только воевать оружіемъ, но находили, что не могутъ и служить приготовленіемъ средствъ къ войнѣ. Впрочемъ, и самое возведеніе оборонъ они не усматривали возможности производить съ полною честностью. Имъ казалось, что надо было «попасть въ систему самовознагражденія» или противодѣйствовать тѣмъ, чьи приказанія должно было исполнять.

Конечно, со стороны молодыхъ людей тутъ было, можетъ-быть, значительное преувеличеніе опасности, но тогда взятки царили повсюду и самъ государь Николай Павловичъ, какъ явствуетъ изъ многихъ напечатанныхъ впоследствии анекдотовъ, находилъ себя не въ силахъ остановить это страннѣйшее зло его времени.

Нашимъ «монахамъ» казалось, что служить честно—это значило постоянно поперечить всѣмъ желающимъ наживаться, и надо порождать распри и несогласія, безъ всякой надежды отстоять правду и не допускать повсюду царствовавшихъ злоупотребленій. Они поняли, что это подвигъ, требующій такой большой силы, какой они въ себѣ не находили, и потому они рѣшились бѣжать.

Борець болѣе смѣлый еще подрастаетъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.]

Когда государю было доложено, что Брянчаниновъ и Чихачевъ подали прошенія объ отставкѣ, императоръ разгнѣвался и сказалъ: «это вздоръ!»—и ихъ не выпустили. Надо было покориться, но при хорошихъ связяхъ тогда удавалось многое, что для людей обыкновеннаго положенія было невозможно. Черезъ нѣкоторое время, когда войска наши уже двинулись въ Турцію, Брянчаниновъ и Чихачевъ опять подали вторично просьбы объ отставкѣ, но въ

этотъ разъ прибѣгнули уже къ содѣйствию тѣхъ родственныхъ связей, которыми не хотѣли пользоваться до сей поры для другихъ цѣлей. Связи эти были столь сильны, что дѣло прошло какъ-то мимо государя и Чихачева съ Брянчаниновымъ тихонько выпустили въ отставку, «подъ сурдинкою».

Это было будто бы уже на походѣ и молодые друзья должны были отстать отъ своихъ частей при пересудахъ и ропотѣ своихъ товарищей, изъ которыхъ одни имъ завидовали, какъ баричамъ, уходившимъ отъ службы въ опасное время, а другіе старались дать имъ чувствовать свое презрѣніе, какъ трусамъ.

Друзья предвидѣли такое истолкованіе своего поступка и перенесли эти непріятности съ давно выработаннымъ въ себѣ спокойствіемъ. Въ утѣшеніе себѣ они знали, что они не трусы, и удаляются отъ войны не изъ боязни смерти, а потому они не обижались, а сгнѣшили какъ можно скорѣе и незамѣтно «бѣжать изъ арміи».

Выходъ ихъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, былъ похожъ на побѣгъ: объ отпущеніи ихъ изъ частей старались не говорить,—ихъ будто куда-то «послали» и потомъ они совсѣмъ скрылись, избѣжавъ, такимъ образомъ, еще многихъ другихъ непріятностей *).

Сначала они будто отправились къ сѣверу вмѣстѣ, но на дорогѣ разстались: Брянчаниновъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пребываніе его казалось очень опаснымъ, потому что онъ тутъ безпрестанно рисковалъ попасть въ глаза императору, а Чихачевъ пріѣхалъ къ своей сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, по мужѣ Кутузовой. Онъ говорилъ о своемъ возвращеніи не много и не ясно, а о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ совсѣмъ не говорилъ ничего. Его находили «страннымъ», какъ будто потеряннымъ или отрѣшеннымъ отъ міра, и не предающимся живо ни радостямъ, ни печалямъ. Это было очень тяжело видѣть въ молодомъ человѣкѣ, и семейные Чихачева общими силами старались

---

*) Эта часть разсказа совершенно не согласна съ тѣмъ, что читается въ жизнеописаніи Брянчанинова и представляетъ настоящую легенду, въ которой удаленіе молодыхъ людей отъ міра желали представить какъ можно эффектиѣе. Однако, разсказъ этотъ держится въ этомъ видѣ до сихъ поръ и ему вѣрять, несмотря на то, что книга передать дѣло иначе.

узнать, «что у него на душѣ». Одни думали «влюбленъ», другимъ казалось «замѣнанъ», а одинъ родственникъ съ волтерьянскою заправкой увѣрялъ, что племянникъ «помѣнанъ».

— На чемъ?

— Гордецъ. Хочетъ быть лучше всѣхъ... Набожный чистоплюй... Пусть міръ тонетъ въ смрадѣ грѣха, а онъ будетъ сидѣть какъ дроздъ на березкѣ, и свои перышки перещипать носикомъ... Чистоплюй!

На этого волтерьянца махали рукою, а Чихачевъ въ одинъ прескрасный день пропалъ изъ дома.

Мать и сестра его были въ отчаяніи. Особенно мать, безпокойства которой возрастади отъ цѣлой тучи предположеній и догадокъ, одна тревожила другой. Положеніе было ужасное. Семья и старалась искать бѣглеца и въ то же время боялась, чтобы не распространился широко слухъ объ его исчезновеніи. Надо было, чтобы это не дошло какънибудь въ Петербургъ до государя. Всего ужасно боялись, — и надо было бояться. Начались и очень долго продолжались въ величайшемъ секретѣ большіе поиски, въ которыхъ принимали участіе родственники пропавшаго и особенно преданные и довѣренныя крѣпостные слуги, — шла съ кѣмъ можно осторожная, но горячая переписка, но все это оставалось безъ результатовъ. Спросили даже волтерьянца, но тотъ вмѣсто отвѣта посоветовалъ читать житіе Алексѣя человека Божія, такъ какъ, по его мнѣнію, Чихачевъ будто всего вѣроятнѣе поревнуетъ примѣру этого святого. На «безчувственного циника» кивали головами, а слѣдовъ пропавшаго бѣглеца все-таки не находили нигдѣ. Семья и особенно мать переносили тяжкое горе и вдобавокъ должны были молчать и не показывать вида, что молодой человѣкъ пропалъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ самъ объявился въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ на Волгѣ. Волтерьянецъ угадывалъ всѣхъ ближе къ истинѣ: оба друга, Чихачевъ и Брячанниковъ, появились вмѣстѣ въ Бабайки и тутъ же оба вмѣстѣ начали одновременно свой путь въ иночествѣ, которое было имъ какъ бы врожденно и въ школѣ напорочено *).

*) На самомъ дѣлѣ Брячанниковъ попалъ въ Бабайки только въ концѣ своей монашеской жизни, а Чихачевъ былъ здѣсь очень короткое время для свиданія съ другомъ.

Гдѣ бѣжавшій изъ имѣнія О. В. Кутузовой Чихачевъ встрѣтился съ появившимся на короткое время въ Петербургѣ Брянчаниновымъ,—это осталось ихъ тайною, которая, можетъ-быть, и не представляетъ ничего особенно интереснаго, но, тѣмъ не менѣе, они объ этомъ никогда не говорили. Важенъ тотъ фактъ, какъ и гдѣ началось это «послѣдованіе Алексѣю человеку Божію» и чѣмъ оно разрѣшилось, представивъ собою намъ два врожденные характера, достопримѣчательные своею цѣльностью и послѣдовательностью.

Ихъ не въ силахъ были измѣнить ни среда школы и ея направленіе, ни самый лестный фаворъ, ни строгое осужденіе, ни укоризны трусостью, какъ порокомъ, который долженъ бы несносно уязвлять благородное чувство, если бы оно не видало себѣ оправданія въ идеалѣ выснемъ. Пусть, быть-можетъ, этотъ идеалъ понятъ и узко, но тѣмъ не менѣе онъ требовалъ настоящаго мужества для своего цѣлостнаго осуществленія. И у Брянчанинова съ Чихачевымъ не оказалось недостатка въ мужествѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Проходитъ рядъ лѣтъ тихихъ монастырскихъ трудовъ и Брянчаниновъ снова попадаетъ на видъ государя. Сдѣлать это рѣшился московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, которому, конечно, не безызвѣстно было, что императоръ Николай Павловичъ не хотѣлъ выпускать Брянчанинова въ отставку. Напомнить теперь о немъ значило привести на память государю всю исторію, и онъ могъ спросить: кто и когда выпустилъ Брянчанинова? Но Филаретъ все-таки вывелъ Брянчанинова, приспособленнаго совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ его тщательно приготавливало петербургское инженерное училище.

Спусти лѣтъ десять, въ продолженіе которыхъ императоръ Николай Павловичъ не вспоминалъ о Брянчаниновѣ и Чихачевѣ, государь въ одну изъ своихъ побывокъ въ Москвѣ посѣтилъ митрополита Филарета и выражалъ неудовольствіе по поводу событій, свидѣтельствовавшихъ о большой распущенности въ жизни монаховъ *). Митропо-

*) На самомъ дѣлѣ разговоръ въ этомъ родѣ происходилъ въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ.

лить не возражалъ, но сказалъ, что есть теперь прекрасный игумень, настоящий монахъ, на котораго можно положиться и съ нимъ можно будетъ многое поочистить и исправить въ монастыряхъ.

— Кто этотъ рѣдкій человѣкъ?—спросилъ государь.

— Игнатій Брянчаниновъ.

— Брянчаниновъ? Я помню одного Брянчанинова въ инженерномъ училищѣ.

— Это тотъ самый и есть.

— Развѣ онъ пошелъ въ монахи?

— Онъ уже игумень.

— Да, я помню, онъ и въ училищѣ еще отличался набожностью и прекраснымъ поведеніемъ. Я очень радъ, что онъ нашелъ свое призваніе и можетъ быть полезнымъ для управы съ монахами. Они невозможны.

— Отецъ Игнатій уже привелъ нѣсколько монастырей въ отличный порядокъ.

— Въ такомъ разѣ, если онъ у васъ уже привелъ въ порядокъ, то я попрошу васъ теперь дать его мнѣ, чтобы онъ мнѣ поочистилъ хоть немножко мою петербургскую Сергіевскую пустынь. Тамъ монахи ведутъ себя такъ дурно, что подають огромный соблазнъ.

— Воля вашего величества будетъ исполнена, и я твердо надѣюсь, что Игнатій Брянчаниновъ окажется полезнымъ всюду, куда вамъ угодно будетъ его назначить.

— Очень радъ, но жалѣю, что онъ одинъ такой: одинъ въ полѣ—не воинъ.

— Съ нимъ есть его другъ,—такой же строгій монахъ,— Чихачевъ.

— Ба! Чихачевъ! Это тоже изъ той же семьи,—мой кадетъ.

— Точно такъ, ваше величество.

— Ну, такъ и прошу перевести ихъ вмѣстѣ.

Брянчаниновъ пріѣхалъ игуменомъ въ Сергіевскую пустынь и привезъ съ собою друга своего Чихачева, который былъ съ этой поры его помощникомъ, и оба они начали «чистить» и «подтягивать» сергіевскихъ монаховъ, жизнь которыхъ въ то время, дѣйствительно, представляла большой соблазнъ, легендарныя сказанія о коемъ и до сей поры увеселяють любителей этого жанра *).

*) На это есть указанія и въ «Жизнеописаніи» (стр. 66 и 67).

Послѣдующая духовная карьера Игнатія Брянчанинова извѣстна. Онъ былъ епископомъ безъ образовательнаго ценза и имѣлъ много почитателей и много враговъ.

Чихачевъ не достигъ такихъ высокихъ іерархическихъ степеней и къ нимъ не стремился. Ему во всю жизнь правилось тихое, незамѣтное положеніе и онъ продолжалъ тусоваться какъ при другѣ своемъ Брянчаниновѣ, такъ и послѣ. Превосходный музыкантъ, пѣвецъ и чтець, онъ занимался хоромъ и чтецами и былъ извѣстенъ только въ этой области. Вель онъ себя какъ настоящій шнокъ, никогда, впрочемъ, не утрачивая отпечатка хорошаго общества и хорошаго тона, даже подъ схиною. Схиною носилъ съ рѣдкимъ достоинствомъ, устраняя отъ себя всякое покушеніе разглашать что-либо о какихъ бы то ни было его особенныхъ дарахъ.

Даже набожныя дамы, создающія у насъ репутацію святыхъ и чудотворцевъ при жизни, ничего особеннаго о Чихачевѣ внушать не смѣли. Онъ ни предсказаній не дѣлалъ, ни чудесъ не творилъ.

Музыкальныя и вокальныя способности и познанія Чихачева до нѣкоторой степени характеризуются слѣдующимъ за достовѣрное сообщаемымъ случаемъ: одна изъ его родственницъ, Марія Павловна Ферморъ, была замужемъ за петербургскимъ генераль-губернаторомъ Кавелинымъ. Чихачевъ нерѣдко навѣщалъ ее. Однажды, когда онъ сидѣлъ у Кавелиной, къ ней пріѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ извѣстный Рубини. Кавелина, знакомя встрѣтившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачевъ—ея дяди, и что онъ хотя и монахъ, но прекрасно знаетъ музыку и обладаетъ превосходнымъ голосомъ.

— Но васъ онъ никогда не слыхалъ, — добавила Марія Павловна.

— Почему же это такъ?

— Это потому, что у насъ духовныя лица не могутъ ходить въ театры.

— Какая жалость, — отвѣчалъ Рубини: — музыка возвышаетъ чувства и театръ можетъ наводить на очень глубокія размышленія.

— Ну, ужъ какъ бы это тамъ ни было, а у насъ такое правило, что монахи оперъ не слушаютъ.

— Но, все равно, вашъ дядюшка могъ быть въ моемъ концертѣ.

Кавелина улыбнулась и отвѣчала:

— Нашимъ монахамъ не позволено бывать и въ концертахъ.

— Это варварство!—воскликнулъ Рубини:—и, я думаю, вы не станете ему слѣдовать и не запретите мнѣ спѣть при вашемъ дядѣ.

— Я буду отъ этого въ восторгѣ.

— А вы ничего противъ этого не имѣете? — обратился, живо вставая съ мѣста, Рубини къ самому Чихачеву.

— Я очень радъ слышать знаменитаго Рубини.

— Въ такомъ случаѣ Рубини поеть съ двойною цѣлью, чтобы доставить удовольствіе хозяйкѣ дома и своему собрату, а въ то же время, чтобы сдѣлать неудовольствіе грубымъ людямъ, не понимающимъ, что музыка есть высокое искусство.

Марія Павловна Кавелина открыла рояль и сѣла аккомпанировать, а Рубини всталъ и пропѣлъ для Чихачева нѣсколько лучшихъ своихъ арій.

Чихачевъ слушалъ съ глубочайшимъ вниманіемъ, и когда пѣніе было окончено, онъ сказалъ:

— Громкая слава ваша нимало не преувеличиваетъ достоинствъ вашего голоса и умѣнья. Вы поете превосходно.

Такъ скромно и достойно выраженной похвала Чихачева чрезвычайно понравилась Рубини. Ему, конечно, давно уже надокучили и опротивѣли всѣ ополѣвшіе возгласы дешеваго восторга, которыми люди банальныхъ вкусовъ считаютъ за необходимое привѣтствовать артистовъ. Въ словахъ Чихачева, дѣйствительно, была похвала, которую можно принять, не красясь за того, кто хвалить. И Рубини, сказавъ руку монаха, сказалъ:

— Я очень радъ, что мое пѣніе вамъ нравится, но я хотѣлъ бы имѣть понятіе о вашемъ пѣніи.

Чихачевъ сейчасъ же, молча, всталъ, самъ сѣлъ за фортепіано и, самъ себѣ аккомпанируя, пропѣлъ что-то изъ какого-то духовнаго концерта.

Рубини пришелъ въ восхищеніе и сказалъ, что онъ въ жизнь свою не встрѣчалъ такой удивительной октавы и жалѣетъ, что лучшіе композиторы не знаютъ о существованіи этого голоса.

— Къ чему же бы это послужило?—произнесъ Чихачевъ.

— Для вашего голоса могли быть написаны вдохновенныя партіи и ваша слава, вѣроятно, была бы громче моею!

Чихачевъ молчалъ и, сидя бокомъ къ клавиатурѣ, тихо перебиралъ клавиши.

Рубини всталъ и началъ прощаться съ Кавелиной и съ ея гостемъ.

Подавъ руку Чихачеву, онъ еще разъ сильно сжалъ его руку, посмотрѣлъ ему въ глаза и воскликнулъ съ восторгомъ:

— Ахъ, какой голосъ! какой голосъ пропадаетъ безвѣстно!

— Онъ не пропадаетъ: я имъ пою Богу моему дондеже есмь,—проговорилъ Чихачевъ по-русски.

Рубини попросилъ перевести ему эту фразу и, подернувъ плечами, сказалъ:

— Ага!.. Да, да... это другое дѣло.

Къ сожалѣнію, престарѣлый свидѣтель этого происшествія не могъ вспомнить, что такое пѣль для Рубини Чихачевъ въ гостиной М. П. Кавелиной. А это очень любопытно, потому что голосъ у Чихачева была знаменитая октава, которая очень важна въ хорѣ, но не solo. Слѣдовательно, очень бы интересно знать, что такое Чихачевъ могъ исполнить одинъ своею октавою, и притомъ въ такомъ совершенствѣ, что вызвалъ восторги у Рубини.

Можетъ-быть, кто-нибудь это знаетъ отъ какого-нибудь болѣе памятливаго свидѣтеля или современника. Это весьма возможно, такъ какъ встрѣча Рубини съ Чихачевымъ въ гостиной генераль-губернаторскаго дома и все, что тамъ произошло, говорятъ, очень быстро распространилось въ «свѣтъ» и было разнесено молвою по городу. Зналъ объ этомъ и императоръ Николай, и отвѣтъ Чихачева: «пою Богу моему» чрезвычайно ему понравился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ выхода Бринчанинова и Чихачева изъ инженернаго училища, тамъ не переставалъ держаться *изъ духъ*, которымъ отъ нихъ «надынались» малыши, и въ свою очередь показали черты, совершенно непригодныя для службы, къ какой они предназначались по своему специальному образованію. Однимъ изъ наиболѣе «надышавшихся» былъ Николай Ферморъ.

Въ инженерномъ училищѣ воспитывались два брата Ферморы, Павелъ и Николай. Старшій, Павелъ Ѳеодоровичъ, учился въ одно время съ Бринчаниновымъ, былъ съ нимъ друженъ и находился подъ его непосредственнымъ духовнымъ вліяніемъ, а младшій, Николай Ѳеодоровичъ, шелъ позже, вѣдѣ за братомъ, и поступилъ въ инженерное училище, когда государь Николай Павловичъ уже пересталъ быть великимъ княземъ, а сдѣлался императоромъ. Непосредственное вниманіе его тогда къ училищу, за множествомъ другихъ дѣлъ, уже прекратилось и только въ преданіяхъ рассказывалось, какъ онъ, бывало, заходилъ въ училище съ вечерней прогулки, иногда даже вдвоемъ съ государыней Александрой Ѳеодоровной. Ее, бывало, оставить въ залѣ, а самъ обходилъ дортуары, гдѣ воспитанники уже спали, и Ламновскій чаще всѣхъ имѣлъ удачу встрѣчать великаго князя и черезъ то казался ему очень усерднымъ къ своему инспекторскому служенію, что на самомъ дѣлѣ было далеко не такъ.

По вступленіи Николая Павловича на престолъ, высшее попеченіе объ инженерномъ училищѣ имѣлъ братъ государя, великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ слылъ за очень строгаго и грознаго и любилъ, чтобы его боялись,— и его, дѣйствительно, очень боялись и даже трепетали дѣти. Ламновскій при немъ продолжалъ служить, какъ и при Николаѣ Павловичѣ. «Духъ» въ училищѣ держался все тотъ же: одними практиковалась «система самовознагражденія», а другіе къ этому присматривались и приспособлялись, каждый по соображеніямъ своего ума. Одни выходили во вкусъ Ламновскаго, другіе въ менѣ смѣломъ, но еще въ болѣе тонкомъ родѣ, и «мелочами не мазались». Послѣ взятія Варшавы, когда тамъ, въ Новогеоргіевскѣ и въ другихъ пунктахъ бывшаго Царства Польскаго, началась постройка новыхъ крѣпостей, «система самовознагражденія», базалась, достигла до самаго наивысшаго своего развитія. Больше всего достойна памяти и удивленія откровенность этого направленія въ молодежи: инженерные юнкера весело и беззаастѣнливо говорили, что они «иначе не понимаютъ, какъ быть инженеромъ—это значитъ *купаться въ золотѣ*». Такъ они и росли съ этимъ убѣжденіемъ, укрѣплялись въ немъ и, выходя, начинали его практиковать.

Но какъ вездѣ бываютъ и всегда могутъ быть неподхо-

дящія къ общему правилу исключенія, такъ было и здѣсь. Рядомъ съ тѣми, которые приспособлялись активно практиковать «систему самовознагражденія», или хотя пассивно «не мѣшать товарищамъ», были безпокойные отщепенцы, «надышавшіеся брянчаниновскимъ духомъ». Ихъ звали «сектою» и не даромъ на нихъ косились, какъ бы предчувствуя, что изъ нихъ, наконецъ, выйдетъ когда-нибудь «предерзкая собака на снѣгъ». Таковою и вышла Николай Ферморъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Секта Брянчанинова», подъ вліяніе которой подпалъ въ инженерномъ училищѣ Николай Федоровичъ Ферморъ, къ его времени потеряла значительное измѣненіе въ духѣ. Съ отходомъ перваго своего основателя и руководителя Брянчанинова и его друга Чихачева, она утратила преобладаніе религіознаго направленія, но зато еще болѣе повысила требованія общей честности и благородства.

Разумѣется, все это держалось въ очень небольшомъ кружкѣ юношей, которые не только составляли меньшинство, но были, такъ-сказать, каплею въ морѣ, которую съ полнымъ удобствомъ можно было не замѣчать или считать ни во что. Начальство такъ на нихъ и смотрѣло: оно о нихъ кое-что знало и называло ихъ «мечтателями», но не опасными. Въ училищѣ они не могли оказывать никому никакой помѣхи, а съ выходомъ на службу преобладающее общее настроеніе, казалось, безъ сомнѣнія, должно ихъ убѣдить въ непригодности ихъ мечтаній и сравнять со всѣми другими, которые ничего мечтательнаго не затѣвали, а ортодоксально вѣрили, что «быть инженеромъ — значитъ купаться въ золотѣ». Многочисленные опыты убѣждали солидные умы въ пользу этого успокоительнаго предположенія и опасаться серьезнаго вреда отъ безсребренниковъ было нечего.

Николай Ферморъ, однако, представлялъ своимъ характеромъ исключеніе и съ раннихъ поръ заставлялъ думать, что его увлеченія честностью и благородствомъ могутъ когда-нибудь сдѣлаться въ серьезной степени неудобными и причинять съ ними хлопоты.

Это и оправдалось.

• Что онъ проповѣдывалъ безусловное безкорыстіе и чест-

ность, находясь въ училищѣ, съ этимъ можно было еще не считаться, но онъ упорно держался того же и по выпускѣ его въ офицеры. На самомъ первомъ шагѣ своего выхода въ свѣтъ, когда бывшіе товарищи по училищу собрались вмѣстѣ, чтобы «всбрызнуть свои эполеты», Ферморъ за обѣдомъ прочиталъ стихи своего сочиненія, въ которыхъ зывалъ къ совѣсти своихъ одноклассниковъ, приглашая ихъ тутъ же дать другъ передъ другомъ торжественную клятву, что они будутъ служить отечеству съ совершеннымъ безкорыстіемъ и не только ни одинъ никогда не станетъ вознаграждать себя самъ, но «системѣ самовознагражденія», но и другимъ этого не дозволить дѣлать, а, несмотря ни на что, остановить всякое малѣйшее злоупотребленіе и не пощадить вора. Онъ этого требовалъ въ своихъ горячихъ и, какъ говорятъ, будто бы очень недурныхъ стихахъ, и самъ же первый произнесъ торжественную клятву свято, неотступно слѣдовать во всю жизнь своему воззванію.

Читая свое стихотвореніе, онъ былъ разгораченъ и взволнованъ, глаза его горѣли, онъ самъ дрожалъ и, все выше и выше возвышая голосъ, окончилъ истерическимъ экстазомъ, который многимъ былъ неприятенъ и приписанъ вліянію вынитаго поэтомъ вина. Такого дѣйствія, какого ожидалъ горячій юноша, не послѣдовало: съ нимъ никто не спорилъ, никто не говорилъ, что то, къ чему онъ призывалъ товарищей, было дурно, но никто къ нему на грудь не бросался, дружнаго звона сдвинутыхъ бокаловъ не раздалось, а, напротивъ, многіе, потушивъ глаза въ свои приборы, обнаруживали смущеніе и какъ будто находили въ обличительныхъ словахъ поэта нѣчто неумѣстное, колкое, оскорбительное для старшихъ и вообще не отвѣчающее веселому характеру собранія. А нѣкто, кажется, и теперь еще живущій и, по крайней мѣрѣ, очень недавно еще произносившій «рѣчи съ юморомъ», поправилъ дѣло, сказавъ, что «надо помнить о присягѣ и, подчиняясь ей, не заводить никакихъ союзовъ, основанныхъ на исключительныхъ клятвахъ и обязательствахъ».

— По крайней мѣрѣ, я, господа, напоминаю, что я принималъ присягу и ни о какихъ союзахъ знать не хочу.

— И мы тоже, и мы! Браве! Ура!

Николай Ферморъ не сконфузился, но очень обидѣлся; онъ, стоя, дождался, пока шумъ стихъ, обвелъ вокругъ

сидѣвшихъ за столомъ товарищей, мрачно улыбулся и сказалъ:

— Ну, если мнѣ суждено выпить мою чашу одному, то я ее одинъ и выпью.

И съ этимъ онъ выпилъ вино и разбилъ бокаль, чтобы изъ него не пили ни за какое другое пожеланіе.

Это опять бросило неблагоприятную тѣнь на общее настроеніе пирующихъ. Опять нашлись люди, которые пытались поправить слово, но это не удавалось. Кто-то возгласилъ извѣстное стихотвореніе Пушкина, оканчивающееся словами: «да здравствуетъ *разумъ*», и всѣ пили этотъ тостъ, но Ферморъ не пилъ,—ему не изъ чего было пить за «разумъ»,—его бокаль былъ разбитъ послѣ тоста «за честность въ жизни и на службѣ». Этотъ человекъ постоянно являлся виѣ общаго движенія — «уединеннымъ пошехонцемъ», и всѣ были рады, что онъ оставилъ общество раньше другихъ, всѣ, по уходѣ его, точно вздохнули и веселье забыло, а онъ былъ уже одинъ, унесъ съ собою неудовольствіе на другихъ и оставивъ такое же или, можетъ-быть, еще большее неудовольствіе въ этихъ другихъ.

Съ разсказаннаго случая на самомъ первомъ шагѣ самостоятельной жизни Фермора началось его отлученіе. Это не обещало ничего хорошаго, но онъ нимало не пугался создающагося положенія и еще усиливалъ его, раздражаясь отъ времени до времени новыми стихами, въ которыхъ старался какъ можно строже и извѣтливѣе бичевать сребролюбіе и другія хорошо ему извѣстныя порочныя склонности своего званія.

Ему было сдѣлано замѣчаніе, что такъ служить нельзя.

Ферморъ хотѣлъ сейчасъ же оставить инженерную службу, боясь, что далѣе онъ еще хуже не сумѣетъ поладить съ господствовавшимъ въ вѣдомствѣ направленіемъ, но перемѣнить службу ему не удалось. Великій князь Михаилъ Павловичъ, знавшій Николая Федоровича въ училищѣ, оставилъ его въ Петербургѣ при здѣшней инженерной командѣ.

Тутъ не было такихъ дѣлъ, изъ-за которыхъ молодому фанатику честности пришлось бы раздражаться, и онъ спосилъ свое служебное положеніе спокойно. Онъ даже былъ имъ доволенъ, но въ это именно время (въ 1831 г.) начались большія постройки въ крѣпостяхъ Царства Польскаго, гдѣ наши инженеры особенно привольно «купались въ зо-

лотѣ». Это ни для кого не было большою тайной, но все-таки «купанье» иногда обращало на себя вниманіе государя и великаго князя и тогда производилось «освѣженіе личнаго состава», отчего, впрочемъ, дѣло нисколько не выигрывало, ибо лица, вновь прибывающія для освѣженія, немедленно же опущали совершенную невозможность противустоять общему направленію и векорѣ же, безъ всякаго протеста, становились такими же, какъ и прежніе.

Кто по нежеланію, или по неумѣнью, или изъ страха самъ не лѣзъ въ золотое русло, чтобы купаться въ золотѣ, такихъ чрезвычайно предупредительно и ласково сами старшіе окунали въ ванны домашнимъ порядкомъ.

Дѣло было устроено такъ удобно, что тому, кто не хотѣлъ самъ лично входить въ какія-нибудь сдѣлки, не было и никакой необходимости заниматься этимъ самолично. Въ извѣстной части старшій самъ сдѣлывался съ поставщиками и пріемщиками и дѣлился со всѣми своими сослуживцами безъ объясненія путей и источниковъ дохода. При такомъ порядкѣ каждый «купался» безъ всякаго насилія своей скромности и своей совѣсти. Не доносить же на старшихъ, — да и чѣмъ подкрѣпить доносъ? Всѣ скажутъ: «это неправда» и «міръ зинеть — правда сгинеть».

Н. О. Ферморъ былъ у великаго князя Михаила Павловича на хорошемъ счету, какъ способный инженерный офицеръ, и это повело къ тому, что въ одинъ прекрасный день Ферморъ совершенно неожиданно для себя получилъ переводъ изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ тогда производилось множество инженерныхъ работъ.

Ферморъ не обрадовался: онъ точно чувствовалъ, что ему тамъ не сдобровать, но онъ не имѣлъ такой рѣшимости, какъ Чихачевъ или Брянчаниновъ, чтобы бѣжать отъ службы и скрыться подъ рясу монаха. Да и идеалъ Алегсея челоуѣка Божія, которому слѣдовали въ своей рѣшимости Чихачевъ и Брянчаниновъ, не былъ идеаломъ позже ихъ вышедшаго на житейскій путь Фермора. Этотъ тоже былъ религіозень, но онъ не хотѣлъ бѣжать отъ жизни въ свѣтѣ, а, напротивъ, хотѣлъ борьбы со зломъ — онъ хотѣлъ внести посильную долю правды и свѣта въ жизнь. Ферморъ былъ челоуѣкъ съ гражданскими добродѣтелями и для него не годились ни аскетизмъ, ни витаніе въ поэзіи красоты и любовныхъ восторговъ. Онъ писалъ педурные стихи, но

не къ «ножкамъ Терпсихоры», а къ возбужденію духа чести въ житейскихъ отношеніяхъ, и въ этомъ смыслѣ значительно опережалъ свое время и неминуемо долженъ былъ нажить себѣ много недоброжелателей и враговъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Часть, въ которую Николай Ферморъ поступилъ по призыву въ Варшаву, находилась въ управленіи инженера, у котораго «система самовознагражденія» была поставлена самымъ правильнымъ образомъ. Никто, кромѣ самого начальника части, не имѣлъ надобности ничего извлекать самъ въ свою пользу или входить въ какія бы то ни было непосредственныя отношенія съ подрядчиками работъ и поставщиками строительныхъ матеріаловъ. Все это начальник со всею отвѣтственностью несъ на себѣ самъ, устраняя своихъ подчиненныхъ отъ всякихъ сдѣлокъ, «дабы не происходило никакой путаницы». Никто изъ офицеровъ своими руками ничего отъ постороннихъ не принималъ, но каждому ежемѣсячно, при выдачѣ казеннаго жалованья, раздавалась «прибавка» или «дачка», о происхожденіи которой извѣстно было только, что она «идетъ изъ кружки». Какъ составлялась эта «кружка» — всѣмъ было понятно: старшій бралъ или «уэкономливалъ», и потомъ «дѣлилъ какъ попу на причеть». Причетники получали то, что имъ давалъ отецъ настоятель, и никакихъ частныхъ всей этой благодѣтельности могли не знать. Они даже обязаны были не стараться проникать въ тайны, чтобы не подвергать дитя опасности отъ семи нянекъ, а получали, что имъ распределялось отъ отца командира, и затѣмъ продолжали служить съ незапятнанною совѣстью, исполняя приказанія старшаго и ни въ чемъ ему не переча.

Словомъ, «система самовознагражденія» была здѣсь возведена на высокую степень практичности и всѣ были ею довольны, тѣмъ болѣе, что отецъ настоятель былъ мастеръ собирать кружку и дѣлилъ ее не скаречно.

При раздѣлѣ кружечный сборъ составлялъ для cadaго такую значительную сумму, при которой казенное жалованье было сравнительно сущою бездѣлицей. Расписывались же только въ одной этой казенной бездѣлицѣ, а самое значительное полученіе «изъ кружки» выдавалось на руки безъ всякихъ расписокъ, — по-домашнему или по-семейному.

Сколько командиръ собиралъ, объ этомъ этикетомъ принято было не любопытствовать, но тѣмъ, что онъ дарствовалъ, всѣ были довольны, потому что онъ былъ «человѣкъ благородный и давалъ не скупясь».

Положеніе это всѣмъ правилось и никто его измѣнять не хотѣлъ; но вотъ вдругъ прѣзжаетъ изъ Петербурга «молокососъ Ферморъ» и не только причиняетъ своимъ безразсуднымъ поведеніемъ всѣмъ ужасное безпокойство, но дѣлаетъ еще такой скандалъ во всемъ причтѣ и въ обществѣ, что отъ него надо было избавиться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Прибылъ Николай Ферморъ въ Варшаву въ свое время, по расчисленію поперстнаго разстоянія, и «какъ офицеръ, рекомендованный великимъ княземъ съ наилучшей стороны», былъ принятъ съ особливимъ вниманіемъ.

— Васъ избралъ для посылки сюда самъ великій князь, — сказалъ Фермору его начальникъ части. — Очень вамъ рады, намъ хорошіе молодые люди нужны и мы постараемся, чтобы вамъ у насъ было хорошо.

Ферморъ благодарилъ.

— Да, мы о васъ позаботимся, — у насъ уже это такъ принято. Мы считаемъ васъ своимъ со дня назначенія. Теперь отдыхайте.

Ферморъ пошелъ стдыхать, а потомъ, отдохнувъ, явился для испрошенія себѣ указанныхъ занятій.

Ему отвѣчали, чтобы онъ объ этомъ не заботился, что «занятія придутъ своимъ чередомъ». А «пока» ему никакого прямого назначенія не было.

— Что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ заниматься?

Начальнику это рвеніе не понравилось, и онъ сразу же посмотрѣлъ на него, какъ на человѣка мало дисциплинированнаго и «съ чѣмъ-то особеннымъ въ характерѣ». А все сколько-нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи «особенное» тогда не правилось и казалось подозрительнымъ, или, во всякомъ случаѣ, особенность не располагала къ довѣрью и даже внушала безпокойство. Желательны были люди «стереотипнаго изданія», которые походили бы одинъ на другого, «какъ одноформенныя пуговицы».

Ферморъ къ этому не подходилъ и своимъ домогательствомъ занятій съ перваго же раза не понравился.

Начальникъ ему отвѣтилъ холодно и сухо:

— Ходите и присматривайтесь; мы увидимъ, къ чему вы способны.

Ферморъ сталъ «ходить и присматриваться», но ему продолжало сразу не везти во мѣнѣи начальства, — нашли, что онъ слишкомъ внимательно присматривается.

— Что ему такое надо?

О немъ списались съ Петербургомъ въ отношеніи того, какъ онъ положенъ во мѣнѣи начальства и какія у него родственныя связи.

Отвѣтъ пришелъ успокоительный: начальство ничего особаго о молодомъ инженерѣ не разумѣло, и только великій князь Михаилъ благоволилъ къ нему потому, что зналъ Фермора по инженерному училищу, гдѣ тотъ хорошо учился и былъ извѣстенъ добрымъ поведеніемъ. А что касается связей, то Ферморы принадлежали къ хорошей фамиліи, но особенно сильныхъ связей у нихъ нѣтъ, и старшій братъ Николая, Павелъ Федоровичъ Ферморъ, служить простымъ офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и даже нуждается *).

Свѣдѣніе это успокоило варшавскаго начальника Николая Фермора, и онъ опредѣлилъ себѣ, какъ надо держать этого молодого офицера.

Въ первый же мѣсяць, когда приспѣло время получать жалованье, Николай Ферморъ явился къ казначею вмѣстѣ съ другими. Казначей съ своими сундуками помѣщался въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ начальника части. Инженерные офицеры входили къ нему по одному, расписывались въ книгѣ и получали въ одну руку изъ ящика ту сумму, какая имъ слѣдовала изъ казны и въ которой они расписывались, а въ другую, изъ особо стоявшей на полу возлѣ казначея корзины, имъ выдавалась обернутая въ бумажку пачка, въ которой заключалась сумма, значительно превосходящая казенное жалованье.

Эту посылку инженеры брали изъ рукъ казначея, не разсматривая и безъ расписки, а казначей только дѣлалъ карандашомъ значокъ о выдачѣ ея въ особой маленькой тетрадкѣ.

*) Павелъ Федоровичъ Ферморъ впоследствии достигъ значительной высоты служебнаго положенія и былъ начальникомъ военно-юридической академіи, образованной изъ аудиторскаго училища.

Казначей былъ «косоротый», чиновникъ изъ писарей, въ своемъ родѣ дѣловитый и въ своемъ родѣ добрый человѣкъ, очень веселаго нрава. Онъ иногда позволялъ офицерамъ «любопытствовать, сколько въ пачкѣ», но большею частью этого никто не дѣлалъ, такъ какъ это ни къ чему не вело и только могло служить передъ начальствомъ признакомъ строптивости.

«Косоротый», скривя губы, говорилъ:

— Вѣруй, а не испытуй. Вѣрующему приложится, а у испытующаго отнимется.

Всѣ здраво разсуждавшіе люди знали, что надо вѣрить, и вѣрили. За это имъ и давалось по вѣрѣ ихъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Когда вошелъ въ казначейскую комнату Николай Ферморъ, «косоротый» придержалъ его, пока два случившіеся здѣсь офицера вышли, а потомъ предложилъ ему для учиненія расписки казенную книгу, а когда тотъ расписался въ полученіи слѣдовавшихъ ему казенныхъ денегъ (кажется, что-то около сорока рублей), тогда казначей подаль ему эти деньги и затѣмъ, опустя лѣвую руку въ стоявшую возлѣ него корзину, подаль пачку ассигнацій, перетянутую желтою бумажною полоской.

Положивъ эту пачку на столъ рядомъ съ отсчитаннымъ казеннымъ жалованьемъ, «косоротый» черкнулъ у себя въ тетрадкѣ карандашикомъ и, задвинувъ тетрадь въ столъ, ждалъ, чтобы Ферморъ вышелъ и далъ мѣсто другому офицеру.

И Ферморъ, дѣйствительно, отъ него ушелъ, но пачки, перетянутой бумажною полоской, не тронулъ.

— Что же вы?—проговорилъ ему вслѣдъ «косоротый».

Ферморъ остановился.

— Что же вы не берете? Это вѣдь тоже ваше.

— Что такое?—спросилъ, недоумѣвая, Ферморъ.

— Свое, что вамъ слѣдуетъ.

— Я получилъ все свое, что мнѣ слѣдуетъ.

— И это тоже вамъ слѣдуетъ.

Казначей опять показалъ глазами на оставшуюся на столѣ пачку.

— Что же это такое?

Казначей посмотрѣлъ на него значительно и съ неудовольствіемъ и отвѣчалъ:

— Чтò я вамъ буду рассказывать! Это деньги.

— Какія?

— Государственныя ассигнаціи.

— Сколько же ихъ здѣсь?

— Сколько? Объ этомъ не говорятъ, но можете сосчитать, сколько ихъ здѣсь. Тутъ четыреста рублей.

— И они мои?

— Да, ваши.

— Рѣшительно не понимаю!—произнесъ, сдвинувъ плечами, Ферморъ.

— Ну, такъ и не понимайте,—отвѣчалъ «косоротый», и при выходѣ Фермора бросилъ предназначавшуюся ему пачку опять назадъ въ корзину.

А Николай Ферморъ, выйдя въ комнату, гдѣ были офицеры, отыскалъ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми уже успѣлъ познакомиться, и за великій секретъ, съ негодованіемъ, рассказывалъ, какую «оскорбительную штуку» хотѣлъ было съ нимъ продѣлать «косоротый».

— Я понялъ его, — говорилъ Ферморъ: — онъ меня соблазнилъ потому, что хотѣлъ испытывать, но это ему никогда не удастся... И за то онъ теперь этого больше себѣ никогда не позволить ни со мной, ни съ другимъ. Пусть старшіе поступаютъ какъ хотятъ, но люди нашего поколѣнія должны научить этихъ господъ, какъ надо уважать честность.

И онъ при этомъ только хотѣлъ продолжать, что все молодые инженеры должны образовать союзъ, чтобы поддерживать другъ друга на честномъ пути безкорыстнаго служенія, но замѣтилъ, что кучка молодежи, среди которой онъ сообщалъ о своемъ оскорбленіи, растаяла и съ нимъ остался только одинъ изъ наиболѣе добросердечныхъ товарищей, и тотъ не столько ему внималъ, сколько убѣждалъ оставить это на время и идти «со всеми вмѣстѣ въ гастрономію, такъ какъ это у насъ, говорить, заведено и никому не хорошо нарушать товарищескіе обряды».

— Я себѣ никогда и не позволю нарушать ничего товарищественнаго, но я ужасно взволнованъ казначеемъ... Это его презрѣніе къ моей чести...

— Полноте, пожалуйста, да онъ и не думаетъ ни о чьей чести!

— Но тогда чтò же даетъ ему такую увѣренность? И

притомъ, я, вѣдь, еще ничего не дѣлалъ, а только «ходилъ да присматривался».

— Ну, полно вамъ добираться... «Ходите да присматривайтесь», тогда и поймете. А, впрочемъ, въ «гастрономіи» у насъ своя инженерная зала и мы можемъ тамъ продолжать нашъ разговоръ, а теперь пойдѣте туда скорѣй, чтобы не задерживать товарищей.

Они пошли въ «гастрономическое отдѣленіе», гдѣ Николай Ферморъ повторилъ въ усиленномъ видѣ сцену въ томъ же самомъ родѣ, какъ та, которую онъ разыгралъ въ Петербургѣ, на пиру вновь вышедшихъ инженеровъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ «гастрономію» въ Варшавѣ ходили только такіе люди, у которыхъ есть «глупыя деньги». Здѣсь, правда, можно было получать самыя утонченныя и рѣдкія вещи, но зато надо было платить за все чрезвычайно дорого. Людямъ, не имѣющимъ лишнихъ средствъ, сюда и порога переступать было не для чего, а съ тѣхъ, которые сюда заходили, драли уже цѣны безъ всякаго милосердія.

Самыми любимыми и наиболѣе избираемыми посѣтителями «гастрономіи» были русскіе инженеры, которые «купались въ золотѣ».

Если русскія армейскія войска полонили Варшаву, то русскіе инженеры несомнѣнно полонили варшавскую «гастрономію» и приложили стараніе внушать здѣшней челяди уваженіе къ русскому имени. Именитые поляки, поддерживавшіе здѣсь ранѣе честь польской аристократіи, присмѣрились и были вытѣснены въ «малыя кабинеты», а самымъ большимъ помѣщеніемъ завладѣли русскіе инженеры и назвали его «инженернымъ заломъ». Сюда при нихъ никто не смѣлъ приходить и садиться, потому что инженеры во всякое время могли его подавить грандіозностью своего поведенія.

Въ обычаѣ своемъ они были люди еще очень простые, и въ день полученія жалованья и пачекъ въ бумажныхъ полоскахъ приходили въ гастрономію «валомъ», т. е. почти во всемъ составѣ, со включеніемъ и «косоротого». Здѣсь пили и ѣли много, забирая все, что есть самаго лучшаго и самаго дорогаго; засиживались долго, сколько хотѣли, и платили за все настоящимъ благороднымъ манеромъ, т. е. не

торгуясь и даже не считая, что дѣйствительно взято и что безсовѣстно присчитано.

Послѣ отшедшаго вѣка магнатовъ они начинали вѣкъ инженерин, и, должно признаться, начинали его со славою. Заря, облиставшая инженерную славу, поднималась въ Варшавѣ и Новогеоргиевскѣ и оттуда свѣтила далѣе, противъ естества—съ запада на востокъ, черезъ Кіевъ, даже до Баку и Ленкорани, ибо нынѣ даже и тамъ воспрославлено имя русскаго инженера.

Съ такими-то людьми, если не барственныхъ, то, по крайней мѣрѣ, широкихъ привычекъ очутился чужакомъ, опоенный самою щекотливою честностью, и онъ повелъ себя въ этомъ почтенномъ сообществѣ какъ старинный юродивый въ золотомъ чертогѣ. Онъ жался, толкался, хмурился, оставался нелюдимъ, не принималъ никакого живого участія въ товарищескомъ разгулѣ, и не только почти ничего не ѣлъ, но и не пилъ, а между тѣмъ чувствовалъ надъ собою нѣчто демоническое и ужасное, подобное тому, что ощущаютъ нѣкоторые люди, пробѣгая надъ пропастью. Не проглотивъ ни одного глотка вина, Ферморъ опынѣвалъ отъ однихъ паровъ, отъ одной атмосферы и чувствовалъ неотражимую тугу броситься въ зияющую бездну, мимо которой ему нимало не тѣсно было бы пройти, если бы его туда не влекло и не толкало все вмѣстѣ взятое, чего не ощущалъ никто, кромѣ его одного. Его прямолинейныя понятія и чувствительные нервы не переносили всей массы этихъ впечатлѣній, и онъ теперь философствовалъ и жегъ себя огненными муками.

«Жизнь меня обманула!—разсуждалъ онъ, и такъ написалъ въ письмѣ къ своему родственнику.—Я догадываюсь, что у насъ честно жить очень трудно и даже невозможно. Напрасно намъ въ такомъ случаѣ представляютъ примѣры изъ жизни чужихъ народовъ. У другихъ выгодно быть честнымъ, а у насъ нѣтъ. У насъ съ умомъ и съ честностью обходится несравненно суровѣе и безпощаднѣе, чѣмъ съ бездарностью и съ искательствомъ. У насъ съ честностью можно только страдать и пресмыкаться. Я все изжилъ, еще почти не начиная жить. Если бы у меня былъ сынъ, я бы теперь уже не зналъ, какъ его воспитывать. Чтобы онъ не былъ несчастливъ, надо, чтобы онъ не былъ очень честенъ и на все былъ сговорчивъ. Отъ этого я никогда не

буду имѣть своей семьи. На честныхъ людей хорошо любить со стороны, но мучительно заставлять близкаго человѣка переносить все въ его собственной кожѣ. Задумываюсь даже, стоитъ ли жить и самому? Я не вижу смысла жить въ томъ ужасномъ сознаніи, что чести и настоящему благородству нѣтъ мѣста въ русской жизни... Этого никто одинъ исправить не можетъ, а при этомъ честно жить невозможно...»

И вдругъ въ этомъ самомъ родѣ онъ заговорилъ передъ всѣми, засѣдавшими въ «гастрономіи». И въ то же самое время, какъ онъ это говорилъ, онъ не помнилъ: зачѣмъ и съ какой стати онъ это говорить? Онъ никакъ не могъ вспомнить ни момента, ни случая, когда въ немъ вздрогнули вѣщія струны пророческой арфы и онъ пошелъ «глаголомъ жечь сердца людей». А въ то же время онъ понималъ, что дѣлаетъ что-то совершенно неудобное, разстроивающее компанію и потому неприличное и даже обидное. Онъ видѣлъ, что люди встаютъ и отходятъ отъ него, пожимая плечами и кидая на него презрительные взгляды, и вотъ уже нѣтъ никого, а только одинъ «косоротый» легъ грудью на столъ и, положивъ на руки голову, крѣпко спитъ, посвистывая носомъ.

На другой день Ферморъ ощущалъ чадъ и туманъ въ головѣ, какъ будто онъ неумѣренно пилъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не бралъ въ ротъ никакого вина. Ночью онъ легъ поздно, но безпрестанно просыпался, точно будто послѣ большого проигрыша. Ощущенія были такъ сходны съ этимъ, что онъ даже хватался два раза за свой бумажникъ и тщателью повѣрялъ свою наличность. Она была ничтожна: Ферморъ не пилъ, но пили другіе, а какъ расчетъ былъ сообщца, то, уплачивая по-ровну со всѣми, онъ отдалъ почти все, что имѣлъ при себѣ. Во всякомъ случаѣ полученное имъ мѣсячное жалованье ушло почти все безъ остатка.

Это его не могло не смутить, потому что такіе расходы были возможны только для тѣхъ, кто «купался въ золотѣ»; но кто хотѣлъ жить на одно казенное жалованье, для того траты въ такомъ размѣрѣ были не по силамъ. Ферморъ тутъ же ночью далъ себѣ слово, что впередъ въ подобной компаніи онъ никогда участвовать не будетъ.

— Кто хочетъ прожить честно, тотъ не долженъ быть

трагизмом и мотомъ. Онъ даже не долженъ стыдиться быть нищимъ. Иначе невозможно.

Ферморъ только немножко сожалѣлъ кое-кого изъ молодыхъ инженеровъ, которыхъ считалъ за людей лучшаго порядка, и стѣснялся, какъ онъ имъ откажетъ въ товариществѣ. Но безпокойство его было напрасно: ни старшіе, ни младшіе, никто его сообщества болѣе не искали. Другой мѣсяць Ферморъ тоже «проходилъ присматриваясь», безъ особаго назначенія, а когда пришелъ день раздачи жалованья, «косоротый» подалъ ему казенныя деньги въ книжкѣ и *долъ* пачки, перетянутыя бумажною полоской, — за истекающій мѣсяць и за прошедшій.

Ферморъ притворился, что онъ этихъ денегъ какъ бы не замѣтилъ, и взялъ только одно жалованье.

«Косоротый» еще болѣе скосоротился и спросилъ:

— Что жъ?.. Опять не беретъ?

— Да, не беру и никогда не возьму, — рѣзко отвѣчалъ Ферморъ и добавилъ, чтобы казначей на будущее время не смѣлъ и дѣлать ему такихъ предложеній.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ «косоротый», и тутъ же, прежде чѣмъ Ферморъ успѣлъ выйти, онъ пошелъ съ обѣими пачками въ рукахъ въ кабинетъ начальника.

Ферморъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что «косоротый» спряталъ у себя его деньги, — напротивъ, онъ долженъ былъ думать, что деньги доставлены начальнику, какъ непринятые Ферморомъ.

И, дѣйствительно, дѣло такъ и было, и съ этихъ поръ все принимаетъ совсѣмъ иной характеръ.

Донъ-кихотство переходитъ въ трагизмъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Фермора совсѣмъ не позвали во второй разъ въ гастрономію. Старшіе, очевидно, не хотѣли его видѣть, а изъ младшихъ, тѣ, съ которыми онъ ближе другихъ сталкивался, были немножко сконфужены и, наконецъ, кто-то изъ нихъ, при какомъ-то разговорѣ о чемъ-то, происходившемъ въ послѣдній разъ въ гастрономіи, сказалъ Фермору:

— Мы васъ съ собою не звали потому, что намъ всѣмъ было совѣстно: вы ничего не пьете, а между тѣмъ у насъ плата общая. Вамъ это убыточно.

— Мнѣ это *невозможно!* — отвѣчалъ Ферморъ.

— То-то и есть.

Молодой человек не искалъ пировъ и не почиталъ себя ни за честь, ни за удовольствіе пить и ѣсть въ «гастрономіи», онъ даже (какъ выше сказано) самъ желалъ отъ этого отказаться, но когда почувствовалъ, что его «выключили безъ прошенія», и притомъ такъ рѣшительно, такъ мягко и въ то же время такъ безповоротно, онъ сконфузился и, самъ не сознавая чего-то, сробѣлъ.

— Какъ это такъ скоро и такъ просто? Я не сдѣлалъ ничего дурного, а меня выпырнули, какъ коню за хвостъ... И еще извиняются... Это уже насмѣшка!

Но прошло нѣсколько дней и ему стало смѣшно, какъ его спустили.

Къ сожалѣнію, не къ чему было уже и присматриваться. Ферморъ видѣлъ, что его самого разсмотрѣли до дна и отставили, и, вдобавокъ, стала ходить какая-то сказка, будто онъ принялъ какую-то *шутку* казначея за серьезное предложеніе ему какой-то артельной взятки.

Это его возмутило: онъ пошелъ требовать отъ казначея объясненій и въ пылу гнѣва чуть не поднялъ руку...

«Косоротый» скрылся, но разсказалъ исторію.

На Фермора стали смотрѣть какъ на человека помѣшаннаго.

— Это Донъ-Кихоть; ему ни въсть что представляется; онъ никакой шутки не понимаетъ и бросается на добрыхъ людей.

Теперь, если бы онъ и захотѣлъ подчиниться общему положенію и братски принимать дѣлежи кружки, ему врядъ ли удалось бы поправить свое положеніе въ обществѣ товарищей и старшихъ, которыхъ онъ всѣхъ безъ исключенія обидѣлъ своимъ фанфаронствомъ.

— Дрянной и безпокойный человекъ, — говорили о немъ, и онъ слышалъ это и находилъ въ себѣ еще болѣе силы стоять на своемъ и не поддаваться.

Къ счастью, на каждого старнаго у насъ бываетъ еще высшій старшій, и Ферморъ надѣялся найти себѣ защиту выше.

Въ числѣ рекомендацій, которыми Ферморъ былъ снабженъ изъ Петербурга въ Варшаву, у него было рекомендательное письмо къ русскому, православному викарному архіерею Антонію Рафальскому, извѣстному своею странною

и до сихъ поръ невыясненною ролью по приему Почаевской лавры отъ униатскихъ монаховъ, а потомъ, вполѣдствіи, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому.

Ферморъ, отъ скуки и досады, вздумалъ воспользоваться этимъ письмомъ и предсталъ викарію, который до вдовства своего жилъ въ міру и зналъ толкъ въ «обхожденіи».

Безъ всякаго сомнѣнія, онъ сразу же уразумѣлъ представшаго передъ нимъ молодого человѣка и сообразилъ, что это—прекрасное, восторженное дитя, человѣкъ совсѣмъ непригодный къ жизни между людьми бойцовой породы, и Антонію, можетъ-быть, стало жаль «младенца», а притомъ и петербургская рекомендація, которую привезъ Ферморъ, имѣла вѣсь въ глазахъ Рафальскаго, который дорожилъ связями въ Петербургѣ. Вслѣдствіе всего этого, онъ нашелъ полезнымъ принять въ Николаѣ Ферморѣ участіе, чтобы имѣть за то на своей сторонѣ лицо, которое о немъ писало.

По такимъ побужденіямъ, истинный смыслъ которыхъ молодому идеалисту былъ недоступенъ, викарій варшавскій привялъ въ немъ участіе и воспользовался первымъ случаемъ ему помочь. При свиданіи съ начальникомъ инженеровъ въ Варшавѣ Деномъ, Антоній рассказалъ о Ферморѣ и сумѣлъ расположить Дена въ его пользу.

Иванъ Ивановичъ Денъ особенно не вникалъ въ просьбу, такъ какъ она представлялась ему очень неважною. Молодой человѣкъ томится, что ему не даютъ сразу много дѣлъ въ руки, надъ чѣмъ командовать. Это часто такъ бываетъ: молодые люди всегда чѣмъ-нибудь томится и хотятъ выше головы прыгнуть, а это нельзя. А, впрочемъ, молодой инженеръ, хорошо учившійся и хорошо рекомендованный учебнымъ начальствомъ... и также извѣстенъ великому князю... и также проситъ архіерей... Отчего онъ остается, въ самомъ дѣлѣ, безъ назначенія, тогда какъ инженерныхъ работъ мнѣжество? Объ этомъ надо спросить.

Денъ спросилъ, что это значить?

Ему отвѣчали, что молодой человѣкъ очень хорошей и имъ очень довольны; что его и не думали оставлять безъ назначенія, но надо было, разумѣется, «присмотрѣться», къ чему его можно лучше назначить.

— Ну, да, ну, да, это совершенно справедливо. Онъ мнѣ и не жаловался, а архіерея тамъ... за него просили и онъ просить... Надо для него сдѣлать.

— Да ужъ и сдѣлали.

— Е., и прекрасно!—отвѣчалъ Денъ, и извѣстилъ Анто-
нія, что все улажено: его protégé дадутъ дѣло по силамъ,
«а тогда мы не оставимъ это безъ вниманія и онъ будетъ награжденъ».

Антоній сейчасъ же послалъ за Ферморомъ и поспѣшилъ
его обрадовать, но былъ неприятно пораженъ, замѣтивъ,
что въ немъ «мало восторга», а «наиболѣе томности и уны-
лости, какъ бы у человѣка разочарованнаго жизнью».

Викарій его за это отечески пощупалъ и далъ «къ жизни
наставленіе», заключавшееся въ томъ, что надо хранить
бодрость духа во всякихъ положеніяхъ.

— Духа въ себѣ не угашайте и носа не вѣшайте,—
училъ епископъ:—впередъ очень быстро не устремляйтесь,
да инія не возронцать, и позади не отставайте, да инія
не вознепщуютъ. Надо держать серединку на половинкѣ—
себя блюсти и ближняго не скрести. А въ заключеніе всего
афоризмъ: не укоряй и не укорень будещи, а укоринь
другихъ—укорить и тя.

Ферморъ этого нимало не боялся: за что его кто-нибудь
можетъ укорить? Но въ отношеніи неудовольствія на на-
чальство онъ почувствовалъ, что былъ неправъ: началь-
никъ, дѣйствительно, выбралъ и далъ ему самое подходи-
щее занятіе, какъ которому ни съ какой стороны не могло
подползти никакое подозрѣніе. Начальникъ поручилъ Фер-
морю техническія повѣрки, которыми, кромѣ него, занимались
еще шесть человѣкъ, чинами старше и умомъ опытѣе.

Назначеніе было почетное. Работа полезная и самостоя-
тельная: смотри, вникай, сообрази, изложи критику и до-
ложки умно и понятно.

Ферморъ и пошелъ усердствовать. Сколько ему ни дадутъ
работы на руки, онъ все ихъ къ докладному дню въ не-
дѣлю окончить и представляеть.

Его товарищи все вразъ на него перекосились. Первую,
вторую недѣлю ему спустили, а потомъ одинъ отъ лица
прочихъ говоритъ:

— Вы что же это дѣлаете? Отличитесь, что ли, хотите?

Ферморъ отвѣчалъ, что у него и въ помыслахъ не было
искать превозвышенія надъ товарищами и, по его понятіямъ,
онъ ровно ничего такого не дѣлалъ, за что бы его
можно укорить въ честолюбіи или въ неблагородствѣ.

— А вы, вѣдь, имѣли время присматриваться, такъ вы, развѣ, не видите, что всѣ *по одному* дѣлу въ докладной день представляютъ, а вы для чего тащете нять, да шесть и изъ каждаго показываете разную шерсть?

— Миѣ сколько поручаютъ, я столько и представлю.

— Да развѣ это можно такъ дѣлать?

— У меня много свободного времени и я успѣваю.

— Мало ли что вы успѣваете! Вы, вонъ, и вина не пьете, и въ карты не играете,—нельзя же требовать, чтобы такъ жили всѣ. Если вамъ въ тягость ваше свободное время, можете найти для себя какое угодно занятіе, только не быть выскочкомъ противъ товарищей.

Ферморъ сталъ скучать и явился просить другого дѣла.

— Каковъ молодецъ! онъ уже недоволенъ своимъ положеніемъ и просить другого! Безноконтъ главнаго начальника и архіерея. Трется понасть въ амишки!—стали говорить одни, а другіе прибавляли:

— Какія протекція! Изъ Петербурга его рекомендуютъ, здѣсь за него просить то архіерей, то самъ Иванъ Ивановичъ (День). Кому хотите дать столько протекцій, всякій себѣ карьеру сдѣлаетъ.

А Фермору казалось, будто тѣмъ больше людей за него заступается, тѣмъ ему становится хуже.

Изъ Петербурга ему пишутъ, что онъ «не умѣетъ» пользоваться участіемъ, а онъ не находитъ въ этомъ участіи того, что нужно,—не особыхъ протекцій, а возможности честнаго и усерднаго труда.

Онъ уже не зналъ, на кого роптать: всѣ хороши—начальникъ его не порицалъ и не преслѣдовалъ, а даже показывалъ, что очень доволенъ его усердіемъ, и «косоротый» ему не предлагалъ начекъ съ бумажною полоской, а давалъ только то, что слѣдуетъ, и даже вслухъ приговаривалъ: «извольте столько-то рублей и копеекъ», и въ «гастрономію» его не приглашали, но ему день ото дня становилось все тяжелѣе и невыносимѣе.

Антоній къ нему продолжалъ благоволить и освѣдомлялся у его начальника: какъ онъ служить?

Тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ Ферморомъ очень доволенъ, но удивляется и сожалѣетъ, что тотъ очень неудобно поставилъ себя со всѣми товарищами.

Викарій при первомъ свиданіи передалъ это Фермору и освѣдомился:

— Въ чемъ дѣло?

— Не гожусь, не подхожу,—отвѣчалъ Ферморъ.

— Отчего?.. Для чего вы такой зломнительный? Не хорошо имѣть мрачный взглядъ на жизнь. Въ ваши цвѣтущіе годы жизнь должна человѣка радовать и увлекать. Я о васъ говорилъ съ вашимъ начальникомъ и онъ васъ хвалить, а отнюдь не говорить того, будто вы не подходите. Извините меня: вы сами себѣ создасте какое-то особенное, нелюбимое положеніе между товарищами.

Ферморъ вспыхнулъ и отвѣчалъ:

— Это совершенно вѣрно: начальство относится ко мнѣ теперъ лучше, чѣмъ товарищи.

— Ну, вотъ... Это не хорошо.

— Да; но чтобъ они относились ко мнѣ хорошо,—чтобы и *былъ любимъ*—надо, чтобъ я сдѣлалъ... то... что совсѣмъ нехорошо.

— Что же это?.. Неужто вольномысліе?

— О, нѣтъ! Я ничего не знаю о вольномыслии,—отвѣчалъ Ферморъ.

— Такъ что же?

Ферморъ молчалъ.

— Вѣрно, берутъ?

— Я ничего говорить не буду.

— Если это, то, вѣдь, что инженерія, что финансерія—это такія вѣдомства, гдѣ всѣ берутъ.

— Зачѣмъ же это? Для чего это такъ?

Викарій долго на него посмотрѣлъ и сказалъ:

— Для чего берутъ-то?

— Да!.. Вѣдь это подлю!

— Значить, поладить не можете?

— Не могу, ваше преосвященство, я къ этому совсѣмъ отъ природы неспособенъ.

— Ну, способности тутъ немного надо.

— Взятка... мнѣ руку прожжетъ.

— Прожечь не прожжетъ, а... нехорошо. Но дерзости не надо себѣ позволять.

Ферморъ понялъ, что передано что-нибудь объ его сценѣ съ «косоротымъ», и съ горечью воскликнулъ:

— Ахъ, ваше преосвященство, какія дерзости! Они сами

выводять изъ терпѣнія, сами обижаютъ, а потомъ лгутъ и сочиняютъ.

— Да, но все-таки на службѣ надо уживаться.

— Я не вижу никакой возможности уживаться съ такими людьми и буду проситься въ другое мѣсто.

— И на другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, встрѣтите то же самое, ибо и тамъ тоже будутъ люди.

— Но не всѣ же люди одинаковы!

Антоній опять на него поглядѣлъ съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Да, иногда бываетъ и отъѣна.

— Я посмотрю... я вѣрю встрѣтить иное.

— Ну, вѣруйте... посмотрите.

Въ тонѣ викарія было слышно утомленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ближайшій начальникъ Фермора оказался зато такъ къ нему снисходителенъ и милостивъ, что далъ ему другое порученіе, на которое Ферморъ уже не приходилъ никому жаловаться, но совсѣмъ не сталъ заниматься дѣломъ, а началъ уединяться, жилъ нелюдимымъ, не открывалъ своихъ дверей ни слугѣ, ни почтальону и «бормotalъ» какія-то странности.

Антоній узналъ объ этомъ и послалъ просить его къ себѣ.

Ферморъ пришелъ, но не только не опровергъ передъ викаріемъ дошедшихъ до него слуховъ, а, напротивъ, еще усилилъ сложившееся противъ него предубѣжденіе. Онъ былъ сухъ съ епископомъ, который за него заступался, и на вопросъ о причинѣ своего мрачнаго настроенія и уклоненія отъ общества отвѣчалъ:

— Я потерялъ вѣру въ людей и не могу ничего дѣлать.

Антоній не могъ вызвать Фермора ни на какую большую откровенность и отпустилъ его, сказавъ, что онъ, по его мнѣнію, должно-быть, боленъ и ему надо полѣчиться.

Ферморъ ушелъ молча и еще плотнѣе заперся, а потомъ, призванный черезъ нѣсколько дней къ начальнику, наговорилъ ему такихъ дерзостей, что тотъ, «желая епасти его», поѣхалъ къ Антонію и рассказалъ все между ними бывшее и добавилъ:

— Если я дамъ этому ходъ, то молодой человѣкъ пропадетъ, потому что онъ говорить на всѣхъ ужасныя вещи.

— Ай, ай!

— Да, онъ не только нарушаетъ военную дисциплину, но... простите меня великодушно: онъ подвергаетъ критикѣ ваши архинастырскія слова... Однако, какъ вы изволите принимать въ немъ такое теплое участіе, то я не желаю васъ огорчить и прошу васъ обратить на него вниманіе: онъ положительно боленъ и его надо увести куда-нибудь къ роднымъ, гдѣ бы онъ имѣлъ за собою нѣжное, родственное попеченіе и ничѣмъ не раздражался. На службѣ онъ въ такомъ состояніи невозможенъ, но его любить великій князь, и если вы согласитесь сказать объ этомъ генералу Дену, то онъ, вѣроятно, напишетъ въ Петербургъ и исходатайствуетъ ему у великаго князя продолжительный отпускъ и средства для излѣченія.

Антоній согласился вмѣшаться въ это дѣло и вскорѣ же нашелъ случай поговорить о томъ съ Деномъ.

Иванъ Ивановичъ Денъ зачмокалъ губами и закачалъ головой.

— Жаль, очень жаль,—заговорилъ онъ. — Я не прочь донести объ этомъ великому князю и увѣренъ, что обѣдняягѣ разрѣшатъ отпускъ и дадутъ средства, но прежде чѣмъ я рѣшусь объ этомъ писать, надо обстоятельно удостовѣриться о здоровьѣ этого офицера. Я пошлю къ нему своего доктора и сообщу вамъ, что онъ мнѣ скажетъ.

Викарій извѣстилъ Фермора, какое участіе принимаетъ въ немъ главный начальникъ, который пришлетъ къ нему своего доктора, но это извѣстіе, вмѣсто того, чтобы принести молодому человѣку утѣшеніе, до того его взволновало, что онъ написалъ викарію вспыльчивый отвѣтъ, въ которомъ говорилъ, что докторъ ему не нуженъ, и вообще все, что дѣлается, то не нужно, а что нужно, то-есть, чтобы дать ему возможность служить при честныхъ людяхъ, — то это не дѣлается. Дену устроить это ничего бы не стоило, но онъ, къ несчастію, тоже не такъ на все смотритъ, потому что и самъ...

Викарій увидать, что молодой человѣкъ уже слишкомъ много себя позволяетъ: такъ дѣла въ государствѣ идти не могутъ.

Письмо осталось безъ отвѣта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Посланный Деномъ его довѣренный и искусный врачъ нашель Фермора въ самомъ мрачномъ настроеніи, которое при первыхъ же словахъ доктора моментально перешло въ крайнюю раздраженность.

Молодой человѣкъ сначала не хотѣлъ ничего говорить, кромѣ того, что онъ физически совершенно здоровъ, но находится въ тяжеломъ душевномъ состояніи, потому что «потерялъ вѣру къ людямъ»; но когда докторъ сталъ его убѣждать, что эта потеря можетъ быть возмѣщена, если человѣкъ будетъ смотрѣть, съ одной стороны, снисходительнѣе, а съ другой—шире, ибо человечество отнюдь не состоитъ только изъ тѣхъ людей, которыми мы окружены въ данную минуту и въ данномъ мѣстѣ, то Ферморъ вдругъ словно сорвался съ задерживающихъ центровъ и въ страшномъ гнѣвѣ началъ утверждать, что у насъ нигдѣ ничего нѣтъ лучшаго, что онъ извѣрился во всѣхъ безъ исключенія, что честному человѣку у насъ жить нельзя и гораздо отраднѣе какъ можно скорѣе умереть. И въ этомъ пылу онъ то схватывалъ, то бросалъ отъ себя лежавшій на столѣ пистолеть и порицалъ безъ исключенія всѣ власти, находя ихъ бессильными остановить повсюду у насъ царящее лицемеріе, лихоимство, неуваженіе къ честности, къ уму и къ дарованіямъ и въ заключеніе называлъ всѣ власти несоотвѣтствующими своему назначенію.

Врачъ доложилъ объ этомъ Дену и выразилъ такое мнѣніе, что Ферморъ, если и не сумасшедшій, то находится въ положеніи очень близкомъ къ помѣшательству, и что ему не только нельзя поручать теперь служебныя дѣла, но надо усиленно смотрѣть за нимъ, чтобы онъ, подъ вліяніемъ своей мрачной меланхолии, не причинилъ самому себѣ или другимъ какой-нибудь серьезной опасности.

— Я и подозрѣвалъ это.

Иванъ Ивановичъ Денъ послалъ доктора разсказать все Антонію, а самъ немедленно довелъ о происшествіи съ Николаемъ Ферморомъ до вѣдома великаго князя. А Михаилъ Павловичъ сейчасъ велѣлъ призвать къ себѣ Павла Федоровича Фермора и приказалъ ему немедленно ѣхать въ Варшаву и привезти «больного» въ Петербургъ.

Приказаніе это было исполнено: Николая Фермора при-

везли въ Петербургъ и онъ сталъ здѣсь жить въ домѣ своихъ родителей и лѣчиться у ихъ домашняго, очень хорошаго доктора.

Сумасшествія у него не находили, но онъ, дѣйствительно, былъ нервно разстроены, унылъ и все писалъ стихи во вкусѣ извѣстнаго тогда мрачнаго поэта Эдуарда Губера. Въ разговорахъ онъ здраво отвѣчалъ на всякіе вопросы, исключая вопроса о службѣ и о честности. Все, что касалось этого какою бы то ни было стороною, моментально выводило его изъ спокойнаго состоянія и доводило до изступленія, въ которомъ онъ страстно выражалъ свою печаль объ утратѣ вѣры къ людямъ и полную безнадежность возвратити ее черезъ кого бы то ни было.

На указаніе ему самыхъ сильныхъ лицъ онъ отвѣчалъ, что «это все равно,—никто ничего не значить: что нужно, того никто не сдѣлаетъ».

— Они всё есть, но когда нужно, чтобъ они значили то, что они должны значить, тогда они ничего не значать, а это значить, что ничто ничего не значить.

Такъ онъ поинелъ «заговариваться», и въ этомъ было резюме его внутренняго разлада, такъ сказать, «пунктъ его помѣшательства». О разстройствѣ Николая Фермора скоро заговорили въ «свѣтѣ». Странный душевный недугъ Фермора казался интереснымъ и занималъ многихъ. Опять думали, что онъ скрываетъ что-то политическое, и неохотно вѣрили, что ничего подобнаго не было. А онъ самъ говорилъ:

— Я знаю не политическое, а просто гадкое, и оно меня тѣснитъ и давить.

Душевные страданія Фермора, говорятъ, послужили мотивами Герцену для его «Записокъ доктора Крунова», а еще позже—Оеofilу Толстому, который съ него написалъ свой этюдъ «Болѣзни воли». Толстой въ точности воспроизвелъ своего героя съ Николаемъ Ферморомъ, а разсужденія взялъ изъ «Записокъ доктора Крунова», появившихся ранѣе.

Судя по времени событія и по большому сходству того, что читается въ «Запискахъ доктора Крунова» и особенно въ «Болѣзняхъ воли» О. Толстого съ характеромъ несчастнаго Николая Фермора, легко вѣрить, что и Герценъ, и Оеофиль Толстой пользовались исторіею Николая Фермора для своихъ этюдовъ—Герценъ болѣе талантливо и оригина-

нально, а *Ө. Толстой* болѣе рабски и протокольно воспроизводя известную ему действительность.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ такомъ положеніи, что называется, ни въ тѣхъ, ни въ сихъ, *Николай Ферморъ* оставался нѣсколько лѣтъ. Ему по временамъ то становилось немножко легче, то опять на него наваливала хандра и безпокойство,—онъ не въ-время уходилъ изъ дома и не въ-время возвращался, сердился за пустяки и не обращалъ вниманія на вещи крупнаго значенія. Но вообще онъ всегда выходилъ изъ себя за всякую самаго мѣлчайшую недобросовѣстность. Онъ не спускалъ никому, если видѣлъ, что человекъ поступаетъ несправедливо и невеликодушно противъ другого человека. Но если его ничто не раздражало, то онъ былъ тихъ и или ходилъ задумчиво, или сидѣлъ потупя взоръ, какъ *Абадонна*, и читалъ *Губера*.

Такъ бы, вѣроятно, тянулось многіе годы, если бы не явился исключительный случай, какіе, впрочемъ, въ царствованіе *Николая I* бывали, свидѣтельствуя и теперь еще о сравнительной простотѣ тогдашнихъ обычаевъ.

Однажды *Павель Ѳедоровичъ Ферморъ*, отправляясь на лѣто съ полкомъ въ лагерь въ *Петергофъ*, пригласилъ съ собою туда больного брата. Тотъ согласился, и оба брата поселились въ лагерь, въ одной палаткѣ.

Николай Ѳедоровичъ былъ въ это время въ тихой полудѣ,—онъ читалъ, гулялъ и могъ вести спокойные разговоры, лишь бы они не касались его пункта — чести и начальства. Но въ *Петергофѣ* преобладало карьерное настроеніе, и невозможно было уйти отъ частыхъ разговоровъ о томъ, что одному удалось, а почему это же самое другому не удалось. Больной слушалъ все это и началъ опять раздражаться, на него напала бессонница, которая его разстроила до того, что онъ сталъ галлюцинировать и разсказывалъ своему брату *Павлу* разныя несообразности. Но какъ *Николай Ферморъ* все-таки былъ совершенно тихъ и ни для кого не опасенъ, то за нимъ не присматривали и онъ выходилъ, когда хотѣлъ, и шелъ, куда ему вздумалось.

Въ такомъ-то именно настроеніи онъ въ одно утро вышелъ изъ дома очень рано и отправился гулять въ *Нижній Садъ*. А въ тотъ годъ государь *Николай Павловичъ* былъ

минеральные воды и также вставалъ очень рано и дѣлалъ проходку прямо изъ Александрии по главной аллеѣ Нижняго Сада.

Случилось такъ, что императоръ и больной Николай Ферморъ встрѣтились.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Увидѣвъ государя, Николай Ферморъ сталъ какъ слѣдовало и приложилъ руку къ фуражкѣ.

Государь взглянулъ на него и было прошелъ уже мимо, но потомъ, вѣроятно, затрудняясь вспомнить, что это за инженерный офицеръ и зачѣмъ онъ здѣсь, оборотился назадъ и поманулъ Фермора къ себѣ.

Ферморъ подошелъ.

— Кто ты такой?—спросилъ государь.

Ферморъ назвалъ свое имя.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

Ферморъ отвѣчалъ, что онъ былъ на службѣ въ Варшавѣ, но имѣлъ несчастіе тамъ заболѣть и, по приказанію его высочества, привезенъ своимъ братомъ Павломъ въ Петербургъ, а теперь находится для пользованія свѣжимъ воздухомъ у брата въ лагерѣ.

Государь, межъ тѣмъ, всматривался въ его лицо и потомъ спросилъ:

— Ты былъ въ инженерномъ училищѣ, когда я былъ еще великимъ княземъ?

— Нѣтъ, ваше величество,—это былъ мой братъ.

— Чѣмъ же ты нынче боленъ?

Николай Ферморъ смѣшался и лицо его мгновенно приняло страдальческое выраженіе.

Государь это замѣтилъ и ободрилъ его.

— Говори правду! Чтò бы то ни было, мнѣ надо отвѣчать правду!

— Ваше величество,—отвѣчалъ Ферморъ:—я никогда не лгу ни передъ кѣмъ и вамъ доложу сущую правду: болѣзнь моя заключается въ томъ, что я потерялъ довѣріе къ людямъ.

— Чтò такое?—переспросилъ, возвыся голосъ и откидывая голову, государь.

Ферморъ спокойно повторилъ то же самое, т. е., что онъ потерялъ довѣріе къ людямъ, и зачѣмъ добавилъ, что етъ этого жизнь ему сдѣлалась несносна.

— Мнѣ не вѣрять, ваше императорское величество, но я ужасно страдаю.

— Я тебѣ вѣрю. Я знаю, это у тебя отъ Варшавы; но это ничего не значить,—ты вздохнешь здѣсь русскимъ духомъ и поправишься.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— Отчего нѣтъ?

— Нельзя служить честно.

Лицо Фермора приняло жалкое, угнетенное выраженіе.

Государь былъ, видимо, тронутъ разлитымъ во всемя его существѣ страданіемъ и, нимало не сердясь, коснулся его плеча и сказалъ:

— Успокойся,—я тебѣ дамъ такую службу, гдѣ ты будешь въ состояніи никого не бояться и служить честно.

— Кто же меня защититъ?

— Я тебя защищу.

Ферморъ поблѣднѣлъ и не отвѣчалъ, но лѣвую щеку его судорожно задергало.

— Или ты и мнѣ не вѣришь?

— Я вамъ вѣрю, ваше величество, но вы не можете сдѣлать то, что изволите такъ великодушно обѣщать.

— Почему?

Возбужденіе и расстройство Фермора въ эту минуту достигло такой высокой степени, что судорога перехватила ему горло и изъ глазъ его полились слезы. Онъ весь дрожалъ и нервнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Виноватъ, простите меня, ваше величество: я не знаю почему, но... не можете... не защитите.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Государь посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и въ это время, конечно, убѣдился, что онъ говоритъ съ помѣшаннымъ.

— Тебя лѣчили въ Варшавѣ, когда ты заболѣлъ?

— Генераль Денъ присылалъ ко мнѣ своего доктора.

— И что же, онъ тебѣ не помогъ?

— Мнѣ нельзя помочь, потому что я потерялъ...

— Да, да, я знаю, — перебилъ государь: — ты потерялъ довѣріе къ людямъ... Но ты не робѣй: этимъ самымъ отчасти страдаю и я...

— Ваше величество, въ вашемъ положеніи это еще ужаснѣе!

— Что, братецъ, дѣлать! Но я, однако, терплю. Я бы тебѣ посовѣтоваль искать утѣшеніе въ религіи. Ты молишься Богу?

— Молюсь.

— У насъ есть духовныя лица съ большою извѣстностью, ты бы обратился къ кому-нибудь изъ нихъ.

— Я пользовался въ Варшавѣ расположеніемъ преосвященнаго Антонія.

— Да, онъ краснорѣчивъ. Религія въ твоемъ положеніи можетъ дать тебѣ утѣшеніе. Но ты, вѣдь, долженъ знать Игнатія Брянчанинова,—онъ твой товарищъ.

— Онъ товарищъ моего старшаго брата, Павла.

— Это все равно: я васъ сведу. Иди сейчасъ въ лагерь и скажи твоему брату, что я приказываю ему сейчасъ свезти тебя отъ моего имени въ Сергіевскую пустынь къ отцу Игнатію. Онъ можетъ принести тебѣ много пользы.

Ферморъ молчалъ.

Государь пошелъ своею дорогой, но потомъ во второй разъ опять остановился,—самъ подошелъ къ стоявшему на мѣстѣ больному и сказалъ:

— Иди же, иди! Иди, не стой на мѣстѣ... А если тебѣ что-нибудь надобно—проси: я готовъ тебѣ помочь.

— Ваше величество! — отвѣчалъ Ферморъ: — я стою не потому, что хочу бѣльшихъ милостей, но я не могу идти отъ полноты всего, что ощущаю. Я благодарю васъ за участіе, и мнѣ больше ничего не нужно.

Но щечкамъ Фермора заструились слезы.

Государь вынулъ свой платокъ, обтеръ его лицо и поцѣловалъ его въ лобъ.

Ферморъ тяжело дышалъ и шатался, но смотрѣлъ оживленно и бодро.

— Ты, братецъ, рѣдкій человѣкъ, если тебѣ ничто не нужно; но если не теперь, а послѣ тебѣ что-нибудь понадобится, то помни, — я даю тебѣ право обратиться прямо ко мнѣ во всякое время.

— Нижайше благодарю, ваше императорское величество, но никогда этого не сдѣлаю.

— Отчего?

— У васъ, ваше величество, столько важныхъ и священныхъ дѣлъ, что моя одинокая судьба не стѣитъ того, чтобы

вамъ обо мнѣ думать. Это святотатство. Я себѣ не позволю васъ беспокоить.

— Ты мнѣ нравишься. Если не хочешь ко мнѣ приходиться, напиши мнѣ и передай во дворецъ черезъ генераль-адъютанта. Я буду радъ тебѣ помочь; тебя кто теперь лѣчить?

— Докторъ Герацкій.

— Онъ не годится,—я поручу тебя Мандту. Прощай.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда Никóлай Ферморъ пришелъ въ лагерь послѣ свиданія и разговора съ государемъ, старшій Ферморъ (Павель) еще спалъ. Николай его разбудилъ и сталъ ему рассказывать о томъ, какъ онъ повстрѣчался съ императоромъ въ Нижнемъ Саду и какой у нихъ вышелъ разговоръ, причемъ разговоръ этотъ былъ воспроизведенъ въ дословной точности.

Павель Ѳедоровичъ подумалъ, что вотъ именно теперь братъ его совсѣмъ уже сошелъ съ ума и галлюцинируетъ и зрѣнїемъ, и слухомъ, но, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, однако, что Николай Ферморъ говоритъ сущую правду. По крайней мѣрѣ, особливые люди, которымъ все надо видѣть — дѣйствительно видѣли, что императоръ встрѣтилъ Фермора въ Нижнемъ Саду и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, два раза къ нему возвращался и обтеръ своимъ платкомъ его лицо и поцѣловалъ его въ лобъ.

Всему остальному приходилось вѣрить на слова больного и въ этомъ смыслѣ докладываться начальству.

Батальоннымъ командиромъ у Павла Фермора въ это время былъ Ферре. Къ нему къ первому явился Павель Ферморъ, рассказалъ, что и какъ происходило, и затѣмъ просилъ разъяснить ему: какъ теперь быть, — оставить ли это безъ движенія, отнеся все слышанное насчетъ больного воображенія Николая Фермора, или не вѣрить передачѣ и исполнить въ точности переданное приказаніе государя?

Ферре былъ того мнѣнія, что хотя Николай Ферморъ и считается человѣкомъ больнымъ и очень легко можетъ галлюцинировать, но что въ данномъ случаѣ онъ, по всѣмъ видимостямъ, говоритъ правду, и потому переданныя черезъ него приказанія государя надо исполнить.

Тогда Павелъ Ѳедоровичъ Ферморъ взялъ экипажъ, посадилъ туда больного брата и повезъ его въ «пустыню» къ Сергію.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Брянчанинова П. Ферморъ засталъ на служеніи: онъ совершалъ литургію. Ему доложили о прибывшихъ къ нему отъ государя братьяхъ Ферморахъ, когда онъ вернулся изъ церкви домой и собирався въ трапезу.

Игнатій принялъ братьевъ въ своихъ покояхъ, при чемъ находился и Чихачевъ, на племянницѣ котораго былъ женатъ Павелъ Ѳедоровичъ. Они поговорили здѣсь вкратцѣ потому, что надо было идти въ трапезную къ братіи. За трапезою въ монастырѣ разговоры невозможны, но послѣ трапезы до звона къ вечернѣ подробнѣе поговорили обо всемъ, что вспоминалось, затѣмъ офицеры должны были возвратиться въ лагерь.

Свиданіе «утратившаго довѣріе къ людямъ» Николая Фермора съ Брянчаниновымъ и Чихачевымъ нимало не возвратило ему его утраты, а только исполнило его сильной нервной усталости, отъ которой онъ зѣвалъ и безпрестанно засыпалъ, тогда какъ брату его, Павлу Ѳедоровичу, одно за однимъ являлись новыя хлопоты по исполненію заботъ государя о больномъ.

Едва они подѣхали къ лагерю, какъ Павлу Фермору сказали, что его давно уже ищутъ.

— Но я не могъ быть въ лагерѣ, потому что возилъ брата къ Сергію по приказанію государя и сказался о томъ своему батальонному командиру.

— Все равно, — отвѣчали ему: — васъ ищутъ тоже и по приказанію государя, а батальонный ничего не сказалъ. Идите скорѣе въ вашу палатку, — тамъ вамъ есть важное письмо.

Оказалось, что въ лагерѣ былъ самолично великая медицинская знаменитость своего времени, докторъ Мандтъ.

Онъ пріѣхалъ въ лагерь по личному приказанію государя, чтобы видѣть Николая Фермора, и остался очень недоволенъ, что не нашелъ больного. Зато онъ оставилъ записку, въ которой писалъ, что «сегодня онъ былъ экстренно вытребованъ государемъ императоромъ, которому благоудно было передать на его попеченіе Николая Фермора,

и въ виду этого онъ, д-ръ Мандтъ, просить Пв. Ф-ра, какъ только онъ возвратится въ лагерь и въ какое бы то ни было время, тотчасъ пожаловать къ нему для личныхъ объясненій».

Хотя время было уже поздноато, но Павелъ Ферморъ сейчасъ же отправился въ городъ на квартиру Мандта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мандтъ былъ дома. Онъ сидѣлъ на верандѣ и курилъ.

Когда ему доложили о Ферморѣ, онъ его тотчасъ же при- нялъ и, дымя сигарою, сказалъ:

— Государь очень заинтересовался вашимъ братомъ. У него, какъ думаетъ его величество, должно быть есть на- клонность къ меланхолии. Что вамъ извѣстно о болѣзнен- номъ состоянiи вашего брата?

Павелъ Федоровичъ Ферморъ разскалъ все, что ему было извѣстно, но Мандтъ нашелъ это недостаточнымъ: ему для уясненiя себѣ дѣла и для доклада о немъ государю нужно было имѣть «исторiю болѣзни», написанную меди- комъ, и притомъ все это надо было имѣть въ рукахъ и завтра утромъ уже доложить государю.

По счастью, у Павла Фермора была исторiя болѣзни, на- писанная врачомъ, пользовавшимся его брата, но она была оставлена на городской квартирѣ въ Петербургѣ, а сооб- щенiя съ Петергофомъ тогда были не нынѣшнiя.

Чтобы помочь дѣлу, Мандтъ выдалъ Павлу Фермору би- летъ на казенный пароходъ, отходившій въ Петербургъ утромъ, и «исторiя болѣзни» Николая Фермора поспѣла въ руки Мандта во-время. Онъ ее сразу прочелъ, все въ ней понялъ и въ тотъ же день доложилъ государю.

Государь былъ доволенъ, что приказанiя его исполняются такъ скоро и такъ точно: онъ благодарилъ Мандта и про- силъ его принять къ сердцу горестное состоянiе несчаст- наго молодого человѣка.

— Его бредъ, — сказалъ государь: — исполненъ такого искренняго благородства, что нѣчто подобное не худо бы имѣть тѣмъ, которые пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ.

Мандтъ принялъ протянутую ему при этомъ руку госу- даря и какъ бы изъ нея переданнаго ему больнаго Нико- лая Фермора съ его «утраченнымъ довѣрiемъ къ людямъ».

Все семейство Ферморовъ было въ восторгѣ, всѣ благо-

словляли вниманіе государя и начали смотрѣть въ будущее съ новымъ упованіемъ.

Въ обществѣ тоже говорили, что «теперь Мандтъ разорвется, а выльчить... Иначе, чортъ ихъ возьми, — грошъ дѣна всей ихъ наукѣ».

Но самъ Николай Ферморъ молчалъ и спокойно смотрѣлъ на все, что съ нимъ дѣлали. Все это какъ будто не имѣло для него никакого значенія. Мандтъ, такъ и Мандтъ, — ему все равно, при чемъ содѣйствіи утеривать послѣднее довѣріе къ людямъ. Онъ точно какъ изжилъ всю свою энергію и чувствительность въ своемъ утреннемъ разговорѣ съ государемъ, и что теперь за этимъ дальше слѣдуетъ, — ему до этого уже не было никакого дѣла.

Чѣмъ, какъ и гдѣ будетъ пользоваться его Мандтъ, — это его и не интересовало. Онъ теперь смотрѣлъ на дѣло какъ человѣкъ, для котораго всѣ эти хлопоты не важны и резульатъ ихъ безразличенъ, потому что онъ самъ знаетъ самое вѣрное средство, какъ избавиться отъ тяжести своего несчастнаго настроенія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Тѣмъ, что описано въ выше сего помѣщенныхъ строкахъ, выразилось самое сильное и самое большое напряженіе усердія знаменитаго врача къ исполненію порученія, лично переданнаго ему самимъ государемъ. Докторъ Мандтъ сдѣлалъ больному только одинъ неудачный визитъ, когда онъ не нашелъ Фермора въ палаткѣ петергофскаго лагеря. На другой день, какъ сказано, Мандтъ прочелъ наскоро исторію болѣзни и сдѣлалъ государю докладъ, не посѣтивъ больного. И съ этой поры онъ самъ не посѣщалъ Фермора ни разу, а присылалъ своего ассистента, врача, тоже составившаго себѣ въпослѣдствіи большое имя, Н. Ѳ. Здекауера. Если же государь спрашивалъ: видитъ ли онъ Фермора, то Мандтъ отвѣчалъ, что «видитъ», и чтобы это не было неправдою, онъ тотчасъ же вытребовалъ пациента къ себѣ на квартиру.

Для больного, который находился въ такомъ состояніи, какъ Николай Ферморъ, не тяжело было исполнить это требованіе, и онъ на каждый зовъ тотчасъ же шелъ въ квартиру Мандта (по Мойкѣ, неподалеку отъ Полицейскаго моста, въ домѣ Бѣликова).

Такимъ образомъ прошелъ годъ и могло бы идти и дальше,

по однажды раннею весной Николай Ферморъ во время прогулки опять попался на глаза императору Николаю Павловичу, и отъ этого случая произошла перемѣна, которая дала дѣлу новое направленіе.

Государь встрѣтилъ Николая Фермора на углу Невскаго и Большой Морской, у самаго англійскаго магазина.

Проходившій Ферморъ, замѣтилъ приближеніе государя, взялъ руку къ козырьку и остановился.

Государь взглянулъ на него и сейчасъ же узналъ.

— Ферморъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Какъ теперь твое здоровье?

— Я не чувствую, ваше величество, ни малѣйшаго облегченія.

На лицѣ государя выразилось неудовольствіе.

— Что же дѣлаетъ съ тобой Мандтъ?

— Онъ иногда присылаетъ ко мнѣ Эдекауера, а иногда требуетъ меня къ себѣ.

— Ну, а что же вы дѣлаете, когда ты къ нему приходишь?

— Сначала я долго ожидаю его въ пріемной, а потомъ, когда онъ выйдетъ, пустить мнѣ въ лицо дымъ отъ сигары и скажетъ, чтобы я пилъ bitter Wasser.

— И только?

— Только всего, ваше величество.

Лицо государя омрачилось, а Ферморъ воспользовался минутой этого разговора и напомнилъ государю о его дозволеніи обращаться къ нему съ просьбами.

— Ну, прекрасно, что же я могу тебѣ сдѣлать?

— Прикажите меня лѣчить какому-нибудь доброму доктору изъ русскихъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ государь и, кивнувъ головой, удалился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Государь опять не забылъ своего обѣщанія. Не успѣлъ Ферморъ возвратиться домой, какъ его уже ожидалъ «вздохъ» изъ дворца, посланный Мандтомъ съ требованіемъ, чтобы больной немедленно прибылъ къ своему знаменитому доктору.

Николай Ферморъ, нимало не раздумывая, пошелъ.

Мандтъ на этотъ разъ не держалъ его долго въ пріемной.

— Вы на меня пожаловались государю? — встрѣтилъ онъ сто строгимъ вопросомъ.

— Я не жаловался. Государь изволил спросить меня: чѣмъ вы меня лѣчите, а я отвѣчалъ, что ничѣмъ не лѣчите, кромѣ какъ велите пить bitter Wasser. Я всегда говорю правду.

— Да, да, вы все съ правдой... Но вы просили государя поручить васъ другому доктору?

— Да, мнѣ казалось, что вамъ, при вашемъ положеніи, некогда мною заниматься, и я просилъ его величество дозволить мнѣ пользоваться совѣтомъ другого доктора.

— Государь удовлетворилъ вашу просьбу. По вашему желанію, вамъ назначенъ другой врачъ. Отправьтесь на Михайловскую площадь, въ домъ Жербина, тамъ живетъ главный докторъ учреждений императрицы Маріи. Государь ему поручилъ васъ, и я ему уже передалъ исторію вашей болѣзни.

Въ семейныхъ мемуарахъ, которыми я пользовался для составленія настоящаго очерка, не названо имени врача, смѣнившаго въ этой исторіи доктора Мандта. Способъ его лѣченія, однако, тоже не отличался удачею, но зато приемы отличались отъ системы Мандта гораздо болѣею рѣшительностью.

Новый врачъ не томилъ Фермора въ своей приѣмной и не посылалъ къ нему на домъ помощника, а нашелъ нужнымъ подвергнуть его болѣзненные явленія болѣе основательному и притомъ постоянному наблюденію, для чего самымъ удобнымъ средствомъ представлялось помѣстить пациента въ больницу душевныхъ больныхъ «на седьмую версту».

Родныхъ Фермора эта мѣра поразила самымъ неприятнымъ образомъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ знакомыхъ, не предстояло рѣшительно никакой необходимости лишать несчастнаго Николая Фермора той свободы и тѣхъ семейныхъ радостей, которыми онъ пользовался въ домашней обстановкѣ.

Но врачъ былъ непреклоненъ въ своемъ мнѣніи: онъ находилъ необходимымъ удалить пациента отъ его домашней обстановки и всю прежнюю безуспѣшность лѣченія приписывалъ тому, что больной ранѣе не былъ устраненъ изъ дома и не находился подъ постояннымъ надзоромъ.

Возражать и спорить, однако, было невозможно: врачъ иначе не находилъ возможности приступить къ лѣченію, и, въ случаѣ противодѣйствія родныхъ пациента, общалъ доложить о томъ государю.

Одни видѣли въ этомъ необходимость, а другіе подозрѣ-

ваши въ докторѣ желаніе — прежде всего обезопасить себя отъ повторенія такой случайности, которая была причиной перехода Николая Фермора къ нему отъ Мандта. И подозрѣніе это имѣло основаніе. Пока Николай Ферморъ оставался въ своемъ семействѣ и выходилъ свободно гулять по городу въ своей военной формѣ, онъ опять могъ какъ-нибудь встрѣтиться съ государемъ, и это могло дать поводъ къ безпокойствамъ, между тѣмъ какъ съ удаленіемъ его «на седьмую версту» возможность такой встрѣчи устранялась и всѣмъ становилось гораздо спокойнѣе.

Мандтъ самъ или не отважился предложить эту мѣру, или она ему не приходила и въ голову, но когда это было высказано его собратомъ русскаго происхожденія, онъ ее поддержалъ, какъ мѣру вполне сообразную и самую полезную для основательнаго наблюденія за больнымъ.

Государь убѣдился мнѣніемъ знаменитыхъ врачей, но и на этотъ разъ не оставилъ Фермора безъ своей опеки. Онъ велѣлъ помѣстить Николая Фермора на седьмую версту, но зато приказалъ его доктору «навѣщать больного какъ можно чаще и *непрерывно разъ въ недѣлю лично докладывать о состояніи его здоровья*».

Черезъ такой оборотъ положеніе новаго врача дѣлалось несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ было положеніе Мандта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Это, съ одной стороны, успокоило родныхъ больного, что Николай Феодоровичъ не будетъ на седьмой верстѣ заброшенъ какъ всѣ прочіе, которые имѣли несчастье туда попадать, а съ другой стороны—создало находчивому доктору совершенно непредвидѣнное и очень тяжелое и неприятное положеніе, котораго онъ не желалъ. Мудрецъ попался. Онъ долженъ былъ два-три раза въ недѣлю ѣздить въ больницу «Всѣхъ скорбящихъ», что ему было безпокойно и не выгодно, а потомъ разъ въ недѣлю являться къ государю и давать утомительно-однообразный отчетъ, такъ какъ съ больнымъ никакихъ перемѣнъ не происходило, а повторять все одно и то же черезъ недѣлю передъ государемъ было отнюдь не пріятно.

Кромѣ того, это могло государя разсердить и имѣть для карьеры врача дурныя послѣдствія.

«На седьмой верстѣ» тоже не рады были такому гостю,

какъ Николай Ферморъ, который блажилъ, но все понималъ, и, видя жестокіе порядки, которые тогда были въ сумасшедшихъ домахъ, вступался за тѣхъ, кого считалъ обиженнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ больницѣ «на седьмой верстѣ», какъ и въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, люди допускали злоупотребленіе своей силой надъ больными.

Ферморъ же все это видѣлъ, и если бы государь вдругъ пожелалъ его посѣтить (что, по характеру и обычаямъ императора, почитали за очень возможное), то неутомимый правдолюбецъ могъ надѣлать большихъ хлопотъ; а ихъ черезъ него и такъ вышло уже не мало.

Надо было отъ него совсѣмъ избавиться, и у медицинской политики не оказалось для этого недостатка въ средствахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Врачъ, наблюдавшій за Николаемъ Ферморомъ, хотя и претерпѣлъ на первыхъ шагахъ неудачу, но оставался на высотѣ дипломатической линіи; онъ доложилъ государю, что въ Берлинѣ открыта новая частная лечебница для душевныхъ больныхъ, которою завѣдуетъ знаменитый психіатръ, и что у него получаютъ удивительные результаты излѣченія.

— Такъ что же?—воскликнулъ государь:—послать туда, на мой счетъ, Фермора.

Это было какъ разъ то, что было всего желательнѣе врачамъ, которымъ возня съ Ферморомъ чрезвычайно надѣла.

— Только я приказываю, — добавилъ государь: — чтобы больной былъ посланъ какъ можно удобнѣе. За безопасность его мнѣ отвѣчаютъ.

Къ исполненію этого тотчасъ же были приняты самыя энергическія мѣры.

Лучшее сообщеніе съ Берлиномъ тогда представляли пароходы, отправлявшіеся изъ Петербурга въ Штетинъ; съ ними и ѣхали за границу. А изъ пароходовъ, совершавшихъ эти рейсы, самымъ удобнымъ и комфортабельнымъ по тому времени почитался пароходъ «Александръ». На немъ ѣздила лучшая публика. По крайней мѣрѣ, всѣ мѣста въ весеннихъ рейсахъ «Александра» обыкновенно сберегались для особъ знатныхъ. На этомъ пароходѣ, въ первый его весенній рейсъ, и назначено было отправить Николая Фермора съ его провожатымъ.

Братъ Николая Феодоровича, Павелъ Ферморъ, о которомъ неоднократно приходилось упоминать въ этой эпопее, не могъ сопровождать больного въ Штетинъ. Онъ нуженъ былъ по службѣ въ петергофскомъ лагерѣ, а Николай Феодоровичъ былъ порученъ смотрѣнію своего товарища, по фамилии Степанова, которому вмѣстѣ съ больнымъ были поручены и деньги на его расходы, и подробная инструкція, какъ больного везти, оберегая его отъ всякихъ опасностей въ пути. Онъ же долженъ былъ и устроить Николая Фермора въ Берлинъ, согласно волѣ и приказанію императора.

Это препорученіе Николая Фермора другому лицу, безъ сомнѣнія, должно служить доказательствомъ, что больной въ это время уже былъ окончательно признанъ за сумасшедшаго, а то, что его помѣщали все-таки на самомъ лучшемъ пароходѣ, которымъ пользовались, по преимуществу, особы знатныя, указываетъ, какъ старались сберечь этого больного, пользовавшагося вниманіемъ государя.

Лучше уже ничего нельзя было сдѣлать для того, чтобы доложить государю, какъ тщательно и серьезно исполнена его воля.

Пароходъ шелъ съ отѣннымъ обществомъ, въ которомъ, между прочимъ, блистали своимъ присутствіемъ: бывший поворооссийскій генераль-губернаторъ Воронцовъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, тайный совѣтникъ Бекъ и много другихъ особъ того и другого пола, занимавшихъ видное положеніе въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ и пользовавшихся въ немъ большимъ вліяніемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

День былъ самый погожій и жизнерадостный. Отъѣзжавшій Николай Ферморъ находился въ очень спокойномъ, философскомъ настроеніи.

На стѣнѣ его комнаты, въ домѣ, за седьмою верстой, осталось начертаніе апофеогмы Гиппократата:

«*Quod medicamenta non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat—ignis sanat; quod ignis non sanat, mors sanat*» (т. е. «что не излѣчиваютъ лѣкарства, то излѣчиваетъ желѣзо; что не излѣчиваетъ желѣзо, то излѣчиваетъ огонь; что не излѣчиваетъ огонь, то излѣчиваетъ смерть»).

Кому эта апофеогма сильно понравилась и кто заботливою рукой воспроизвелъ ее на стѣнѣ своего печальнаго жилища, тотъ, вѣроятно, имѣлъ твердый взглядъ на жизнь.

Ферморъ не радовался отъѣзду за границу и не скучалъ о томъ, съ чѣмъ разставался на родинѣ. Излѣчиться отъ своей меланхолии онъ былъ радъ, но, повидимому, отнюдь не вѣрилъ въ возможность излѣченія.

Эта предубѣжденность, по мнѣнію врачей, и портила все дѣло. А у больного былъ противъ этого свой доводъ: онъ находилъ, что нельзя же возвратить себѣ довѣріе къ людямъ, если они этого довѣрія къ себѣ не внушаютъ.

Братъ проводилъ больного до Кронштадта, гдѣ у нихъ произошло послѣднее, трогательное прощаніе; но горечь разлуки для Павла Фермора была сильно облегчена общимъ участіемъ пассажировъ къ его больному брату.

Какъ только эти уважаемые люди узнали на переѣздѣ до Кронштадта, что съ ними ѣдетъ тотъ Ферморъ, которому оказываетъ отеческое вниманіе государь, то всѣ тотчасъ же наперерывъ старались обнаружить къ Николаю Фермору самую теплую, родственную заботливость. Зачѣмъ ему брать?—онъ въ каждомъ здѣсь находилъ самаго нѣжнаго родственника.

— Вѣдь всѣ мы русскіе, всѣ дѣти одного царя и братья по вѣрѣ.

Тайный совѣтникъ Бекъ привелъ даже по-церковно-славянски отъ Писанія, объ ангелахъ, которымъ заповѣдано сохранить и взять человѣка на рукахъ своихъ. Да если бы молодой человѣкъ и не внушалъ ничего самъ по себѣ, то одного того, что онъ лично извѣстенъ государю, и его величество имѣеть о немъ попеченіе, было бы черезчуръ достаточно, чтобы всѣ считали своимъ долгомъ сберечь его, позабывъ сами себя.

Лучше, кажется, уже нельзя было отправить больного, какъ онъ отправлялся, и Павелъ Ферморъ, въ полномъ спокойствіи, возвратился къ своему полку въ петергофскій лагерь, а на третій день послѣ проводовъ брата поѣхалъ къ своей теткѣ, которая тогда проводила лѣто на дачѣ близъ Сергія, и тамъ скоро получилъ неожиданное извѣстіе, какъ отъѣнно уберегли на пароходѣ его брата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Павелъ Федоровичъ Ферморъ сидѣлъ у тетки, къ ней завернули проѣздомъ съ бывшаго въ тотъ день, въ Красномъ Селѣ, развода три уланскіе офицера,

изъ которыхъ одинъ, Карль Пилларъ-фонъ-Шильхау, началъ съ сожалѣніемъ рассказывать, что разводъ не удался.

— Кто же въ этомъ виноватъ?—спросила хозяйка.

— Никто не виноватъ, но государь прѣхаль огорченный и оттого благодарилъ мало.

— Что же такое опечалило государя передъ разводомъ?

Пилларъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Государю совсѣмъ не въ-время, передъ самымъ его отъѣздомъ на разводъ, подали печальное извѣстіе.

— О чемъ?

— О непріятномъ происшествіи съ однимъ инженеромъ, подпоручикомъ Ферморомъ. Государь принималъ въ немъ участіе, и гибель его страшно его величество огорчила.

Хозяйка только въ эту минуту замѣтила свою оплошность: она думала, что прѣхавшіе кавалеристы знакомы съ Павломъ Федоровичемъ Ферморомъ, и потому ихъ не познакомила.

Теперь она поспѣшила это сдѣлать, но не могла уже поправить этимъ ужаснаго впечатлѣнія, произведеннаго словами Пиллара на Павла Фермора.

Павель Федоровичъ, однако, совладалъ съ собою и сказалъ, что онъ въ силахъ все выслушать, и просить одной милости — сказать сейчасъ, какъ можно скорѣе, въ чемъ заключается печальное извѣстіе о его братѣ.

— Я долженъ скорѣе это знать, чтобы снѣшить, что можно поправить.

— Увы,—отвѣчалъ Пилларъ:—дѣло кончено, и никакая поправка невозможна. Если вы тверды, какъ долженъ быть твердъ въ несчастіи уважающій себя мужчина, то я вамъ скажу, что братъ вашъ погибъ невозвратно.

— Какъ, гдѣ и какимъ образомъ?

— Онъ бросился съ корабля въ море и утонулъ. Это случилось близъ острова Борнгольма.

Тогда помянулась Гиппократова апофегма, начертанная на стѣнѣ за семью верстой:

«Quod medicamenta non sanant—mors sanat».

Утраченное довѣріе къ людямъ врачевала смерть...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но краткое извѣстіе о томъ, что «Николай Ферморъ бросился въ море и утонулъ», достаточное для начальства, не

удовлетворяло родныхъ и друзей погибшаго. Имъ хотѣлось знать: какъ могло случиться это трагическое происшествіе при той тщательной бережи и при той нѣжной предусмотрительности, съ которыми больной былъ отравленъ.

Объ этомъ существовали двѣ версіи.

Г. Степановъ, принявшій на свое попеченіе Николая Фермора, по возвращеніи изъ-за границы, рассказывалъ происшествіе Павлу Федоровичу Фермору слѣдующимъ образомъ. Несчастіе случилось вскорѣ послѣ обѣда. Погода была прекрасная, и всѣ пассажиры послѣ стола вышли на палубу, чтобы пить кофе. Изъ всей знати остались внизу только два-три человѣка, которые не пили послѣобѣденнаго кофе и предпочитали послѣобѣденный сонъ. Николай Ферморъ былъ въ числѣ вышедшихъ на палубу. Онъ былъ въ спокойномъ расположеніи и за столомъ хорошо кушалъ.

На палубѣ пассажиры размѣстились съ чашками кофе по группамъ и всѣ вели оживленные разговоры. Николай Ферморъ пилъ свой кофе, сидя въ сообществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, и когда его чашка была уже имъ допита, онъ поставилъ ее на рубку, а самъ всталъ съ мѣста и отошелъ къ борту и затѣмъ сію же минуту наступилъ ногою на перекладину и, перекинувшись черезъ перила, бросился въ воду на глазахъ всѣхъ пассажировъ...

Всѣхъ объялъ неописанный ужасъ и поднялось страшное смѣненіе, въ которомъ ничего нельзя было разобрать.

Пока въ этой суматохѣ отыскали и вызвали наверхъ капитана, пока успѣли остановить пароходъ и спустить шлюпку, Николай Ферморъ вынырнулъ и сталъ грести руками, держась на волнахъ; но когда шлюпка стала къ нему приближаться, онъ ослабѣлъ или не захотѣлъ быть спасеннымъ и пошелъ ко дну.

Спасти его уже было невозможно, и пароходъ, при неописанномъ ужасѣ пассажировъ, продолжалъ дальше свое плаваніе къ Штетину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Другая версія, которую мнѣ привелось слышать отъ контръ-адмирала А. В. Фрейганга, человѣка замѣчательной искренности и справедливости, совсѣмъ не сходна съ тою, которая приведена выше, и представляетъ дѣло въ иномъ видѣ.

По второй версіи, Николай Ферморъ погибъ еще прощю

и незатѣйливѣ. Общество за столомъ, дѣйствительно, все было очень оживленно и всѣ были заняты вновь образовавшимися на пароходѣ знакомствами. Николай Ферморъ ничего не пилъ и былъ спокоенъ, но какого сорта было его спокойствіе, это могъ знать только онъ самъ.

Когда обѣдъ былъ конченъ, Ферморъ вышелъ изъ столовой раньше всѣхъ прочихъ и послѣ того его уже никто не видалъ. Налитая для него чашка кофе, дѣйствительно, осталась на рубкѣ, но кофе въ ней былъ цѣлъ, и потому нельзя съ утвердительною сказать, кто ее тамъ поставилъ, Ферморъ или разносившій кофе кельнеръ. Хватились же Фермора не сразу, а случайно, когда тайный совѣтникъ Бекъ, посовѣтовавшись съ Морфеемъ, вышелъ изъ каюты на палубу и, освѣжительно зѣвнувъ, спросилъ:

— А гдѣ же этотъ нашъ... какъ его... что ѣдетъ по приказанію государя?

Тогда стали оглядываться по всѣмъ сторонамъ и замѣтили, что Фермора нѣтъ. Но при этомъ сразу никто не предполагалъ, что онъ погибъ въ волнахъ, а думали, что онъ запропастился гдѣ-нибудь на пароходѣ, и потому суетились, бѣгали, искали его по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно и даже гдѣ нельзя человѣку спрятаться... Но всѣ поиски оказались тщетны,—и только тогда, когда были осмотрѣны всѣ закоулки и всѣ мышиныя норочки,—тогда впервые у капитана явилось ужасное предположеніе, что Фермора нѣтъ на пароходѣ.

— Гдѣ же онъ дѣлся? Вокругъ вода и небо и ничего больше.

Кто-то, отличавшійся логическимъ настроеніемъ ума, все обвинялъ мыслью и сказалъ:

— Если онъ не взять за правдолюбіе живой на небо, то онъ, очевидно, утонулъ въ безднѣ моря.

Къ стыду человѣчества, эта циническая шутка для многихъ облегчила тяжесть впечатлѣнія. Ужасъ былъ, но небольшой, и то онъ чувствовался болѣе къ ночи, когда дамамъ стало представляться, будто изъ волнъ «поднимается голова».

Чтобы избавиться отъ этого привидѣнія, всѣ послѣшили скорѣе сойти въ освѣщенныя каюты, а на другое утро тайный совѣтникъ уже совѣтовалъ видѣть во вчерашнемъ событіи указаніе—«какъ наша молодежь относится къ жизни и какъ она мало способна цѣнить милости».

Согласить эти двѣ версіи такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ

какой-нибудь общій выводъ, конечно, невозможно, но я не знаю, которой изъ нихъ слѣдуетъ дать предпочтеніе передъ другою въ разсужденіи справедливости. Лѣтомъ 1887 года, съ парохода рижскаго общества, носящаго то же самое имя, какимъ назывался пароходъ, съ котораго пропалъ Николай Ферморъ, одна молодая дама бросилась въ море и утонула такъ, что этого *никто* не замѣтилъ. Извѣстно и нѣсколько другихъ, точно такихъ же случаевъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего невозможнаго, что и Николай Ферморъ, при большомъ оживленіи пассажировъ, занятыхъ новыми интересными знакомствами, очень легко могъ укрыть свое намѣреніе и покончилъ со своею безотрадною жизнью такъ, какъ сообщаетъ вторая версія этого разсказа.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Въ обители св. Сергія тоже знали *эту* вторую версію и едва ли не давали ей больше вѣры, чѣмъ первой. Брянчаніновъ и Чихачевъ были огорчены гибелью молодого человека, одного съ ними воспитанія и однихъ и тѣхъ же стремленій къ водворенію въ жизни царства правды и безкорыстія. Монахи считали гибель Фермора тяжкимъ преступленіемъ для всѣхъ русскихъ, бывшихъ на пароходѣ. По ихъ понятіямъ, эти господа могли меньше говорить о томъ, какъ имъ близко бѣднякъ, о которомъ заботился ихъ государь, но должны были больше побережь его.

Но все было кончено. Инокі отслужили панихиду о погибшемъ мученикѣ томительныхъ стремленій къ неосуществимой въ то время служебной честности, и схимникъ Чихачевъ, опустивъ голову, пропѣлъ своею удивительною октавою «плачу и рыдаю».

Такъ отошли отъ жизни три страстно стремившіеся къ праведности воспитанника русской инженерной школы. На службѣ, къ которой всѣ они трое готовились, не годился изъ нихъ ни одинъ. Двое первые, которые держались правила: «отыди отъ зла и сотвори благо», ушли въ монастырь, гдѣ одинъ изъ нихъ опочилъ въ архіерейской митрѣ, а другой—въ схимѣ. Тотъ же, третій, который желалъ перевѣдаться со зломъ и побороть его въ жизни, самъ похоронилъ себя въ безднѣ моря.

Л Ъ В Ш А.

(Сказъ о тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда императоръ Александръ Павловичъ окончилъ вѣнскій совѣтъ, то онъ захотѣлъ по Европѣ проѣздиться и въ разныхъ государствахъ чудесь посмотреть. Обѣздитъ онъ всѣ страны и вездѣ черезъ свою ласковость всегда имѣлъ самые междуособные разговоры со всякими людьми, и всѣ его чѣмъ-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотѣли, но при немъ былъ донской казакъ Платовъ, который этого склоненія не любилъ и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манилъ. И чуть если Платовъ замѣтитъ, что государь чѣмъ-нибудь иностраннымъ очень интересуется, то всѣ провожатые молчать, а Платовъ сейчасъ скажетъ: такъ и такъ, и у насъ дома свое не хуже есть, — и чѣмъ-нибудь отведетъ.

Англичане это знали, и къ прїѣзду государеву выдумали разныя хитрости, чтобы его чужестранностью плѣнить и отъ русскихъ отвлечь, и во многихъ случаяхъ они этого достигали, особенно въ большихъ собраніяхъ, гдѣ Платовъ не могъ по-французски вполне говорить; но онъ этимъ мало и интересовался, потому что былъ человѣкъ женатый и всѣ французскіе разговоры считалъ за пустяки, которые не стоятъ воображенія. А когда англичане стали звать государя во всякіе свои цейхгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое надѣ нами во всѣхъ

вещахъ преимущество и тѣмъ славиться, — Платовъ ска-
заль себѣ:

— Ну, ужъ тутъ шабашъ. До этихъ поръ еще я терпѣлъ,
а дальше нельзя. Сумѣю я или не сумѣю говорить, а сво-
ихъ людей не выдамъ.

И только онъ сказалъ себѣ такое слово, какъ государь
ему говорить:

— Такъ и такъ, завтра мы съ тобою ѣдемъ ихъ оружей-
ную кунсткамеру смотрѣть. Тамъ, говорить, такія природы
совершенства, что какъ помотришь, то уже больше не бу-
дешь спорить, что мы, русскіе, со своимъ значеніемъ ни-
куда не годимся.

Платовъ ничего государю не отвѣтилъ, только свой гра-
боватый носъ въ лохматую бурку спустилъ, а пришелъ въ
свою квартиру, велѣлъ денщику подать изъ погребца фляжку
кавказской водки—кислярки *), дерябнулъ хорошій стаканъ,
на дорожній складень Богу помолился, буркой укрылся и
захрапѣлъ такъ, что во всемъ домѣ англичанамъ никому
спать нельзя было.

Думаль: утро ночи мудренѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На другой день, поѣхали государь съ Платовымъ въ
кунсткамеры. Больше государь никого изъ русскихъ съ со-
бою не взялъ, потому что карету имъ подали двухсѣстную.

Пріѣзжаютъ въ небольшое зданіе — подъѣздъ неописан-
ный, коридоры до безконечности, а комнаты одна въ одну,
и, наконецъ, въ самомъ главномъ залѣ разные громадные
бюстры и посредиѣ подъ валдахиномъ стоитъ Аболонъ пол-
ведерскій.

Государь оглядывается на Платова: очень ли онъ уди-
вленъ и на что смотреть, а тотъ идетъ, глаза опустивши,
какъ будто ничего не видитъ — только изъ усовъ кольца
вьеть.

Англичане сразу стали показывать разныя удивленія, и
пояснять, что къ чему у нихъ приноровлено для военныхъ
обстоятельствъ: бурметры морскіе, мерблюзы мантоны пѣ-
шихъ полковъ, а для конницы смолевые непромокабли. Го-
сударь на все это радуется — все кажется ему очень хо-

*) Кизлярки.

рошо, а Платовъ держитъ свою ажидацію, что для него все ничего не значить.

Государь говорить:

— Какъ это возможно — отчего въ тебѣ такое безчувствіе? Неужто тебѣ здѣсь ничто не удивительно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ здѣсь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы безъ всего этого воевали и дванадесять языкъ прогнали.

Государь говорить:

— Это безразсудокъ.

Платовъ отвѣчаетъ:

— Не знаю, къ чему отнести, но спорить не смѣю и долженъ молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчасъ подвели его къ самому Аболону полведерскому и берутъ у того изъ одной руки Мортимерово ружье, а изъ другой пистолю.

— Вотъ, говорятъ, какая у насъ производительность, — и подають ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрѣлъ спокойно, потому что у него такія въ Царскомъ Селѣ есть, а они потомъ дають ему пистолю и говорятъ:

— Это пистоля неизвѣстнаго, неподражаемаго мастера, — ее нашъ адмиралъ у разбойничьяго атамана въ Кандаделабри изъ-за пояса выдернулъ.

Государь взглянулъ на пистолю и наглядѣться не можетъ. Взахался ужасно.

— Ахъ, ахъ, ахъ! — говорить, — какъ это такъ... какъ это даже можно такъ тонко сдѣлать! — И къ Платову по-русски оборачивается и говорить: — вотъ если бы у меня былъ хотя одинъ такой мастеръ въ Россіи, такъ я бы этимъ весьма счастливый былъ и гордился, а того мастера сейчасъ же благороднымъ бы сдѣлалъ.

А Платовъ на эти слова въ ту же минуту опустилъ правую руку въ свои большія шаровары и тащитъ оттуда ружейную отвертку. Англичане говорятъ: это не отворяется, а онъ, вниманія не обращая, ну, замокъ ковырять. Повернулъ разъ, повернулъ два — замокъ и вынулся. Платовъ показываетъ государю собачку, а тамъ, на самомъ сугибѣ, сдѣлана русская надпись: «Иванъ Москвинъ во градѣ Туль».

Англичане удивляются и другъ дружку посталкиваютъ:

— Охъ-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорить:

— Зачѣмъ ты ихъ очень сконфузилъ, мнѣ ихъ теперь очень жалко. Поѣдемъ.

Сѣли опять въ ту же двухсѣстную карету и поѣхали, и государь въ этотъ день на балѣ былъ, а Платовъ еще большій стаканъ кислярки выдушилъ и спалъ крѣпкимъ казачьимъ сномъ.

Было ему и радостно, что онъ англичанъ оконфузилъ, а тульского мастера на точку вида поставилъ, но было и досадно: зачѣмъ государь подъ такой случай англичанъ сожалѣлъ!

«Черезъ что это государь огорчился? — думалъ Платовъ, — совсѣмъ того не понимаю,» и въ такомъ разсужденіи онъ два раза вставалъ, крестился и водку пилъ, пока на-сильно на себя крѣпкій сонъ навелъ.

А англичане же въ это самое время тоже не спали, потому что и имъ завертѣло. Пока государь на балѣ веселился, они ему такое новое удивленіе подстроили, что у Платова всю фантазію отняли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день, какъ Платовъ къ государю съ добрымъ утромъ явился, тотъ ему говоритъ:

— Пусть сейчасъ заложать двухсѣстную карету и поѣдемъ въ новыя кунсткамеры смотрѣть.

Платовъ даже осмѣлился доложить, что: не довольно ли, молъ, чужеземные продукты смотрѣть, и не лучше ли къ себѣ въ Россію собираться? но государь говоритъ:

— Нѣтъ, я еще желаю другія новости видѣть: мнѣ хвалили, какъ у нихъ первый сортъ сахаръ дѣлаютъ.

Поѣхали.

Англичане все государю показываютъ: какіе у нихъ разные первые сорта, а Платовъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, да вдругъ говоритъ:

— А покажите-ка намъ вашихъ заводовъ сахаръ *молво*?

А англичане и не знаютъ: что это такое *молво*? Перешептываются, перемигиваются, твердятъ другъ другу: «молво, молво», а понять не могутъ, что это у насъ такой сахаръ дѣлается, и должны сознаться, что у нихъ всѣ сахара есть, а «молва» нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Ну, такъ и нечѣмъ хвастаться. Приѣзжайте къ намъ, мы васъ напоимъ чаемъ съ настоящимъ молво Бобринскаго завода.

А государь его за рукавъ дернулъ и тихо сказалъ:

— Пожалуйста, не портъ мнѣ политики.

Тогда англичане позвали государя въ самую послѣднюю кунсткамеру, гдѣ у нихъ со всего свѣта собраны минеральные камни и нимфозоріи, начиная съ самой огромнѣйшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазомъ видѣть невозможно, а угрызеніе ея между кожей и тѣломъ.

Государь поѣхалъ.

Осмотрѣли керамиды и всякія чучелы и выходятъ вонъ, а Платовъ думаетъ себѣ:

«Вотъ, слава Богу, все благополучно — государь ничему не удивляется.»

Но только пришли въ самую послѣднюю комнату, а тутъ стоятъ ихъ рабочіе въ тужурныхъ жилеткахъ и въ фартукахъ и держатъ поднось, на которомъ ничего нѣтъ.

Государь вдругъ и удивился, — что ему подають пустой поднось.

— Что это такое значить? — спрашиваетъ; а аглицкіе мастера отвѣчаютъ: это вашему величеству наше покорное поднесеніе.

— Что же это?

— А вотъ, говорятъ, изволите видѣть сориночку?

Государь посмотрѣлъ и видитъ, точно лежитъ на серебряномъ подносѣ самая крошечная соринка.

Работники говорятъ:

— Извольте пальчикъ поклонить и ее на ладошку взять.

— На что же мнѣ эта соринка?

— Это, отвѣчаютъ, не соринка, а нимфозорія.

— Живая она?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаютъ, — не живая, а изъ чистой изъ аглицкой стали въ изображеніи блохи нами выкована и въ серединѣ въ ней заводъ и пружина. Извольте ключикомъ повернуть: она сейчасъ начнетъ танцевать танцевать.

Государь залюбопытствовалъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ же ключикъ?

А англичане говорятъ:

— Здѣсь и ключъ передъ вашими очами.

— Отчего же,—государь говоритъ:—я его не вижу?

— Потому, отвѣчаютъ,—что это надо въ мелкоскопъ.

Подали мелкоскопъ, и государь увидѣлъ, что возлѣ блохи, дѣйствительно, на подносѣ ключикъ лежитъ.

— Извольте, говорятъ,—взять ее на ладонечку,—у нея въ пузичкѣ заводная дырка, а ключъ семь поворотовъ имѣеть, и тогда она пойдетъ тансе...

Насилу государь этотъ ключикъ ухватилъ и насилу его въ щепоткѣ могъ удержать, а въ другую щепотку блошку взялъ и только ключикъ вставилъ, какъ почувствовалъ, что она начинаетъ усиками водить, потомъ ножками стала перебирать, а, наконецъ, вдругъ прыгнула и на одномъ лету прямое тансе и двѣ вѣройці въ сторону, потомъ въ другую, и такъ въ три вѣройці всю кадрили станцовала.

Государь сразу же велѣлъ англичанамъ миллионъ дать какими сами захотятъ деньгами,—хотятъ серебряными пяточками,—хотятъ мелкими ассигнаціями.

Англичане попросили, чтобы имъ серебромъ отпустили, потому что въ бумажкахъ они толку не знаютъ; а потомъ сейчасъ и другую свою хитрость показали: блоху въ даръ подали, а футляра на нее не принесли: безъ футляра же ни ей, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются, и въ сору ихъ такъ и выбросятъ. А футляръ на нее у нихъ сдѣланъ изъ цѣльнаго брилліантоваго орѣха—и ей мѣстечко въ серединѣ выдавлено. Этого они не подали, потому что футляръ, говорятъ, будто казенный, а у нихъ насчетъ казеннаго строго, хоть и для государя, нельзя жертвовать.

Платовъ было очень разсердился, потому что, говорить:

— Для чего такое мошенничество!—даръ сдѣлали и миллионъ за то получили, и все еще недостаточно! Футляръ, говорить, всегда при всякой вещи принадлежить.

Но государь говоритъ:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дѣло,—не портъ мнѣ политики. У нихъ свой обычай,—и спрашиваетъ:—Сколько тотъ орѣхъ стѣитъ, въ которомъ блоха мѣстится?

Англичане положили за это еще пять тысячъ.

Государь Александръ Павловичъ сказалъ: «выплатить», а самъ спустилъ блошку въ этотъ орѣшекъ, а съ нею вмѣстѣ и ключикъ, а чтобы не потерять самый орѣхъ, опустилъ

его въ свою золотую табакерку, а табакерку велѣлъ положить въ свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутромъ и рыбьей костью. Аглицкихъ же мастеровъ государь съ честью отпустилъ и сказалъ имъ: вы есть первые мастера на всемъ свѣтѣ, и мои люди супротивъ васъ сдѣлать ничего не могутъ.

Тѣ остались этимъ очень довольны, а Платовъ ничего противъ словъ государя произнести не могъ. Только взялъ мелкоскопъ, да, ничего не говоря, себѣ въ карманъ спустилъ, потому что онъ сюда же, говорить, принадлежитъ, а денегъ вы и безъ того у насъ много взяли.

Государь этого не зналъ до самаго приѣзда въ Россію, а уѣхали они скоро, потому что у государя отъ военныхъ дѣлъ сдѣлалась меланхолія, и онъ захотѣлъ духовную исповѣдь имѣть въ Таганрогѣ у попа Федота *). Дорогой у нихъ съ Платовымъ очень мало пріятнаго разговора было, потому они совсѣмъ разныхъ мыслей сдѣлались: государь такъ соображалъ, что англичанамъ нѣтъ равныхъ въ искусствѣ, а Платовъ доводилъ, что и наши на что взглянуть—все могутъ сдѣлать, но только имъ полезнаго ученія нѣтъ. И представлялъ государю, что у аглицкихъ мастеровъ совсѣмъ на все другія правила жизни, науки и продовольствія, и каждый человекъ у нихъ себѣ все абсолютныя обстоятельства передъ собою имѣеть, и черезъ то въ немъ совсѣмъ другой смыслъ.

Государь этого не хотѣлъ долго слушать, а Платовъ на каждой станціи выйдетъ и съ досады квасной стаганъ водки вынѣтъ, соленымъ бараночкомъ закусить, закурить свою корешковую трубку, въ которую сразу цѣлый фунтъ Жукова табаку входило, а потомъ сядетъ и сидитъ рядомъ съ царемъ въ каретѣ молча. Государь въ одну сторону глядитъ, а Платовъ въ другое окно чубукъ высунетъ и дымить на вѣтеръ. Такъ они и доѣхали до Петербурга, а къ попу Федоту государь Платова уже совсѣмъ не взялъ.

— Ты, говорить, къ духовной бесѣдѣ невоздержень и

---

*) «Попъ Федотъ» не съ вѣтра взять: императоръ Александръ Павловичъ передъ своею кончиною въ Таганрогѣ исповѣдывался у священника Алексѣя *Федотова-Чеховскаго*, который послѣ того именовался «духовникомъ его величества» и любилъ ставить всемы на видъ это совершенно случайное обстоятельство. Вотъ этотъ-то *Федотовъ-Чеховской*, очевидно, и есть легендарный «попъ Федотъ».

такъ очень много куришь, что у меня отъ твоего дыму въ головѣ копотъ стоитъ.

Платовъ остался съ обидою и легъ дома на досадную укушечку, да такъ все и лежалъ да покуривалъ Жуковъ табакъ безъ перестачи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Удивительная блоха изъ аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича въ шкатулкѣ подъ рыбьей костью, пока онъ скончался въ Таганрогѣ, отдавъ ее попу Фодоту, чтобы сдать послѣ государынѣ, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексѣевна посмотрѣла блохины вѣрояціи и усмѣхнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое, говорить, теперь дѣло вдовье, и мнѣ никакія забавы не обольстительны, а, вернувшись въ Петербургъ, передала эту диковину со всѣми иными драгоценностями въ наслѣдство новому государю.

Императоръ Николай Павловичъ по началу тоже никакого вниманія на блоху не обратилъ, потому что при восходѣ его было смятеніе, но потомъ одинъ разъ сталъ пересматривать доставшуюся ему отъ брата шкатулку и досталъ изъ нея табакерку, а изъ табакерки брильянтовый орѣхъ, и въ немъ нашелъ стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не дѣйствовала, а лежала смирно, какъ коченѣлая.

Государь посмотрѣлъ и удивился.

— Что это еще за пустяковина и къ чему она тутъ у моего брата въ такомъ сохраненіи!

Придворные хотѣли выбросить, но государь говорить:

— Нѣтъ,—это что-нибудь значитъ.

Позвали отъ Аничкинъ моста изъ противной аптеки химика, который на самыхъ мелкихъ вѣсахъ яды взвѣшивалъ, и ему показали, а тотъ сейчасъ взялъ блоху, положилъ на языкъ и говорить: «чувствую холодъ, какъ отъ крѣпкаго металла». А потомъ зубомъ ее слегка помялъ и объявилъ:

— Какъ вамъ угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозорія, и она сотворена изъ металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велѣлъ сейчасъ разузнать: откуда это и что такое означаетъ?

Бросились смотрѣть въ дѣла и въ списки,—но въ дѣлахъ

ничего не записано. Стали того, другого спрашивать,— никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казакъ Платовъ былъ еще живъ и даже все еще на своей досадной укушеткѣ лежалъ и трубку курилъ. Онъ какъ услыхалъ, что во дворцѣ такое безпокойство, сейчасъ съ укушетки поднялся, трубку бросилъ и явился къ государю во всѣхъ орденахъ. Государь говоритъ:

— Что тебѣ, мужественный старикъ, отъ меня надобно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ, ваше величество, ничего для себя не надо, такъ какъ я пью—ѣмъ, что хочу, и всѣмъ доволенъ, а я, говорить, пришелъ доложить насчетъ этой нимфозоріи, которую отыскиали: это, говорить, такъ и такъ было, и вотъ какъ происходило при моихъ глазахъ въ Англии,—и тутъ при ней есть ключикъ, а у меня есть ихъ же мелкоскопъ, въ который можно его видѣть, и симъ ключомъ черезъ пучичко эту нимфозорію можно завести и она будетъ скакать, въ какомъ угодно пространствѣ, и въ стороны вѣроятіи дѣлать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платовъ говоритъ:

— Это, говорить, ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только намъ этому удивляться съ однимъ восторгомъ чувствъ не слѣдуетъ, а надо бы подвергнуть ее русскимъ пересмотрамъ въ Тулѣ или въ Сестербежѣ,—тогда еще Сестрорѣцкѣ Сестербекомъ звали,— не могутъ ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане надъ русскими не предвзвышались.

Государь Николай Павловичъ въ своихъ русскихъ людяхъ былъ очень увѣренный и никакому иностранцу уступать не любилъ, онъ и отвѣтилъ Платову:

— Это ты, мужественный старикъ, хорошо говоришь, и я тебѣ это дѣло поручаю повѣрить. Мнѣ эта коробочка все равно теперь при моихъ хлопотахъ не нужна,—а ты возьми ее съ собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поѣзжай на тихій Донъ и поведи тамъ съ моими донцами междуособные разговоры насчетъ ихъ жизни и преданности, и что имъ нравится? А когда будешь ѣхать черезъ Тулу, покажи моимъ тульскимъ мастерамъ эту нимфозорію, и пусть они о ней подумаютъ. Скажи имъ отъ меня, что братъ мой этой вещи удивлялся и чужихъ людей, которые дѣлали нимфозорію, больше всѣхъ хвалилъ, а я на

своихъ надѣюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронять и что-нибудь сдѣлають.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Платовъ взялъ стальную блоху и, какъ поѣхалъ черезъ Тулу на Донъ, показалъ ее тульскимъ оружейникамъ и слова государевы имъ передалъ, а потомъ спрашиваетъ:

— Какъ намъ теперь быть, православные?

Оружейники отвѣчаютъ:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуемъ и никогда его забыть не можемъ за то, что онъ на своихъ людей надѣется, а какъ намъ въ настоящемъ случаѣ быть, того мы въ одну минуту сказать не можемъ, потому что аглицкая нація тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство въ ней съ большимъ смысломъ. Противъ нея, говорить, надо взяться подумавши и съ Божьимъ благословеніемъ. А ты, если, твоя милость, какъ и государь нашъ, имѣешь къ намъ довѣріе, поѣзжай къ себѣ на тихій Донъ, а намъ эту блошку оставь, какъ она есть, въ футлярѣ и въ золотой царской табакерочкѣ. Гуляй себѣ по Дону и заживляй раны, которыя пріялъ за отечество, а когда назадъ будешь черезъ Тулу ѣхать—остановись и спосылай за нами: мы къ той порѣ, Богъ дастъ, что-нибудь придумаемъ.

Платовъ не совсѣмъ доволенъ былъ тѣмъ, что туляки такъ много времени требуютъ и притомъ не говорятъ ясно: что такое именно они надѣются устроить. Спрашивалъ онъ ихъ такъ и иначе и на всѣ манеры съ ними хитро по-донски заговаривалъ, но туляки ему въ хитрости нисколько не уступили, потому что имѣли они сразу же такой замыселъ, по которому не надѣялись даже, чтобы и Платовъ имъ повѣрилъ, а хотѣли прямо свое смѣлое воображеніе исполнить, да тогда и отдать.

Говорятъ:

— Мы еще и сами не знаемъ, что учинимъ, а только будемъ на Бога надѣяться, и авось слово царское ради насъ въ постыжденіи не будетъ.

Такъ и Платовъ умомъ виляетъ, и туляки тоже.

Платовъ вилялъ, вилялъ да увидалъ, что туляка ему не перевилать, подалъ имъ табакерку съ нимфозоріей и говоритъ:

— Ну, нечего дѣлать, пусть, говоритъ, будетъ по ва-

шему; я васъ знаю; какіе вы, ну, одначе, дѣлать нечего,— я вамъ вѣрю, но только смотрите, брильянтъ чтобы не подмѣнить и аглицкой тонкой работы не испортите, да недолго возитесь, потому что я шибко ѣзжу: двухъ недѣль не пройдетъ, какъ я съ тихаго Дона опять въ Петербургъ поворочу, — тогда мнѣ чтобъ непременно было, что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, говорятъ, мы не повредимъ и бриллианта не обмѣнимъ, а двѣ недѣли намъ времени довольно, а къ тому случаю, когда назадъ возвратишься, будетъ тебѣ *что-нибудь* государеву великолѣпнѣе достойное представить.

А *что именно*, этого такъ-таки и не сказали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Платовъ изъ Тулы уѣхалъ, а оружейники три человѣка, самые искусные изъ нихъ, одинъ косою лѣвина, на щекѣ пятно родимое, а на вискахъ волосья при ученьи выдраны, — попрощались съ товарищами и съ своими домашними, да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съѣстного и скрылись изъ города.

Замѣтили за ними только то, что они пошли не въ Московскую заставу, а въ противоположную Кіевскую сторону, и думали, что они пошли въ Кіевъ почивающимъ угодникамъ поклониться или посовѣтовать тамъ съ кѣмъ-нибудь изъ живыхъ святыхъ мужей, всегда пребывающихъ въ Кіевѣ въ изобиліи.

Но это было только близко къ истинѣ, а не самая истина. Ни время, ни разстояніе не позволяли тульскимъ мастерамъ сходить въ три недѣли пѣшкомъ въ Кіевъ, да еще потомъ успѣть сдѣлать посрамительную для аглицкой націи работу. Лучше бы они могли сходить помолиться въ Москву, до которой всего «два девяносто верстъ», а святыхъ угодниковъ и тамъ почиваетъ не мало. А въ другую сторону, — до Орла такіе же «два девяносто», да за Орель до Кіева снова еще добрыхъ пять сотъ верстъ. Этакого пути скоро не сдѣлаешь, да и сдѣлавши его не скоро отдохнешь, — долго еще будутъ ноги остекливши и руки трястись.

Инымъ даже думалось, что мастера набахвалили передъ

Платовымъ, а потомъ какъ пообдумались, то и струсили и теперь совсѣмъ сбѣжали, унеся съ собою и царскую золотую табакерку, и брильянтъ, и надѣлавшую имъ хлопотъ аглицкую стальную блоху въ футлярѣ.

Однако, такое предположеніе было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусныхъ людей, на которыхъ теперь почивала надежда націи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Туляки, люди умные и свѣдущіе въ металлическомъ дѣлѣ, извѣстны также какъ первые знатоки въ религіи. Ихъ славою въ этомъ отношеніи полна и родная земля, и даже святой Аѳонъ: они не только мастера пѣть съ вавилонами, но они знаютъ какъ пишется картина «вечерній звонъ», а если кто изъ нихъ посвятитъ себя большому служенію и пойдетъ въ монашество, то таковые слывутъ лучшими монастырскими экономами, и изъ нихъ выходятъ самые способные сборщики. На святомъ Аѳонѣ знаютъ, что туляки—народъ самый выгодный, и если бы не они, то темные уголки Россіи навѣрно не видали бы очень многихъ святостей отдаленнаго Востока, а Аѳонъ лишился бы многихъ полезныхъ приношеній отъ русскихъ щедротъ и благочестія. Теперь «аѳонскіе туляки» обвозятъ святости по всей нашей родинѣ и мастерски собираютъ сборы даже тамъ, гдѣ взять нечего. Тулякъ полонъ церковнаго благочестія и великій практикъ этого дѣла, а потому и тѣ три мастера, которые взялись поддержать Платова и съ нимъ всю Россію, не дѣлали ошибки, направясь не къ Москвѣ, а на югъ. Они шли вовсе не въ Кіевъ, а къ Мценску, къ уѣздному городу орловской губерніи, въ которомъ стоитъ древняя «камнешъченая» икона св. Николая, приплывшая сюда въ самыя древнія времена на большомъ каменномъ же крестѣ по рѣкѣ Зушѣ. Икона эта вида «грознаго и пристрашнаго»,—святитель Миръ-Ликійскихъ изображенъ на ней «въ ростъ», весь одѣянъ сребропозлащенной одеждой, а лицомъ темень и на одной рукѣ держитъ храмъ, а въ другой—мечъ—«военное одолѣніе». Вотъ въ этомъ «одолѣніи» и заключался смыслъ вещи: св. Николай вообще покровитель торговаго и военнаго дѣла, а «мценскій Никола» въ особенностяхи, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебень у самой иконы, потомъ у каменнаго

креста и, наконецъ, возвратились домой «нощю» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дѣло въ ужасномъ секретѣ. Сошлись они всѣ трое въ одинъ домикъ къ лѣвшѣ, двери заперли, ставни въ окнахъ закрыли, передъ Николынымъ образомъ лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидятъ и никуда не выходятъ, все молоточками потюкиваютъ. Куютъ что-то такое, а что куютъ— ничего неизвѣстно.

Всѣмъ любопытно, а никто ничего не можетъ узнать, потому что работающіе ничего не сказываютъ и наружу не показываются. Ходили къ домику разные люди, стучались въ двери подъ разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спросъ не отпираются, и даже чѣмъ питаются — неизвѣстно. Пробовали ихъ пугать, будто по сосѣдству домъ горить, — не выскочутъ ли въ перепугѣ и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этихъ хитрыхъ мастеровъ: одинъ разъ только лѣвшя высунулся по плечи и крикнулъ:

— Горите себѣ, а намъ некогда,— и опять свою щипаную голову спрятавъ, ставню захлопнулъ и за свое дѣло принялся.

Только сквозь малыя щелочки было видно, какъ внутри дома огонекъ блеститъ, да слышно, что тонкіе молоточки по звонкимъ наковальнямъ вытюкиваютъ.

Словомъ, все дѣло велось въ такомъ страшномъ секретѣ, что ничего нельзя было узнать, и притомъ продолжалось оно до самаго возвращенія казака Платова съ тихаго Дона къ государю, и во все это время мастера ни съ кѣмъ не видались и не разговаривали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Платовъ ѣхалъ очень спѣшно и съ церемоніей: самъ онъ сидѣлъ въ коляскѣ, а на козлахъ два свистовые казака съ нагайками по обѣ стороны ямщика садились и такъ его и поливали безъ милосердія, чтобы скакалъ. А если какой казакъ задремлетъ, Платовъ его самъ изъ коляски ногою ткнетъ, и еще злѣе понесутся. Эти мѣры побужденія дѣйствовали до того успѣшно, что нигдѣ лошадей ни у одной станціи нельзя было удержать, а всегда сто скачковъ мимо остановочнаго мѣста перескакивали. Тогда опять казакъ надъ ямщикомъ обратно сдѣйствуетъ, и къ подъѣзду возвратятся.

Такъ они и въ Тулу прикатили, — тоже пролетѣли сначала сто скачковъ дальше Московской заставы, а потомъ казакъ сдѣйствовалъ надъ ямщикомъ нагайкою въ обратную сторону, и стали у крыльца новыхъ коней запрягать. Платовъ изъ коляски не вышелъ, а только велѣлъ свистовому какъ можно скорѣе привести къ себѣ мастеровыхъ, которымъ блоху оставилъ.

Побѣждалъ одинъ свистовой, чтобы шли какъ можно скорѣе и несли ему работу, которою должны были англичанъ посрамить, и еще мало этотъ свистовой отбѣждалъ, какъ Платовъ вдогонку за нимъ разъ за разомъ новыхъ шлетъ, чтобы какъ можно скорѣе.

Всѣхъ свистовыхъ разогналъ и сталъ уже простыхъ людей изъ любопытной публики посылать, да даже и самъ отъ нетерпѣнія ноги изъ коляски выставляеть, и самъ отъ нетерпѣливости бѣжать хочетъ, а зубами такъ и скрипитъ, — все ему еще не скоро показывается.

Такъ въ тогдашнее время все требовалось очень въ аккуратъ и въ скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тульскіе мастера, которые удивительное дѣло дѣлали, въ это время какъ разъ только свою работу оканчивали. Свистовые прибѣжали къ нимъ запыхавшись, а простые люди изъ любопытной публики, тѣ и вовсе не добѣжали, потому что съ непривычки по дорогѣ ноги разсыпали и повалилися, а потомъ отъ страха, чтобы не глядѣть на Платова, ударились домой, да гдѣ попало спрятались.

Свистовые же какъ прискочили, сейчасъ вскрикнули и какъ видятъ, что тѣ не отпираютъ, сейчасъ безъ церемоніи рванули болты у ставень, но болты были такіе крѣпкіе, что нимало не подались, дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засовъ. Тогда свистовые взяли съ улицы бревно, поддѣли имъ на пожарный манеръ подъ кровельную застрѣху да всю крышу съ маленькаго домика сразу и своротили. Но крышу сняли да и сами сейчасъ повалилися, потому что у мастеровъ въ ихъ тѣнной хорминкѣ отъ безотдышной работы въ воздухѣ такая потная спираль сдѣдалась, что непривычному человѣку съ свѣжаго повѣтрія и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такіе-сякіе, сволочи, дѣлаете, да еще такою спиралью ошибать смѣете! Или въ васъ послѣ этого Бога нѣтъ!

А тѣ отвѣчаютъ:

— Мы сейчасъ, послѣдній гвоздичекъ заколачиваемъ и, какъ забьемъ, тогда нашу работу вынесемъ.

А послы говорятъ:

— Онъ насъ до того часу живьемъ съѣстъ и на поминъ души не оставитъ.

Но мастера отвѣчаютъ:

— Не успѣетъ онъ васъ поглотить, потому вотъ пока вы тутъ говорили, у насъ уже и этотъ послѣдній гвоздь заколоченъ. Бѣгите и скажите, что сейчасъ несемъ.

Свистовые побѣжали, не нѣ съ увѣркою, — думали, что мастера ихъ обмануть; а потому бѣжать-бѣжать, да оглянутся; но мастера за ними шли и такъ очень скоро послѣшали, что даже неполнѣ какъ слѣдуетъ для явленія важному лицу одѣлись, а на ходу крючки въ кафтанахъ застегиваютъ. У двухъ у нихъ въ рукахъ ничего не содержалось, а у третьяго, у лѣвши, въ зеленомъ чехлѣ царская шкатулка съ аглицкой стальной блохой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Свистовые подбѣжали къ Платову и говорятъ:

— Вотъ они сами здѣсь!

Платовъ сейчасъ къ мастерамъ:

— Готово ли?

— Все, отвѣчаютъ, готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипажъ уже запряженъ и ямщикъ, и фореиторъ на мѣстѣ. Казаки сейчасъ же рядомъ съ ямщикомъ усѣлись и нагайки надъ нимъ подняли, и такъ замахнувши и держать.

Платовъ сорвалъ зеленый чехоль, открылъ шкатулку, вынулъ изъ ваты золотую табакерку, а изъ табакерки брилльянтовый орѣхъ, — видитъ: аглицкая блоха лежитъ тамъ какая была, а кромѣ ея ничего больше нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Это что же такое? А гдѣ же ваша работа, которою вы хотѣли государя утѣшить.

Оружейники отвѣчали:

— Тутъ и наша работа.

Платовъ спрашиваетъ:

— Въ чемъ же она себя заключаетъ?

А оружейники отвѣчаютъ:

— Зачѣмъ это объяснять? Все здѣсь въ вашемъ виду, — и предусматривайте.

Платовъ плечами вздвинулъ и закричалъ:

— Гдѣ ключъ отъ блохи?

— А тутъ же, отвѣчаютъ; гдѣ блоха, тутъ и ключъ, въ одномъ орѣхѣ.

Хотѣлъ Платовъ взять ключъ, но пальцы у него были куцашные, ловиль - ловиль, — никакъ не могъ ухватить ни блохи, ни ключика отъ ея брюшного завода, и вдругъ разсердился и началъ ругаться словами на казацкій манеръ.

Кричалъ:

— Что вы, подлецы, ничего не сдѣлали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вамъ голову сниму!

А туляки ему въ отвѣтъ:

— Напрасно такъ насъ обижаете, — мы отъ васъ, какъ отъ государева посла, всѣ обиды должны стерпѣть, но только за то, что вы въ насъ усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сродственны, — мы вамъ секретъ нашей работы теперь не скажемъ, а извольте къ государю отвезти — онъ увидитъ: каковы мы у него люди, и есть ли ему за насъ постыженіе.

А Платовъ крикнулъ:

— Ну, такъ врите же вы, подлецы, я съ вами такъ не разстануся, а одинъ изъ васъ со мною въ Петербургъ поѣдетъ, и я его тамъ допытаюся, какія есть ваши хитрости.

И съ этимъ протянулъ руку, схватилъ своими куцашными пальцами за шиворотокъ косога лѣвшу, такъ что у того всѣ крючечки отъ казакина отлетѣли, и кинулъ его къ себѣ въ коляску въ ноги.

— Сиди, говоритъ, здѣсь до самаго Петербурга въ родѣ пубеля, — ты мнѣ за всѣхъ отвѣтишь. А вы, говоритъ свистовымъ, теперь гайда! Не зѣвайте, чтобы послѣзавтра я въ Петербургъ у государя былъ.

Мастера ему только осмѣлились сказать за товарища, что какъ же, молъ, вы его отъ насъ такъ безъ тугаamenta увозите? ему нельзя будетъ назадъ слѣдовать! А Платовъ

имъ вмѣсто отвѣта показаль кулакъ, такой страшный—бугровый и весь изрубленный, кое-какъ сросся,—и, погрозивши, говорить: вотъ вамъ тугаментъ! А казакамъ говорить:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщиги и кони,—все вразъ заработало, и умчали лѣвшу безъ тугамента, а черезъ день, какъ приказаль Платовъ, такъ его и подкатили къ государеву дворцу, и даже, рассказавшись какъ слѣдуетъ—мимо колоннъ проѣхали.

Платовъ всталъ, подцѣпилъ на себя ордена и пошелъ къ государю, а косога лѣвшу велѣлъ свистовымъ казакамъ при подъѣздѣ караулить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Платовъ боялся къ государю на глаза показаться, потому что Николай Павловичъ былъ ужасно какой замѣчательный и памятный—ничего не забываль. Платовъ зналь, что онъ непременно его о блохѣ спросить. И вотъ онъ, хоть никакого въ свѣтѣ непріятели не пугался, а тутъ струсилъ: вошелъ во дворець со шкатулочкою, да потихонечку ее въ залѣ за печкой и поставиль. Спрятавши шкатулку, Платовъ предсталъ къ государю въ кабинетъ и началъ поскорѣе докладывать, какіе у казаковъ на тихомъ Дону междуособные разговоры. Думаль онъ такъ: чтобы этимъ государя занять и тогда, если государь самъ вспомнить и заговорить про блоху, надо подать и отвѣтствовать, а если не заговорить, то промолчать, шкатулку кабинетному камердинеру велѣтъ спрятать, а тульскаго лѣвшу въ крѣпостной казаматъ безъ срока посадить, чтобы посидѣлъ тамъ до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павловичъ ни о чемъ не забываль, и чуть Платовъ насчетъ междуособныхъ разговоровъ кончилъ, онъ его сейчасъ же и спрашиваетъ:

— А что же, какъ мои тульскіе мастера противъ аглицкой нимфозоріи себя оправдали?

Платовъ отвѣчалъ въ томъ родѣ, какъ ему дѣло казалось.

— Нимфозорія, говорить, ваше величество, все въ томъ же пространствѣ, и я ее назадъ привезъ, а тульскіе мастера ничего удивительнѣе сдѣлать не могли.

Государь отвѣтилъ:

— Ты—старикъ мужественный, а этого, что ты мнѣ докладываешь, быть не можетъ.

Платовъ сталъ его увѣрять и разсказать, какъ все дѣло было, и какъ досказалъ до того, что туляки преслили его блоху государю показать, Николай Павловичъ его по плечу хлопнулъ и говорить:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могутъ обманывать. Тутъ что-нибудь сверхъ понятія сдѣлано.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вынесли изъ-за печки шкатулку, сняли съ нея суконный покровъ, открыли золотую табакерку и брильянтовый орѣхъ, — а въ немъ блоха лежитъ, какая прежде была и какъ лежала.

Государь посмотрѣлъ и сказалъ:

— Что за лихо!—но вѣры своей въ русскихъ мастеровъ не убавилъ, а велѣлъ позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказалъ ей:

— У тебя на рукахъ персты тонкіе — возьми маленькій ключикъ и заведи поскорѣе въ этой нимфозоріи брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключикомъ, и блоха сейчасъ усиками зашевелила, но ногами не трогаетъ. Александра Николаевна весь заводъ ятянула, а нимфозорія все-таки ни дансе не танцуетъ и ни одной вѣрояціи, какъ прежде, не выкидываетъ.

Платовъ весь позеленѣлъ и закричалъ:

— Ахъ, они, шельмы собаческія! теперь понимаю, зачѣмъ они ничего мнѣ тамъ сказать не хотѣли. Хорошо еще, что я одного ихняго дурака съ собой захватилъ.

Съ этими словами выбѣжалъ на подъѣздъ, словилъ лѣвшу за волосы и началъ туда-сюда трепать такъ, что клочья полетѣли. А тотъ, когда его Платовъ пересталъ бить, поправился и говорить:

— У меня и такъ всё волосья при учобѣ выдраны, а не знаю теперь за какую надобность надо мною такое повореніе?

— Это за то,—говорить Платовъ: — что я на васъ надѣялся и заручался, а вы рѣдкостную вещь испортили.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Мы много довольны, что ты за насъ ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, въ самый сильный мелкоскопъ смотрите.

Платовъ назадъ побѣжалъ, про мелкоскопъ сказывать, а лѣвшіе только погрозились:

— Я тебѣ,—говорить,—такой-сякой-этакой еще задамъ.

И велѣлъ свистовымъ, чтобы лѣвшіе еще крѣиче локти назадъ закрутить, а самъ поднимается по ступенямъ, запыхался и читаетъ молитву: «Благого Царя Благая Мати, пречистая и чистая», и дальше какъ надобно. — А царедворцы, которые на ступеняхъ стоять, всё отъ него отворачиваются, думаютъ: попался Платовъ и сейчасъ его изъ дворца вонь выгонять,—потому они его терпѣть не могли за храбрость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какъ довелъ Платовъ лѣвшины слова государю, тотъ сейчасъ съ радостію говорить:

— Я знаю, что мои русскіе люди меня не обмануть,—и приказалъ подать мелкоскопъ на подушкѣ.

Въ ту же минуту мелкоскопъ былъ поданъ, и государь взялъ блоху и положилъ ее подъ стекло сначала кверху спинкою, потомъ бочкомъ, потомъ пузичкомъ, — словомъ сказать, на всѣ стороны ее повернули, а видѣть нечего. Но государь и тутъ своей вѣры не потерялъ, а только сказалъ:

— Привести сейчасъ ко мнѣ сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платовъ докладываетъ:

— Его бы пріодѣть надо,—онъ въ чемъ былъ взять, и теперь очень въ зломъ видѣ.

А государь отвѣчаетъ:

— Ничего—вести какъ онъ есть.

Платовъ говоритъ:

— Вотъ, иди теперь самъ, такой-этакой, передъ очами государю отвѣчай.

А лѣвшя отвѣчаетъ:

— Что жъ такое, и пойду, и отвѣчу.

Идетъ въ чемъ былъ: въ опорочкахъ, одна штанина въ сапогѣ, другая мотается, а озямчикъ старенькій, крючечки не застегаются, порастеряны, а шиворотъ разорванъ; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думаетъ, — если государю угодно меня видѣть — я долженъ идти; а если при мнѣ тугагента

нѣтъ, — такъ я тому не причиненъ, и скажу, отчего такъ дѣло было.»

Какъ взошелъ лѣвшя и поклонился, государь ему сейчасъ и говорить:

— Что это такое, братецъ, значить, что мы и такъ, и этакъ смотрѣли, и подь мелкоскопъ клали, а ничего замѣчательнаго не усматриваемъ?

А лѣвшя отвѣчаетъ:

— Такъ ли вы, ваше величество, изволили смотрѣть?

Вельможи ему киваютъ: «дескать, не такъ говоришь!» а онъ не понимаетъ, какъ надо по придворному съ лестью или съ хитростью, а говорить просто.

Государь говорить:

— Оставьте надъ нимъ мудрость, — пусть его отвѣчаетъ, какъ онъ умѣетъ.

И сейчасъ ему пояснилъ:

— Мы, говорить, вотъ какъ клали — и положили блоху подь мелкоскопъ. Смотри, говорить, самъ — ничего не видно.

Лѣвшя отвѣчаетъ:

— Этакъ, ваше величество, ничего и невозможно видѣть, потому что наша работа противъ такого размѣра гораздо секретнѣе.

Государь спросилъ:

— А какъ же надо?

— Надо, говорить, всего одну ея ножку въ подробности подь весь мелкоскопъ подвести и отдѣльно смотрѣть на всякую пяточку, которой она ступаетъ.

— Помилуй, скажи, — говорить государь: — это уже очень сильно мелко!

— А что же дѣлать, — отвѣчаетъ лѣвшя: — если только такъ нашу работу и замѣтить можно: тогда все и удивленіе окажется.

Положили, какъ лѣвшя сказалъ, и государь какъ только глянулъ въ верхнее стекло, такъ весь и просіялъ, — взялъ лѣвшю, какой онъ былъ неубранный и въ пыли неумытый, — обнялъ его и поцѣловалъ, а потомъ обернулся ко всѣмъ придворнымъ и сказалъ:

— Видите, я лучше всѣхъ зналъ, что мои русскіе меня не обманутъ. Глядите, пожалуйста: вѣдь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Стали всё подходить и смотреть: блоха, действительно, была на всё ноги подкована на настоящія подковы, а лѣвша доложилъ, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, говорить, былъ лучше мелкоскопъ, который въ пять миллионувъ увеличиваетъ, такъ вы изволили бы, говорить, увидать, что на каждой подковинкѣ мастерово имя выставлено: какой русскій мастеръ ту подковку дѣлалъ.

— И твое имя тутъ есть?—спросилъ государь.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчаетъ лѣвша: — моего одного и нѣтъ.

— Почему же?

— А потому, говорить, что я мельче этихъ подковокъ работалъ: я гвоздики выковывалъ, которыми подковки забиты,—тамъ уже никакой мелкоскопъ взять не можетъ.

Государь спросилъ:

— Гдѣ же вашъ мелкоскопъ, съ которымъ вы могли произвести это удивленіе?

А лѣвша отвѣтилъ:

— Мы люди бѣдные и по бѣдности своей мелкоскопа не имѣемъ, а у насъ такъ глазъ пристрѣлявши.

Тутъ и другіе придворные, вида, что лѣвши дѣло выгорѣло, начали его цѣловать, а Платовъ ему сто рублей далъ и говоритъ:

— Прости меня, братецъ, что я тебя за волосы отодралъ.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Богъ проститъ — это намъ не впервые такой снѣгъ на голову.

А больше и говорить не сталъ, да и некогда ему было ни съ кѣмъ разговаривать, потому что государь приказалъ сейчасъ же эту подкованную нимфозорію уложить и отослать назадъ въ Англію,—въ родѣ подарка, чтобы тамъ поняли, что намъ это не удивительно. И велѣлъ государь, чтобы везъ блоху особый курьеръ, который на всё языки ученъ, а при немъ чтобы и лѣвша находился, и чтобы онъ самъ англичанамъ могъ показать работу и каковыя у насъ въ Тулѣ мастера есть.

Платовъ его перекрестилъ:

— Пусть, говорить, — надъ тобою будетъ благословеніе,

а на дорогу я тебѣ моею собственной кислярки пришло. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Такъ и сдѣлать, — прислать.

А графъ Кисельвроте велѣлъ, чтобы обмыли лѣвшу въ Туляковскихъ всенародныхъ баняхъ, остригли въ парикмахерской и одѣли въ парадный кафтанъ съ придворнаго пѣвчаго, для того дабы похоже было, будто и на немъ какой-нибудь жалованный чинъ есть.

Какъ его такимъ манеромъ обформировали, напоили на дорогу чаемъ съ Платовскою кисляркою, затянули ремненнымъ поясомъ какъ можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли въ Лондонъ. Отсюда съ лѣвшой и пошли заграничные виды.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ъхали курьеръ съ лѣвшой очень скоро, такъ что отъ Петербурга до Лондона нигдѣ отдыхать не останавливались, а только на каждой станціи пояса на одинъ значокъ еще уже перетягивали, чтобы кишки съ легкими не перепутались; но какъ лѣвшѣ послѣ представленія государю, по Платовскому приказанію, отъ казны винная порція вволю полагалась, то онъ, не ѣвши, этимъ однимъ себя поддерживалъ и на всю Европу русскія пѣсни пѣлъ, только приѣвъ дѣлалъ по иностранному: — *«ай люли—се тре жули»*.

Курьеръ, какъ привезъ его въ Лондонъ, такъ появился кому надо и отдалъ шкатулку, а лѣвшу въ гостиницѣ въ номеръ посадилъ, но ему тутъ скоро скучно стало, да и ѣсть захотѣлось. Онъ постучалъ въ дверь и показалъ служающему себѣ на ротъ, а тотъ сейчасъ его и свелъ въ пищепріемную комнату.

Сѣлъ тутъ лѣвшина за столъ и сидитъ, а какъ чего-нибудь по-англицки спросить — не умѣетъ. Но потомъ догадался: онять просто по столу перстомъ постучить, да въ ротъ себѣ покажетъ, — англичане догадываются и подаютъ, только не всегда того, что надобно, но онъ что ему не подходящее не принимаетъ. Подали ему ихняго приготвленія горячій студингъ въ огнѣ; — онъ говоритъ: это я не знаю, что бы такое можно ѣсть, и вкушать не сталъ — они ему перемѣнили и другого кушанья поставили. Такъ же и водки ихъ пить не сталъ, потому что она зеленая — въ родѣ какъ будто куноросомъ заправлена, а выбралъ что

всего натуральнѣе, и ждетъ курьера въ прохладѣ за ба-
клажечкой.

А тѣ лица, которымъ курьеръ нимфозорію сдалъ, сію же
минуту ее разсмотрѣли въ самый сильный мелкоскопъ и
сейчасъ въ публицейскія вѣдомости описаніе, чтобы завтра
же на всеобщее извѣстіе клеветонъ вышелъ.

— А самого этого мастера, говорятъ, — мы сейчасъ хо-
тимъ видѣть.

Курьеръ ихъ препроводилъ въ номеръ, а оттуда въ пи-
шепріемную залу, гдѣ нашъ лѣвша порядочно уже подру-
мянился, и говоритъ: вотъ онъ!

Англичане лѣвшу сейчасъ хлопъ-хлопъ по плечу и какъ
ровнаго себѣ — за руки: «камадъ, говорятъ, камадъ—хо-
рошій мастеръ,—разговаривать съ тобой современемъ послѣ
будемъ, а теперь выпьемъ за твое благополучіе».

Спросили много вина и лѣвшѣ первую чарку, а онъ съ
вѣжливостью первый нить не сталъ: думаетъ, можетъ быть
отравить съ досады хотите.

— Нѣтъ, говоритъ,—это не порядокъ: и въ Польшѣ нѣтъ
хозяина больше,—сами впередъ кушайте.

Англичане всѣхъ винъ передъ нимъ опробовали и тогда
ему стали наливать. Онъ всталъ, лѣвой рукой перекрестился
и за всѣхъ ихъ здоровье выпилъ.

Они замѣтили, что онъ лѣвой рукою крестится и спра-
шиваютъ у курьера:

— Что онъ, лютеранецъ или протестантистъ?

Курьеръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, онъ не лютеранецъ и не протестантистъ, а
русской вѣры.

— А зачѣмъ же онъ лѣвой рукою крестится?

Курьеръ сказалъ:

— Онъ—лѣвша и все лѣвой рукою дѣлаетъ.

Англичане еще болѣе стали удивляться и начали нака-
чивать виномъ и лѣвшу, и курьера, и такъ цѣлые три дня
обходилися, а потомъ говорятъ: «теперь довольно». По сим-
фону воды съ ерфиксомъ дряняли и, совсѣмъ освѣживши,
начали разспрашивать лѣвшу: гдѣ онъ и чему учился и до
какихъ поръ ариметику знаетъ?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусон-
нику, а ариметики мы нимало не знаемъ.

Англичане переглянулись и говорятъ:

— Это удивительно.

А лѣвша имъ отвѣчаетъ:

— У насъ это такъ повсемѣстно.

— А что же это, спрашиваютъ, — за книга въ Россіи «Полусонникъ»?

— Это, говоритъ, книга къ тому относящая, что если въ Псалтирѣ что-нибудь насчетъ гаданья царь Давидъ не ясно открылъ, то въ Полусонникѣ угадываютъ дополненіе.

Они говорятъ:

— Это жалко, лучше бы, если бы вы изъ ариеметики по крайности хоть четыре правила сложенія знали, — то бы вамъ было гораздо пользительнѣе, чѣмъ весь Полусонникъ. Тогда бы вы могли сообразить, что въ каждой машинѣ расчетъ силы есть, а то вотъ хоша вы очень въ рукахъ искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, какъ въ нимфозоріи, на самую аккуратную точность рассчитана и ея подковокъ несть не можетъ. Черезъ это теперь нимфозорія и не прыгаетъ, и дансе не танцуетъ.

Лѣвша согласился.

— Объ этомъ, говоритъ, — спору нѣтъ, что мы въ наукахъ не зашлись, но только своему отечеству вѣрно преданные.

А англичане сказываютъ ему:

— Оставайтесь у насъ, мы вамъ большую образованность передадимъ, и изъ васъ удивительный мастеръ выйдетъ.

Но на это лѣвша не согласился:

— У меня, говоритъ, дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителямъ деньги послать, но лѣвша не взялъ:

— Мы, говоритъ, — къ своей родинѣ привержены и тятинька мой уже старичокъ, а родительница — старушка и привыкли въ свой приходъ въ церковь ходить, да и мнѣ тутъ въ одиночествѣ очень скучно будетъ, потому что я еще въ холостомъ званіи.

— Вы, говорятъ, обвыкнете, — нашъ законъ примете, и мы васъ женимъ.

— Этого, — отвѣтилъ лѣвша: — никогда быть не можетъ.

— Почему такъ?

— Потому, — отвѣчаетъ, — что наша русская вѣра самая

правильная, и какъ вѣрили наши правотцы, такъ же точно должны вѣрить и потомцы.

— Вы,—говорятъ англичане:—нашей вѣры не знаете: мы того же закона христіанскаго и то же самое Евангеліе со-держимъ.

— Евангеліе,—отвѣчаетъ лѣвша:—дѣйствительно, у всѣхъ одно, а только наши книги противъ вашихъ толще и вѣра у насъ полнѣе.

— Почему вы такъ это можете судить?

— У насъ тому,—отвѣчаетъ:—есть всѣ очевидныя доказа-тельства.

— Какія?

— А такія,—говоритъ:—что у насъ есть и боготворныя иконы, и гроботочивыя главы, и мощи, а у васъ ничего, и даже, кромѣ одного воскресенья, никакихъ экстренныхъ праздниковъ нѣтъ, а по второй причинѣ, мнѣ съ англичанкою, хоть и повѣчавшись въ законѣ, жить конфузно будетъ.

— Отчего же такъ? — спрашиваютъ. — Вы не пренебрегайте—наши тоже очень чисто одѣваются и хозяйственные.

А лѣвша говоритъ:

— Я ихъ не знаю.

Англичане отвѣчаютъ:

— Это не важно суть — узнать можете: мы вамъ грандеву сдѣлаемъ.

Лѣвша застыдился.

— Зачѣмъ,—говоритъ:—напрасно дѣвушекъ морщить, и отпѣкался. Грандеву, говоритъ, это дѣло господское, а намъ нейдетъ, и если объ этомъ дома, въ Туль, узнаютъ, надо мною большую насмѣшку сдѣлаютъ.

Англичане полюбопытствовали:

— А если, говорятъ,—безъ грандеву, то какъ же у васъ въ такихъ случаяхъ поступають, чтобы пріятный выборъ сдѣлать?

Лѣвша имъ объяснилъ наше положеніе.

— У насъ, говоритъ,—когда человекъ хочетъ насчетъ дѣвушки обстоятельное намѣреніе обнаружить, посылаетъ разговорную женщину, и какъ она предлогъ сдѣлаетъ, тогда вмѣстѣ въ домъ идутъ вѣжливо, и дѣвушку смотреть не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвѣчали, что у нихъ разговорныхъ

женщинъ нѣтъ и такого обыкновенія не водится, а лѣвша говорить:

— Это тѣмъ и пріятнѣе, потому что такимъ дѣломъ если и заняться, то надо съ обстоятельнымъ намѣреніемъ, а какъ я сего къ чужой націи не чувствую, то зачѣмъ дѣвушекъ морочить?

Онъ англичанамъ и въ этихъ своихъ сужденіяхъ поправился, такъ что они его опять пошли по плечамъ и по колѣнямъ съ пріятствомъ ладошками хлопывать, а сами спрашиваютъ:

— Мы бы, говорятъ, только черезъ одно любопытство знать желали: какія вы порочныя примѣты въ нашихъ дѣвицахъ примѣтили, и за что ихъ обѣгаете?

Тутъ лѣвша имъ уже откровенно отвѣтилъ:

— Я ихъ не порочу, а только мнѣ то не нравится, что одежда на нихъ какъ-то машется, и не разобрать, что такое надѣто и для какой надобности; тутъ одно что-нибудь, а ниже еще другое пришилино, а на рукахъ какія-то погавочки. Совсѣмъ точно обезьяна—сапажу—плисовая гальма.

Англичане засмѣялись и говорятъ:

— Какое же вамъ въ этомъ препятствіе?

— Препятствія,—отвѣчаетъ лѣвша:—нѣтъ, а только опасаясь, что стыдно будетъ смотрѣть и дожидаться какъ она изъ всего изъ этого разбираться станетъ.

— Неужели же,—говорятъ:—вашъ фасонъ лучше?

— Нашъ фасонъ,—отвѣчаетъ:—въ Тулѣ простой: всякая въ своихъ кружевцахъ, и наши кружева даже и большія дамы носятъ.

Онъ его тоже и своимъ дамамъ казали, и тамъ ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Онъ отвѣчалъ:

— Что мы,—говоритъ:—очень сладко не приучены.

Тогда ему по-русски въ прикуску подали.

Имъ показывается, что этакъ будто хуже, а онъ говоритъ:

— На нашъ вкусъ этакъ вкуснѣе.

Ничѣмъ его англичане не могли сбить, чтобы онъ на ихъ жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его въ это время по разнымъ заводамъ водить будутъ и все свое искусство покажутъ.

— А потомъ, — говорятъ: — мы его на своемъ кораблѣ привеземъ и живого въ Петербургъ доставимъ.

На это онъ согласился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Взяли англичане лѣвшу на свои руки, а русскаго курьера назадъ въ Россію отправили. Курьеръ хотя и чинъ имѣлъ, и на разные языки былъ ученъ, но они имъ не интересовались, а лѣвшою интересовались, — и пошли они лѣвшу водить и все ему показывать. Онъ смотрѣлъ все ихъ производство и металлическія фабрики и мѣльно-нильные заводы, и всѣ хозяйственные порядки ихъ ему очень нравились, особенно насчетъ рабочаго содержанія. Всякій работникъ у нихъ постоянно въ сытости, одѣтъ не въ обрывкахъ, а на каждомъ способный тужурный жилетъ, обувь въ толстые пиджеты съ желѣзными набалдашниками, чтобы нигдѣ поги ни на что не напороть; работаетъ не съ бойломъ, а съ обученіемъ, и имѣетъ себѣ понятія. Передъ каждымъ на виду виситъ долбца умноженія, а подъ рукою стирабельная дощечка: все, что который мастеръ дѣлаетъ, — на долбцу смотреть, и съ понятіемъ свѣрять, а потомъ на дощечкѣ одно пишеть, другое стираетъ и въ аккуратъ сводить: что на цифиряхъ написано, то и на дѣлѣ выходитъ. А придетъ праздникъ, соберутся по парочкѣ, возьмутъ въ руки по палочкѣ и идутъ гулять чинно-благородно какъ слѣдуетъ.

Лѣвшу на все ихъ житье и на всѣ ихъ работы посмотрѣлся, но больше всего вниманіе обращать на такой предметъ, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, какъ новыя ружья дѣлаютъ, сколь то, какъ старыя въ какомъ видѣ состоятъ. Все обойдетъ и хвалить, и говорить:

— Это и мы такъ можемъ.

А какъ до стараго ружья дойдетъ, — засунетъ палецъ въ дуло, поводитъ по стѣнкамъ и вздохнетъ:

— Это, — говорятъ: — противъ нашего не въ примѣръ превосходнѣйше.

Англичане никакъ не могли отгадать, что такое лѣвшу замѣчаетъ, а онъ спрашиваетъ:

— Не могу ли, — говорятъ: — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядѣли или нѣтъ?

Ему говорятъ:

— Которые тутъ были, тѣ, должно-быть, глядѣли.

— А какъ,—говорить:—они были: въ перчаткѣ или безъ перчатки?

— Ваши генералы,—говорять:—парадные, они всегда въ перчаткахъ ходять, значить и здѣсь такъ были.

Лѣвша ничего не сказалъ. Но вдругъ началъ безпокойно скучать. Затосковалъ и затосковалъ, и говорить англичанамъ:

— Покорно благодарствуйте на всемъ угощеніи, и я всемъ у васъ очень доволенъ и все, что мнѣ нужно было видѣть, уже видѣлъ, а теперь я скорѣе домой хочу.

Никакъ его болѣе удержать не могли. По сушѣ его пустить нельзя, потому что онъ на всея языки не умѣлъ, а по водѣ плыть не хорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но онъ присталъ: отпустите.

— Мы на буреметръ, — говорятъ: — смотрѣли: буря будетъ,—потонуть можешь: это вѣдь не то, что у васъ Финскій заливъ, а тутъ настоящее Твердиземное море.

— Это все равно,—отвѣчаетъ:—гдѣ умереть—все единственно, воля Божія, а я желаю скорѣе въ родное мѣсто, потому что иначе я могу родъ помѣшательства достать.

Его силою не удерживали: напитали, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы съ трепетиромъ, а для морской прохлады на поздній осенній путь дали байковое пальто съ вѣтряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одѣли и отвезли лѣвшу на корабль, который въ Россію шелъ. Тутъ помѣстили лѣвшу въ лучшемъ видѣ, какъ настоящаго барина, но онъ съ другими господами въ закрытіи сидѣть не любилъ и совѣстился, а уйдетъ на палубу, подъ презентъ сядетъ и спросить:

— Гдѣ наша Россія?

Англичанинъ, котораго онъ спрашиваетъ, рукою ему въ ту сторону покажетъ или головою махнетъ, а онъ туда лицомъ оборотится и нетерпѣливо въ родную сторону смотреть.

Какъ вышли изъ буфты въ Твердиземное море, такъ стремленіе его къ Россіи такое сдѣлалось, что никакъ его нельзя было успокоить. Водоplenіе стало ужасное, а лѣвша все внизъ въ каюты нейдетъ, — подъ презентомъ сидитъ, нахлобучку надвинулъ и къ отечеству смотреть.

Много разъ англичане приходили его въ теплое мѣсто внизъ звать, но онъ, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться началъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—мнѣ тутъ наружи лучше,—а то со мною подъ крышей отъ колтыханія морская свинка сдѣлается.

Такъ все время и не сходилъ до особаго случая, и черезъ это очень понравился одному полшкиперу, который на горе нашего лѣвша умѣлъ по-русски говорить. Этотъ полшкиперъ не могъ надивиться, что русскій сухопутный человекъ и такъ всѣ непогоды выдерживаетъ.

— Молодецъ,—говорить:—русъ,—выпьемъ!

Лѣвша выпилъ.

А полшкиперъ говоритъ:

— Еще!

Лѣвша и еще выпилъ, и напилсь.

Полшкиперъ его и спрашиваетъ:

— Ты какой отъ нашего государства въ Россію секретъ везешь?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Это мое дѣло.

— А если такъ,—отвѣчалъ полшкиперъ:— такъ давай держать съ тобой аглицкое парей.

Лѣвша спрашиваетъ:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего въ одиночку не пить, а всего пить за-равно,—что одинъ, то непременно и другой, и кто кого перепьетъ, того и горка.

Лѣвша думаетъ: небо тучится, брюхо пучится,—скука большая, а путина длинная и родного мѣста за волною невидно—пари держать все-таки веселѣе будетъ.

— Хорошо,—говорить:—идеть!

— Только чтобъ честно.

— Да, ужъ это,—говорить:—не безпокойтесь.

Согласились и по рукамъ ударили.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Началось у нихъ пари еще въ Твердиземномъ морѣ и шли они до рижскаго Динаминде, но шли все наравнѣ и другъ другу не уступали, и до того аккуратно равнялись, что когда одинъ, глянувъ въ море, увидаль, какъ изъ воды

чортъ лѣзеть, такъ сейчасъ то же самое и другому объявилось. Только полкиперъ видитъ чорта рыжаго, а лѣвшя говоритъ, будто онъ темень, какъ Мурынъ.

Лѣвшя говоритъ:

— Перекрестись и отворотись—это чортъ изъ пучины.

А англичанинъ спорить.

— Это морской водоглазь.

— Хочешь,—говорить:—я тебя въ море швырну, ты не бойся, онъ мнѣ тебя сейчасъ назадъ подастъ.

А лѣвшя отвѣчалъ:

— Если такъ, то швырай.

Полкиперъ его взявъ на закорки и понесъ къ борту.

Матросы это увидали, остановили ихъ и доложили капитану, а тотъ велѣлъ ихъ обонхъ внизъ запереть и дать имъ рому и вина, и холодной пищи, чтобы могли и пить, и ѣсть, и свое пари выдержать, — а горячаго студингу съ огнемъ имъ не подавать, потому что у нихъ въ нутрѣ можетъ спиртъ загорѣться.

Такъ ихъ и привезли взаперти до Петербурга и пари изъ нихъ ни одинъ другъ у друга не выигралъ, а тутъ расклали ихъ на разныя повозки и повезли англичанина въ посланнической домъ на Англицкую набережную, а лѣвшю въ кварталъ.

Отсюда судьба ихъ начала сильно разниться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Англичанина какъ привезли въ посольскій домъ, сейчасъ сразу позвали къ нему лѣкаря и аптекаря, — лѣкарь велѣлъ его при себѣ въ теплую ванну всадить, а аптекарь сейчасъ же скаталъ гуттаперчевую пилюлю и самъ въ ротъ ему всунулъ, а потомъ оба вмѣстѣ взяли и положили на перину и сверхъ шубой покрыли и оставили потѣть, а чтобы ему никто не мѣшалъ, по всему посольству приказъ данъ, чтобы никто чихать не смѣлъ. Дождались лѣкарь съ аптекаремъ, пока полкиперъ заснулъ, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, — возлѣ его изголовья на столикъ положили и ушли.

А лѣвшю свалили въ кварталъ на полъ, и спрашиваютъ:
— Кто такой и откуда, и есть ли паспортъ или какой другой тугаментъ?

А онъ отъ болѣзни, отъ ниты и отъ долгаго колтыханья

такъ ослабѣлъ, что ни слова не отвѣчаетъ, а только сто-
нетъ.

Тогда его сейчасъ обыскали, пестрое платье съ него сняли и часы съ трепетиромъ, и деньги обрали, а самого приставъ велѣлъ на встрѣчномъ извозчикѣ бесплатно въ больницу отправить.

Повелъ городской лѣвшу на санки сажать, да долго ни одного встрѣчника поймать не могъ, потому извозчики отъ полицейскихъ бѣгаютъ. А лѣвшу все это время на холодномъ паратѣ лежалъ; потомъ поймалъ городской извозчика, только безъ теплой лисы, потому что они лису въ санихъ въ такомъ разѣ подъ себя прячутъ, чтобы у полицейскихъ скорѣй ноги стыли. Везли лѣвшу такъ непокрытаго, да какъ съ одного извозчика на другого стануть пересаживать, все роняють, а поднимать стануть, — уши рвутъ, чтобы въ память пришелъ. Привезли въ одну больницу, — не принимаютъ безъ тугамента, привезли въ другую — и тамъ не принимаютъ, и такъ въ третью, и въ четвертую, — до самаго утра его по всемъ отдаленнымъ кривонуткамъ таскали и все пересаживали, такъ что онъ весь избился. Тогда одинъ подлѣкаръ сказалъ городовому везти его въ простонародную Обухвинскую больницу — гдѣ невѣдомаго сословія всехъ умирать принимаютъ.

Тутъ велѣли росписку дать, а лѣвшу до разборки на полу въ коридорѣ посадить.

А англискій полицкиперъ въ это самое время на другой день всталъ, другую гуттаперчевую шилоку въ нутро проглотилъ, на легкій завтракъ курицу съ рысью съѣлъ, эрфиксомъ запилъ и говорить:

— Гдѣ мой русскій камадъ? я его искать пойду.

Одѣлся и побѣжалъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Удивительнымъ манеромъ полицкиперъ какъ-то очень скоро лѣвшу нашелъ, только его еще на кровать не уложили, а онъ въ коридорѣ на полу лежалъ и жаловался англичанину.

— Мнѣ бы, говорить, — два слова государю непременно надо сказать.

Англичанинъ побѣжалъ къ графу Клейнмихелю и зашумѣлъ:

— Развѣ такъ можно! У него, говорить, хоть и шуба овечкина, такъ душа человѣчкина.

Англичанина сейчасъ оттуда за это разсужденіе вонъ — чтобы не смѣлъ поминать душу человѣчкину. А потомъ ему кто-то сказалъ: сходилъ бы ты лучше къ казаку Платову, — онъ простыя чувства имѣеть.

Англичанинъ достигъ Платова, который теперь опять на укушеткѣ лежалъ: Платовъ его выслушалъ и про лѣвшу вспомнилъ.

— Какъ же, братецъ, говорить, — очень коротко съ нимъ знакомъ, — даже за волоса его драть, — только не знаю, какъ ему въ такомъ несчастномъ разѣ помочь; потому что я уже совсѣмъ отслужился и полную пуплекцію получилъ, — теперь меня больше не уважаютъ, — а ты бѣги скорѣе къ коменданту Скобелеву, онъ въ силахъ и тоже въ этой части опытный, — онъ что-нибудь сдѣластъ.

Полкиперъ пошелъ и къ Скобелеву и все разсказалъ: какая у лѣвши болѣзнь и отчего сдѣлалась. Скобелевъ говорить:

— Я эту болѣзнь понимаю, только нѣмцы ее лѣчить не могутъ, а тутъ надо какого-нибудь доктора изъ духовнаго званія, потому что тѣ въ этихъ примѣрахъ выросли и помогать могутъ: я сейчасъ пошлю туда русскаго доктора Мартынь-Сольскаго.

Но только когда Мартынь-Сольскій пріѣхалъ, лѣвшя уже кончался, потому что у него затылокъ о паратъ раскололся, и онъ одно только могъ внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичанъ ружья кирпичомъ не чистятъ: пусть чтобы и у насъ не чистили, а то, храни Богъ войны, они стрѣлять не годятся.

И съ этою вѣрностью лѣвшя перекрестился и померъ.

Мартынь-Сольскій сейчасъ же поѣхалъ, объ этомъ графу Чернышеву доложилъ, чтобы до государя довести, а графъ Чернышевъ на него закричалъ:

— Знай, говорить, свое рвотное да слабительное, а не въ свое дѣло не мѣшайся — въ Россіи на это генералы есть.

Государю такъ и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампаніи. Въ тогдашнее время, какъ стали ружья заряжать, а пули въ нихъ и болтаются, потому что стволы кирпичомъ расчищены. Тутъ Мартынь-Сольскій Чернышеву о лѣвшѣ и напомнилъ, а графъ Чернышевъ и говорить:

— Пошелъ къ чорту, плезирная трубка, — не въ свое дѣло не мѣшайся, а не то я отопрусь, что никогда отъ тебя объ этомъ не слыхалъ, — тебѣ же и достанется.

Мартынь-Сольскій подумалъ: и вправду отопрется, такъ и молчалъ.

А доведи они лѣвшины слова въ свое время до государя — въ Крыму на войнѣ съ непріателемъ совсѣмъ бы другой оборотъ былъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Теперь все это уже — «дѣла минувшихъ дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но преданія эти нѣтъ нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный складъ легенды и эпическій характеръ ея главнаго героя. Собственное имя лѣвши, подобно именамъ многихъ величайшихъ геніевъ, навсегда утрачено для потомства; но какъ олицетворенный народною фантазіею миѳъ, онъ интересенъ, а его похождения могутъ служить воспоминаніемъ эпохи, общій духъ которой схваченъ мѣтко и вѣрно.

Такихъ мастеровъ, какъ баснословный лѣвшина, теперь, разумѣется, уже нѣтъ въ Тулѣ: машины сравняли неравенство талантовъ и дарованій, и геній не рвется въ борьбу противъ прилежанія и аккуратности. Благопріятствуя возвышенію заработка, машины не благопріятствуютъ артистической удаи, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ нынѣшней баснословныхъ легендъ.

Работники, конечно, умѣютъ цѣнить выгоды, доставляемыя имъ практическими приспособленіями механической науки, но о прежней старинѣ они вспоминаютъ съ гордостью и любовью. Это ихъ эпосъ, и притомъ съ очень «человѣчкиной душою».

ЧЕЛОВѢКЪ НА ЧАСАХЪ.

(1839 г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Событіе, разсказъ о которомъ ниже сего предлагается вниманію читателей, трогательно и ужасно по своему значенію для главнаго героическаго лица пьесы, а развязка дѣла такъ оригинальна, что подобное ей даже едва ли возможно гдѣ-нибудь, кромѣ Россіи.

Это составляетъ отчасти придворный, отчасти историческій анекдотъ, недурно характеризующій нравы и направленіе очень любопытной, но крайне бѣдно отмѣченной эпохи тридцатыхъ годовъ совершающагося девятнадцатаго столѣтія.

Вымысла въ наступающемъ разсказѣ нѣтъ нисколько.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Зимою, около Крещенія, въ 1839 году въ Петербургѣ была сильная оттепель. Такъ размокропородило, что совсѣмъ какъ-будто веснѣ бытъ: снѣгъ таялъ, съ крышъ падали днемъ капли, а ледъ на рѣкахъ посинѣлъ и взялся водой. На Невѣ, передъ самымъ Зимнимъ дворцомъ, стояли глубокія полыньи. Вѣтеръ дулъ теплый, западный, но очень сильный: со взморья нагоняло воду и стрѣляли пушки.

Каравулъ во дворцѣ занимала рота Измайловскаго полка, которою командовалъ блестяще образованный и очень хорошо поставленный въ обществѣ молодой офицеръ, Николай Ивановичъ Миллеръ (впоследствии полный генералъ и

директоръ лицей). Это былъ человекъ съ такъ-называемымъ «гуманнымъ» направлениемъ, которое за нимъ было давно замѣчено и немножко вредило ему по службѣ во вниманіи вышшаго начальства.

На самомъ же дѣлѣ, Миллеръ былъ офицеръ исправный и надежный, а дворцовый караулъ въ тогдашнее время и не представлялъ ничего опаснаго. Пора была самая тихая и безмятежная. Отъ дворцоваго караула не требовалось ничего, кромѣ точнаго стоянія на постахъ, а между тѣмъ, какъ разъ тутъ, на караульной очереди капитана Миллера при дворцѣ, произошелъ весьма чрезвычайный и тревожный случай, о которомъ теперь едва вспоминаютъ немногіе изъ доживающихъ свой вѣкъ тогдашнихъ современниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сначала въ караулъ все шло хорошо: посты распределены, люди разставлены и все обстояло въ совершенномъ порядкѣ. Государь Николай Павловичъ былъ здоровъ, ѣздилъ вечеромъ кататься, возвратился домой и легъ въ постель. Уснулъ и дворецъ. Наступила самая спокойная ночь. Въ кордегардіи тишина. Капитанъ Миллеръ прикололъ булавками свой бѣлый носовой платокъ къ высокой и всегда традиціонно засаленной сафьянной спинкѣ офицерскаго кресла и сѣлъ коротать время за книгой.

Н. И. Миллеръ всегда былъ страстный читатель и потому онъ не скучалъ, а читалъ и не замѣчалъ, какъ ушла ночь; но вдругъ, въ исходѣ втораго часа ночи, его встревожило ужасное безпокойство: предъ нимъ является разводяный унтеръ-офицеръ и, весь блѣдный, объятый страхомъ, лепечетъ скороговоркой:

— Бѣда, ваше благородіе, бѣда!

— Что такое?!

— Страшное несчастье постигло!

Н. И. Миллеръ вскочилъ въ неописанной тревогѣ и едва могъ толкомъ дознаться, въ чемъ именно заключались «бѣда» и «страшное несчастье».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: часовой, солдатъ Измайловскаго полка, по фамилии Постниковъ, стоя на часахъ снаружки у нынѣшняго Иорданскаго подъѣзда, услы-

халь, что въ полыньѣ, которою противъ этого мѣста покрылась Нева, заливается человекъ и отчаянно молить о помощи.

Солдатъ Постниковъ, изъ дворовыхъ господскихъ людей, былъ человекъ очень нервный и очень чувствительный. Онъ долго слушалъ отдаленные крики и стоны утопающаго и приходилъ отъ нихъ въ оцѣненіе. Въ ужасѣ онъ оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной, и ни здѣсь, ни на Невѣ, какъ на зло, не усматривалъ ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не можетъ, и онъ непременно заляется...

А между тѣмъ тонущій ужасно долго и упорно борется.

Ужъ одно бы ему, кажется,—не тратя силъ, спускаться на дно, такъ вѣдь нѣтъ! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнутъ, то опять начинають раздаваться, и притомъ все ближе и ближе къ дворцовой набережной. Видно, что человекъ еще не потерялся и держитъ путь вѣрно, прямо на свѣтъ фонарей, но только онъ, разумѣется, все-таки не спасется, потому что именно тутъ, на этомъ пути, онъ попадетъ въ іорданскую прорубь. Тамъ ему нырокъ подъ ледъ и конецъ... Вотъ и опять стихъ, а черезъ минуту снова полощется и стонетъ: «спасите, спасите!» И теперь уже такъ близко, что даже слышны всплески воды, какъ онъ полощется...

Солдатъ Постниковъ сталъ соображать, что спасти этого человекъ чрезвычайно легко. Если теперь сбѣжать на ледъ, то тонущій непременно тутъ же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестикъ, или подать ружье, и онъ спасенъ. Онъ такъ близко, что можетъ схватиться рукою и выскочить. Но Постниковъ помнить и службу, и присягу; онъ знаетъ, что онъ часовой, а часовой ни за что и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ покинуть своей будки.

Съ другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: такъ и ноетъ, такъ и стучитъ, такъ и замираетъ... Хоть вырви его, да самъ себѣ подъ ноги брось,—такъ безпокойно съ нимъ дѣлается отъ этихъ стоновъ и воплей... Страшно, вѣдь, слышать какъ другой человекъ погибаетъ, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, къ тому есть полная возможность, потому что будка съ мѣста не убѣжить и ничто иное вредное не случится.

«Иль сбѣжать, а?.. Не увидать... Ахъ, Господи, одинъ бы конецъ! Опять стонеть»...

За одинъ получасъ, пока это длилось, солдатъ Постниковъ совсѣмъ истерзался сердцемъ и сталъ ощущать «сомнѣнія разсудка». А солдатъ онъ былъ умный и исправный, съ разсудкомъ яснымъ и отлично понималъ, что оставить свой постъ есть такая вина со стороны часового, за которую сейчасъ же послѣдуетъ военный судъ, а потомъ гонка сквозь строй шпицрутенами и каторжная работа, а можетъ-быть даже и «разстрѣль»; но со стороны вздувшейся рѣки опять наплываютъ все ближе и ближе стоны и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— Т-о-о-ну!.. Спасите, тону!

Тутъ вотъ сейчасъ и есть іорданская прорубь... Конецъ!

Постниковъ еще разъ-два оглянулся во всѣ стороны. Нигдѣ ни души нѣтъ, только фонари трясутся отъ вѣтра и мерцаютъ, да по вѣтру, прерываясь, долетаетъ этотъ крикъ... можетъ-быть, послѣдній крикъ...

Вотъ еще всплескъ, еще однозвучный, вопль, и въ водѣ забулькотало.

Часовой не выдержалъ и покинулъ свой постъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Постниковъ бросился къ сходнямъ, сбѣжалъ съ сильно бьющимся сердцемъ на ледъ, потомъ въ наплывшую воду полыни и, скоро разсмотрѣвъ, гдѣ бьется заливающийся утопленникъ, протянулъ ему ложу своего ружья.

Утопавшій схватился за прикладъ, а Постниковъ потянулъ его за штыкъ и вытащилъ на берегъ.

Спасенный и спаситель были совершенно мокры, и какъ изъ нихъ спасенный былъ въ сильной усталости и дрожалъ и падалъ, то спаситель его, солдатъ Постниковъ, не рѣшился его бросить на льду, а вывелъ его на набережную и сталъ осматриваться, кому бы его передать. А межъ тѣмъ, пока все это дѣлалось, на набережной показались сани, въ которыхъ сидѣлъ офицеръ существовавшей тогда придворной инвалидной команды (впослѣдствіи упраздненной).

Этотъ столь не въ-ремя для Постникова подоспѣвшій господинъ былъ, надо полагать, человекъ очень легкомысленнаго характера и притомъ немножко безтолковый и изрядный наглець. Онъ соскочилъ съ саней и началъ спрашивать:

— Что за человекъ... что за люди?

— Тонулъ, заливался,—началь-было Постниковъ.

— Какъ тонулъ? Кто, ты тонулъ? Зачѣмъ въ такомъ мѣстѣ?

А тотъ только отпырхивается, а Постникова уже нѣтъ: онъ взялъ ружье на плечо и опять сталъ въ будку.

Смекнулъ или нѣтъ офицеръ въ чемъ дѣло, но онъ больше не сталъ изслѣдовать, а тотчасъ же подхватилъ къ себѣ въ сани спасеннаго человекъ и покатилъ съ нимъ на Морскую въ сѣзжій домъ Адмиралтейской части.

Тутъ офицеръ сдѣлалъ приставу заявленіе, что привезенный имъ мокрый человекъ тонулъ въ полыньѣ противъ дворца и спасенъ имъ, господиномъ офицеромъ, съ опасностью для его собственной жизни.

Тотъ, котораго спасли, былъ и теперь весь мокрый, иззябшій и изнемогшій. Отъ испуга и отъ страшныхъ усилій, онъ впалъ въ безпамятство и для него было безразлично, кто спасалъ его.

Около него хлопоталъ заспанный полицейскій фельдшеръ, а въ канцеляріи писали протоколъ по словесному заявленію инвалиднаго офицера и, съ свойственною полицейскимъ людямъ подозрительностью, недоумѣвали, какъ онъ самъ весь сухъ изъ воды вышелъ? А офицеръ, который имѣлъ желаніе получить себѣ установленную медаль «за спасеніе погибавшихъ», объяснялъ это счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но объяснялъ нескладно и невѣроятно. Пошли будить пристава, послали наводить справки.

А между тѣмъ во дворцѣ по этому дѣлу образовались уже другія, быстрыя теченія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ дворцовой караульнѣ всѣ сейчасъ упомянутые обороты послѣ принятія офицеромъ спасеннаго уопленника въ свои сани были неизвѣстны. Тамъ измайловскій офицеръ и солдаты знали только то, что ихъ солдатъ, Постниковъ, оставивъ будку, кинулся спасать человекъ, и какъ это есть большое нарушеніе воинскихъ обязанностей, то рядовой Постниковъ теперь непременно пойдетъ подъ судъ и подъ палки, а всѣмъ начальствующимъ лицамъ, начиная отъ ротнаго командира полка, достанутся страшныя неприятности, противъ которыхъ ничего нельзя ни возражать, ни оправдываться.

Мокрый и дрожащий солдатъ Постниковъ, разумѣется, сейчасъ же былъ смѣненъ съ поста и, будучи приведенъ въ кордегардію, чистосердечно рассказалъ Н. И. Миллеру все, что намъ извѣстно, и со всѣми подробностями, дошедшими до того, какъ инвалидный офицеръ посадилъ къ себѣ спасеннаго уголенника и велѣлъ своему кучеру скакать въ Адмиралтейскую часть.

Опасность становилась все больше и неизбѣжнѣе. Разумѣется, инвалидный офицеръ все расскажетъ приставу, а приставъ тотчасъ же доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера Кокошкина, а тотъ доложитъ утромъ государю и пойдетъ «горячка».

Долго разсуждать было некогда, надо было призывать къ дѣлу старшихъ.

Николай Ивановичъ Миллеръ тотчасъ же послалъ тревожную записку своему батальонному командиру подполковнику Свиныну, въ которой просилъ его какъ можно скорѣе пріѣхать въ дворцовую караульную и всѣми мѣрами пособить совершившейся страшной бѣдѣ.

Это было уже около трехъ часовъ, а Кокошкинъ явился съ докладомъ къ государю довольно рано утромъ, такъ что на всѣ думы и на всѣ дѣйствія оставалось очень мало времени.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Подполковникъ Свинынъ не имѣлъ той жалостливости и того мягкосердечія, которыя всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свинынъ былъ человѣкъ не безсердечный, но, прежде всего и больше всего, «службистъ» (типъ, о которомъ нынче опять вспоминаютъ съ сожалѣніемъ). Свинынъ отличался строгостью и даже любилъ щеголять требовательностью дисциплины. Онъ не имѣлъ вкуса ко злу и никому не искалъ причинить напрасное страданіе; но если человѣкъ нарушилъ какую бы то ни было обязанность службы, то Свинынъ былъ неумолимъ. Онъ считалъ неумѣстнымъ входить въ обсужденіе побужденій, какія руководили въ данномъ случаѣ движеніемъ виновнаго, а держался того правила, что на службѣ всякая вина виновата. А потому въ караульной ротѣ всѣ знали, что придется претерпѣть рядовому Постникову за оставленіе своего поста, то онъ и отгнать, и Свинынъ объ этомъ скорѣе не станетъ.

Такимъ этотъ штабъ-офицеръ былъ извѣстенъ начальству и товарищамъ, между которыми были люди, не симпатизировавшіе Свиныну, потому что тогда еще не совсѣмъ вывелся «гуманизмъ» и другія ему подобныя заблужденія. Свинынъ былъ равнодушень къ тому, порицають или хвалять его «гуманисты». Просить и умолять Свинына или даже пытаться его разжалобить — было дѣло совершенно бесполезное. Отъ всего этого онъ былъ закаленъ крѣпкимъ закаломъ карьерныхъ людей того времени, но и у него, какъ у Ахиллеса, было слабое мѣсто.

Свинынъ тоже имѣлъ хорошо начатую служебную карьеру, которую онъ, конечно, тщательно оберегалъ и дорожилъ тѣмъ, чтобы на нее, какъ на парадный мундиръ, ни одна пылинка не сѣла; а между тѣмъ несчастная выходка чловѣка изъ вѣреннаго ему батальона непремѣнно должна была бросить дурную тѣнь на дисциплину всей его части. Виноватъ или не виноватъ батальонный командиръ въ томъ, что одинъ изъ его сдѣлалъ, подъ влияніемъ увлеченія благороднѣйшимъ состраданіемъ, — этого не станутъ разбирать тѣ, отъ кого зависитъ хорошо начатая и тщательно поддерживаемая служебная карьера Свинына, а многіе даже охотно подкатаютъ ему бревно подъ ноги, чтобы дать путь своему ближнему или подвинуть молодца, протезируемаго людьми, въ случаѣ государь, конечно, разсердится и непремѣнно скажетъ полковому командиру, что у него «слабые офицеры», что у нихъ «люди распушены». А кто это надѣлалъ? — Свинынъ. Вотъ такъ это и пойдетъ повторяться, что «Свинынъ слабъ», и такъ, можетъ, покорь слабостью и останется несмываемымъ пятномъ на его, Свинына, репутаціи. Не быть ему тогда ничѣмъ достопримѣчательнымъ въ ряду современниковъ и не оставить своего портрета въ галереѣ историческихъ лицъ государства Россійскаго.

Изученіемъ исторіи тогда хотя мало занимались, но, однако, въ нее вѣрили, и особенно охотно сами стремились участвовать въ ея сочиненіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Какъ только Свинынъ получилъ около трехъ часовъ ночи тревожную записку отъ капитана Миллера, онъ тотчасъ же вскочилъ съ постели, одѣлся по формѣ и, подъ влияніемъ страха и гнѣва, прибылъ въ караульную Зимняго

дворца. Здѣсь онъ немедленно же произвел допросъ рядовому Постникову и убѣдился, что невѣроятный случай совершился. Рядовой Постниковъ опять вполне чистосердечно подтвердилъ своему батальонному командиру все то же самое, что произошло на его часахъ, и что онъ, Постниковъ, уже раньше показалъ своему ротному капитану Миллеру. Солдатъ говорилъ, что онъ «Богу и государю виновать безъ милосердія», что онъ стоялъ на часахъ и, слышавъ стоны человѣка, тонувшаго въ полыньѣ, долго мучился, долго былъ въ борьбѣ между служебнымъ долгомъ и состраданіемъ и, наконецъ, на него напало искушеніе, и онъ не выдержавъ этой борьбы, покинулъ будку, соскочилъ на ледъ и вытащилъ тонувшаго на берегъ, а здѣсь, какъ на грѣхъ, попался проѣзжавшему офицеру дворцовой инвалидной команды.

Подполковникъ Свинынъ былъ въ отчаяніи; онъ далъ себѣ единственное возможное удовлетвореніе, сорвавъ свой гнѣвъ на Постниковѣ, котораго тотчасъ же прямо отсюда послалъ подъ арестъ въ казарменный карцеръ, а потомъ сказалъ нѣсколько колкостей Миллеру, попрекнувъ его «гуманеріей», которая ни на что не пригодна въ военной службѣ; но все это было недостаточно для того, чтобы поправить дѣло. Подыскать если не оправданіе, то хотя извиненіе такому поступку, какъ оставленіе часовымъ своего поста, было невозможно, и оставался одинъ исходъ—скрыть все дѣло отъ государя...

Но есть ли возможность скрыть такое происшествіе?

Повидимому, это представлялось невозможнымъ, такъ какъ о спасеніи погибавшаго знали не только всѣ караульные, но зналъ и тотъ ненавистный инвалидный офицеръ, который до сихъ поръ, конечно, успѣлъ довести обо всемъ этомъ до вѣдома генерала Кокоткина.

Куда теперь скакать? Къ кому бросаться? У кого искать помощи и защиты?

Свинынъ хотѣлъ скакать къ великому князю Михаилу Павловичу и рассказать ему все чистосердечно. Такіе маневры тогда были въ ходу. Пусть великій князь, по своему пылкому характеру, разсердится и накричитъ, но его нравъ и обычай были таковы, что, чѣмъ онъ сильнѣе окажетъ на первый разъ рѣзкости, и даже тяжко обидитъ, тѣмъ онъ потомъ скорѣе смилуетя и самъ же заступится. Подобныхъ

случаевъ бывало не мало и ихъ иногда нарочно искали. «Брань на вороту не висла», и Свинынь очень хотѣлъ бы свести дѣло къ этому благоприятному положенію, но развѣ можно ночью достигнуть во дворецъ и тревожить великаго князя? А дожидаться утра и явиться къ Михаилу Павловичу послѣ того, когда Кокоскинъ побываетъ съ докладомъ у государя, будетъ уже поздно. И пока Свинынь волновался среди такихъ затрудненій, онъ обмякъ, и умъ его началъ прозрѣвать еще одинъ выходъ, до сей поры скрывавшійся въ туманѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ ряду извѣстныхъ военныхъ приемовъ есть одинъ таковой, чтобы въ минуту наивысшей опасности, угрожающей со стѣнъ осаждаемой крѣпости, не удалиться отъ нея, а прямо идти подъ ея стѣнами. Свинынь рѣшился не дѣлать ничего того, что ему приходило въ голову сначала, а немедленно ѣхать прямо къ Кокоскину.

Объ оберъ-полицеймейстерѣ Кокоскинѣ въ Петербургѣ говорили тогда много ужасающаго и нелѣпаго, но, между прочимъ, утверждали, что онъ обладаетъ удивительнымъ многостороннимъ тактомъ и при содѣйствіи этого такта не только «умѣетъ сдѣлать изъ мухи слона, но такъ же легко умѣетъ сдѣлать изъ слона муху».

Кокоскинъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень суровъ и очень грозенъ и внушалъ всеѣмъ большой страхъ къ себѣ, но онъ иногда мирволил шалунамъ и добрымъ весельчакамъ изъ военныхъ, а такихъ шулуновъ тогда было много, и имъ не разъ случалось находить себѣ въ его лицѣ могущественнаго и усерднаго защитника. Вообще онъ много могъ и много умѣлъ сдѣлать, если только захочетъ. Такимъ его знали и Свинынь, и капитанъ Миллеръ. Миллеръ тоже укрѣпилъ своего батальоннаго командира отважиться на то, чтобы ѣхать немедленно къ Кокоскину и довѣриться его великодушію и его «многостороннему такту», который, вѣроятно, продиктуетъ генералу, какъ вывернуться изъ этого досаднаго случая, чтобы не ввести въ гнѣвъ государя, что Кокоскинъ, къ чести его, всегда избѣгалъ съ большимъ стараніемъ.

Свинынь надѣлъ шпцель, устремилъ глаза вверхъ, и вос-

кликнувъ нѣсколько разъ: «Господи, Господи!»—поѣхалъ къ Кокошкину.

Это былъ уже въ началѣ пятый часъ утра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оберъ-полицеймейстера Кокошкина разбудили и доложили ему о Свиныиѣ, приѣхавшемъ по важному и не терпящему отлагательствъ дѣлу.

Генераль немедленно всталъ и вышелъ къ Свиныину въ аршалучкѣ, потирая лобъ, зѣвая и ежась. Все, что разсказывалъ Свиныиѣ, Коконкинъ выслушивалъ съ большимъ вниманіемъ, но спокойно. Онъ во все время этихъ объясненій и просьбъ о снисхожденіи произнесъ только одно:

— Солдатъ бросилъ будку и спасъ человѣка?

— Точно такъ,—отвѣтилъ Свиныиѣ.

— А будка?

— Оставалась въ это время пустою.

— Гм... Я это зналъ, что она оставалась пустою. Очень радъ, что ее не украли.

Свиныиѣ изъ этого еще болѣе увѣрился, что ему уже все извѣстно и что онъ, конечно, уже рѣшилъ себѣ, въ какомъ видѣ онъ представить объ этомъ при утреннемъ докладѣ государю, и рѣшенія этого измѣнять не станеть. Иначе такое событіе, какъ оставленіе часовымъ своего поста въ дворцовомъ караулѣ, безъ сомнѣнія, должно было бы гораздо сильнѣе встревожить энергическаго оберъ-полицеймейстера.

Но Кокошкинъ не зналъ ничего. Приставъ, къ которому явился инвалидный офицеръ со спасеннымъ утопленникомъ, не видалъ въ этомъ дѣлѣ никакой особенной важности. Въ его глазахъ это вовсе даже не было такимъ дѣломъ, чтобы ночью тревожить усталаго оберъ-полицеймейстера, да и притомъ самое событіе представлялось приставу довольно подзрительнымъ, потому что инвалидный офицеръ былъ совсѣмъ сухъ, чего никакъ не могло быть, если онъ спасалъ утопленника съ опасностью для собственной жизни. Приставъ видѣлъ въ этомъ офицерѣ только что честолобца и лгуна, желающаго имѣть одну новую медаль на грудь, и потому, пока его дежурный писалъ протоколъ, приставъ придерживалъ у себя офицера и старался выпытать у него истину черезъ разпросъ мелкихъ подробностей.

Приставу тоже не было приятно, что такое происшествіе случилось въ его части и что утопавшаго вытащилъ не полицейскій, а дворцовый офицеръ.

Спокойствіе же Кокошкина объяснялось просто, во-первыхъ, страшною усталостью, которую онъ въ это время испытывалъ послѣ цѣлдневной суеты и ночного участія при тушеніи двухъ пожаровъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что дѣло, сдѣланное часовымъ Постниковымъ, его, г-на оберъ-полицеймейстера, прямо не касалось.

Впрочемъ, Кокошкинъ тотчасъ же сдѣлалъ соответственное распоряженіе.

Онъ послалъ за приставомъ Адмиралтейской части и приказалъ ему немедленно явиться вмѣстѣ съ инвалиднымъ офицеромъ и со спасеннымъ утопленникомъ, а Свинына просилъ подождать въ маленькой пріемной передъ кабинетомъ. Затѣмъ Кокошкинъ удалился въ кабинетъ и, не затворяя за собою дверей, сѣлъ за столъ и началъ было подписывать бумаги; но сейчасъ же склонилъ голову на руки и заснулъ за столомъ въ креслѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тогда еще не было ни городскихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, а для срѣзной передачи приказаній начальства скакали по всѣмъ направленіямъ «сорокъ тысячъ курьеровъ», о которыхъ сохранится долговѣчное воспоминаніе въ комедіи Гоголя.

Это, разумѣется, не было такъ скоро, какъ телеграфъ или телефонъ, но зато сообщало городу значительное оживленіе и свидѣтельствовало о неусыпномъ бдѣніи начальства.

Пока изъ Адмиралтейской части явились запыхавшіяся приставъ и офицеръ-спаситель, а также и спасенный утопленникъ, нервный и энергическій генералъ Кокошкинъ вздремнулъ и освѣжился. Это было замѣтно въ выраженіи его лица и въ проявленіи его душевныхъ способностей.

Кокошкинъ потребовалъ всѣхъ явившихся въ кабинетъ и вмѣстѣ съ ними пригласилъ и Свинына.

— Протоколъ?—односложно спросилъ освѣженнымъ голосомъ у пристава Кокошкинъ.

Тотъ молча подаль ему сложенный листъ бумаги и тихо прошепталъ:

— Долженъ просить дозволить мнѣ доложить вашему превосходительству нѣсколько словъ по секрету...

— Хорошо.

Коконкинъ отошелъ въ амбразуру окна, а за нимъ приставъ.

— Что такое?

Послышался неясный шопотъ пристава и ясныя покрыванья генерала.

— Гм... Да!.. Ну, что-жъ такое?.. Это могло быть... Они на томъ стоять, чтобы сухими высказывать... Ничего больше?

— Ничего-съ.

Генераль вышелъ изъ амбразуры, присѣлъ къ столу и началъ читать. Онъ читалъ протоколь про себя, не обнаруживая ни страха, ни сомнѣній, и затѣмъ непосредственно обратился съ громкимъ и твердымъ вопросомъ къ спасенному:

— Какъ ты, братецъ, попалъ въ полынью противъ дворца?

— Виноватъ, — отвѣчалъ спасенный.

— То-то! Былъ пьянъ?

— Виноватъ, пьянъ не былъ, а былъ выпимши.

— Зачѣмъ въ воду попалъ?

— Хотѣлъ перейти поближе черезъ ледъ, сбился и попалъ въ воду.

— Значить, въ глазахъ было темно?

— Темно, кругомъ темно было, ваше превосходительство!

— И ты не могъ рассмотреть, кто тебя вытащилъ?

— Виноватъ, ничего не рассмотрѣлъ. Вотъ они, кажется. — Онъ указалъ на офицера и добавилъ: — Я не могъ рассмотреть, былъ испужамшись.

— То-то и есть, шляется, когда надо спать! Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодѣтель. Благодарный человѣкъ жертвовалъ за тебя своею жизнью!

— Вѣкъ буду помнить.

— Имя ваше, господинъ офицеръ?

Офицеръ назвалъ себя по имени.

— Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ты православный?

— Православный, ваше превосходительство.

— Въ поминанье за здравіе это имя запиши.

— Запишу, ваше превосходительство.

— Молись Богу за него и ступай вонъ: ты больше не нуженъ.

Тотъ поклонился въ ноги и выкатился, безъ мѣры довольный тѣмъ, что его отпустили.

Свиньинъ стоялъ и недоумѣвалъ, какъ это такой оборотъ все принимаетъ милостію Божіею!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Кокоскинъ обратился къ инвалидному офицеру:

— Вы спасли этого человѣка, рискуя собственною жизнью?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Свидѣтелей этого происшествія не было, да по позднему времени и не могло быть?

— Да, ваше превосходительство, было темно и на набережной никого не было, кромѣ часовыхъ.

— О часовыхъ не зачѣмъ поминать: часовой охраняетъ свой постъ и не долженъ отвлекаться ничѣмъ постороннимъ. Я вѣрю тому, что написано въ протоколѣ. Вѣдь это съ вашихъ словъ?

Слова эти Кокоскинъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, точно какъ будто пригрозилъ или прикрикнулъ.

Но офицеръ не сробѣлъ, а, вылупивъ глаза и выпучивъ грудь, отвѣтилъ:

— Съ моихъ словъ и совершенно вѣрно, ваше превосходительство.

— Вашъ поступокъ достоинъ награды.

Тотъ началъ благодарно кланяться.

— Не за что благодарить,—продолжалъ Кокоскинъ.— Я доложу о вашемъ самоотверженномъ поступкѣ государю императору и грудь ваша, можетъ-быть, сегодня же будетъ украшена медалью. А теперь можете идти домой, напейтесь теплаго и нигуда не выходите, потому что, можетъ-быть, вы понадобитсяъ.

Инвалидный офицеръ совсѣмъ засіялъ, откланялся и вышелъ.

Кокоскинъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и проговорилъ:

— Возможная вещь, что государь пожелаетъ самъ его видѣть.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ понятиливо приставъ.

— Вы мнѣ больше не нужны.

Приставъ вышелъ и, затворивъ за собою дверь, тотчасъ, по набожной привычкѣ, перекрестился.

Инвалидный офицеръ ожидалъ пристава внизу, и они отправились вмѣстѣ въ гораздо болѣе теплыхъ отношеніяхъ, чѣмъ когда сюда вступали.

Въ кабинетѣ у оберъ-полицеймейстера остался одинъ Свинынь, на котораго Кокоскинъ сначала посмотрѣлъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и потомъ спросилъ:

— Вы не были у великаго князя?

Въ то время, когда упоминали о великомъ князѣ, то всѣ знали, что это относится къ великому князю Михаилу Павловичу.

— Я прямо явился къ вамъ, — отвѣчалъ Свинынь.

— Кто караульный офицеръ?

— Капитанъ Миллеръ.

Кокоскинъ опять окинулъ Свинына взглядомъ и потомъ сказалъ:

— Вы мнѣ, кажется, что-то прежде иначе говорили.

Свинынь даже не понялъ, къ чему это относится, и промолчалъ, а Кокоскинъ добавилъ:

— Ну, все равно: спокойно почивайте.

Аудіенція кончилась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ часъ пополудни инвалидный офицеръ, дѣйствительно, былъ опять потребованъ къ Кокоскину, который очень ласково объявилъ ему, что государь весьма доволенъ, что среди офицеровъ инвалидной команды его дворца есть такіе бдительные и самоотверженные люди, и жалуеть ему медаль «за спасеніе погибавшихъ». При семъ Кокоскинъ собственноручно вручилъ герою медаль, и тотъ пошелъ щеголять ею. Дѣло, стало-быть, можно было считать совсѣмъ сдѣланнымъ, но подполковникъ Свинынь чувствовалъ въ немъ какую-то незаконченность и почиталъ себя призваннымъ поставить *point sur les i*.

Онъ былъ такъ встревоженъ, что три дня проболѣлъ, а на четвертый всталъ, съѣздивъ въ Петровскій домикъ, отслужилъ благодарственный молебенъ передъ иконою Спасителя и, возвратясь домой съ успокоенною душой, послалъ попросить къ себѣ капитана Миллера.

— Ну, слава Богу, Николай Ивановичъ, — сказалъ онъ,

Миллеру: — теперь гроза, надъ нами тяготѣвшая, совсѣмъ прошла и наше несчастное дѣло съ часовымъ совершенно уладилось. Теперь, кажется, мы можемъ вздохнуть спокойно. Всѣмъ этимъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны сначала милосердію Божію, а потомъ генералу Кокошкину. Пусть о немъ говорятъ, что онъ и недобрый, и безсердечный, но я исполненъ благодарности къ его великодушію и почтенія къ его находчивости и такту. Онъ удивительно мастерски воспользовался хвастовствомъ этого инвалиднаго пройдохи, котораго, по правдѣ, стоило бы за его наглость не медалью награждать, а на обѣ корки выдрать на конюшнѣ, но ничего иного не оставалось: имъ нужно было воспользоваться для спасенія многихъ, и Кокошкинъ повернулъ все дѣло такъ умно, что никому не вышло ни малѣйшей неприятности,—напротивъ, всѣ очень рады и довольны. Между нами сказать, мнѣ передано черезъ достовѣрное лицо, что и самъ Кокошкинъ мною *очень доволенъ*. Ему было пріятно, что я не поѣхалъ никуда, а прямо явился къ нему, и не спорилъ съ этимъ проходимцемъ, который получилъ медаль. Словомъ, никто не пострадалъ и все сдѣлано съ такимъ тактомъ, что и впередъ опасаться нечего, но маленькій недочетъ есть за нами. Мы тоже должны съ тактомъ послѣдовать примѣру Кокошкина и закончить дѣло съ своей стороны такъ, чтобъ оградить себя на всякій случай впоследствии. Есть еще одно лицо, котораго положеніе не оформлено. Я говорю про рядового Постникова. Онъ до сихъ поръ въ карцерѣ подѣ арестомъ и его, безъ сомнѣнія, томить ожиданіе, чтѣ съ нимъ будетъ. Надо прекратить и его мучительное томленіе.

— Да, пора!—подсказалъ обрадованный Миллеръ.

— Ну, конечно, и вамъ это всѣхъ лучше исполнить: отправьтесь, пожалуйста, сейчасъ въ казармы, соберите вашу роту, выведите рядового Постникова изъ-подъ ареста и накажите его передъ строемъ двумя стами розогъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Миллеръ изумился и сдѣлалъ попытку склонить Свинына къ тому, чтобы на общей радости совсѣмъ пощадить и простить рядового Постникова, который и безъ того уже много пострадалъ, ожидая въ карцерѣ рѣшенія того, что ему будетъ; но Свинынъ вспыхнулъ и даже не далъ Миллеру продолжать.

— Нѣтъ,—перебилъ онъ,—это оставьте: я вамъ только что говорилъ о тактѣ, а вы сейчасъ же начинаете безтактность! Оставьте это!

Свиньинъ перемѣнилъ тонъ на болѣе сухой и официальный и добавилъ съ твердостью:

— А какъ въ этомъ дѣлѣ вы сами тоже не совсѣмъ правы и даже очень виноваты, потому что у васъ есть не идущая военному человѣку мягкость, и этотъ недостатокъ вашего характера отражается на субординаціи въ вашихъ подчиненныхъ, то я приказываю вамъ лично присутствовать при экзекуціи и настоять, чтобы сѣченіе было произведено серьезно... какъ можно строже. Для этого извольте распорядиться, чтобы розгами сѣкли молодые солдаты изъ новоприбывшихъ изъ арміи, потому что наши старики всѣ заражены на этотъ счетъ гвардейскимъ либерализмомъ: они товарища не сѣкутъ какъ должно, а только блохъ у него за спиною пугаютъ. Я заѣду самъ и самъ посмотрю, какъ виноватый будетъ сдѣланъ.

Уклоненія отъ какихъ бы то ни было служебныхъ приказаній начальствующаго лица, конечно, не имѣли мѣста, и мягкосердечный Н. И. Миллеръ долженъ былъ въ точности исполнить приказъ, полученный имъ отъ своего батальоннаго командира.

Рота была выстроена на дворѣ измайловскихъ казармъ, розги принесены изъ запаса въ довольномъ количествѣ и выведенный изъ карцера рядовой Постниковъ «былъ сдѣланъ» при усердномъ содѣйствіи новоприбывшихъ изъ арміи молодыхъ товарищей. Эти неиспорченные гвардейскимъ либерализмомъ люди въ совершенствѣ выставили на немъ всѣ *point sur les 4*, въ полной мѣрѣ опредѣленные ему его батальоннымъ командиромъ. Затѣмъ наказанный Постниковъ былъ поднятъ и непосредственно отсюда на той же шинели, на которой его сѣкли, перенесенъ въ полковой лазаретъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Батальонный командиръ Свиньинъ, по полученіи донесенія объ исполненіи экзекуціи, тотчасъ же самъ отечески навѣстилъ Постникова въ лазаретъ и, къ удовольствію своему, самымъ нагляднымъ образомъ убѣдился, что приказаніе его исполнено въ совершенствѣ. Сердобольный и

нервный Постниковъ былъ «сдѣланъ какъ слѣдуетъ». Свинынь остался доволенъ и приказалъ дать отъ себя наказанному Постникову фунтъ сахару и четверть фунта чаю, чтобъ онъ могъ услаждаться, пока будетъ на поправкѣ. Постниковъ, лежа на койкѣ, слышалъ это распоряженіе о чаѣ и отвѣчалъ:

— Много доволенъ, ваше высокородіе, благодарю за отеческую милость.

И онъ въ самомъ дѣлѣ былъ «доволенъ», потому что, сидя три дня въ карцерѣ, онъ ожидалъ гораздо худшаго. Двѣсти розогъ, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили въ сравненіи съ тѣми наказаніями, какія люди переносили по приговорамъ военнаго суда; а такое именно наказаніе и досталось бы Постникову, если бы, къ счастью его, не произошло всѣхъ тѣхъ смѣлыхъ и тактическихъ эволюцій, о которыхъ выше рассказано.

Но число всѣхъ довольныхъ рассказаннымъ происшествіемъ этимъ не ограничилось.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подъ сурдинкою подвигъ рядового Постникова расплылся по разнымъ кружкамъ столицы, которая въ то время печатной безголосицы жила въ атмосферѣ безконечныхъ сплетень. Въ устныхъ передачахъ имя настоящаго героя—солдата Постникова утратилось, но зато сама эпопея раздулась и приняла очень интересный, романтическій характеръ.

Говорили, будто ко дворцу со стороны Петропавловской крѣпости плыль какой-то необыкновенный пловець, въ котораго одинъ изъ стоявшихъ у дворца часовыхъ выстрѣжилъ и пловца ранилъ, а проходившій инвалидный офицеръ бросился въ воду и спасъ его, за что и получили: одинъ—должную награду, а другой—заслуженное наказаніе. Нелѣпный слухъ этотъ дошелъ и до подворья, гдѣ въ ту пору жилъ осторожный и неравнодушный къ «свѣтскимъ событіямъ» владыко, благосклонно благоволившій къ набожному московскому семейству Свиныныхъ.

Проницательному владыкѣ казалось неяснымъ сказаніе о выстрѣлѣ. Что же это за ночной пловець? Если онъ былъ бѣглый узникъ, то за что же наказанъ часовой, который исполнилъ свой долгъ, выстрѣливъ въ него, когда тотъ

плыть через Неву из крѣпости? Если же это не узникъ, а иной загадочный человѣкъ, котораго надо было спасти изъ волнъ Невы, то почему о немъ могъ знать часовой? И тогда опять не можетъ быть, чтобы это было такъ, какъ о томъ въ мѣрѣ суесловятъ. Въ мѣрѣ многое берутъ крайне легкомысленно и «суесловятъ», но живущіе въ обителяхъ и на подворьяхъ ко всему относятся гораздо серьезнѣе и знаютъ о свѣтскихъ дѣлахъ самое настоящее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Однажды, когда Свиньинъ случился у владыки, чтобы принять отъ него благословеніе, высокочтимый хозяинъ заговорилъ съ нимъ «кстати о выстрѣлѣ». Свиньинъ рассказывалъ всю правду, въ которой, какъ мы знаемъ, не было ничего похожего на то, о чемъ повѣствовали «кстати о выстрѣлѣ».

Владыко выслушалъ настоящій рассказъ въ молчаніи, слегка шевеля своими бѣленькими четками и не сводя своихъ глазъ съ рассказчика. Когда же Свиньинъ кончилъ, владыко тихо журчащею рѣчью произнесъ:

— Посему надлежитъ заключить, что въ семь дѣлъ не все и не вездѣ излагалось согласно съ полной истиной?

Свиньинъ замаялся и потомъ отвѣчалъ съ уклономъ, что докладывалъ не онъ, а генералъ Кокоскинъ.

Владыко въ молчаніи перепустилъ нѣсколько разъ четки сквозь свои восковые персты и потомъ молвилъ:

— Должно различать, что есть ложь и что неполная истина.

Опять четки, опять молчаніе и, наконецъ, тихоструйная рѣчь:

— Неполная истина не есть ложь. Но о семь наименьше.

— Это, дѣйствительно, такъ,—заговорилъ поощренный Свиньинъ.—Меня, конечно, больше всего смущаетъ, что я долженъ былъ подвергнуться наказанію этого солдата, который хотя нарушилъ свой долгъ...

Четки и тихоструйный перебивъ:

— Долгъ службы никогда не долженъ быть нарушенъ.

— Да, но это имъ было сдѣлано по великодушію, по состраданію и притомъ съ такой борьбой и съ опасностью: онъ понималъ, что, спасая жизнь другому человѣку, онъ губитъ самого себя... Это высокое, святое чувство!

— Святое извѣстно Богу, наказаніе же на тѣлѣ простолюдину не бываетъ губительно и не противорѣчить ни обычаю народовъ, ни духу Писанія. Лозу гораздо легче перенести на грубомъ тѣлѣ, чѣмъ тонкое страданіе въ духѣ. Въ семь справедливость отъ васъ нисколько не пострадала.

— Но онъ лишень и награды за спасеніе погибавшихъ.

— Спасеніе погибающихъ не есть заслуга, но паче долгъ. Кто могъ спасти и не спасъ—подлежитъ карѣ законовъ, а кто спасъ, тотъ исполнилъ свой долгъ.

Пауза, четки и тихоструй:

— Воину претерпѣть за свой подвигъ униженіе и раны можетъ быть гораздо полезнѣе, чѣмъ превозноситься знакомъ. Но что во всемъ семь наибольшее — это то, чтобы хранить о всемъ дѣлѣ семь осторожность и отнюдь нигдѣ не упоминать о томъ, кому по какому-нибудь случаю о семь было сказывано.

Очевидно, и владыко былъ доволенъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Если бы я имѣлъ дерзновеніе счастливыхъ избранниковъ Неба, которымъ, по великой ихъ вѣрѣ, дано проникать тайны Божія смотрѣнія, то я, можетъ-быть, дерзнулъ бы дозволить себѣ предположеніе, что, вѣроятно, и самъ Богъ былъ доволенъ поведеніемъ созданной имъ смиренной души Постникова. Но вѣра моя мала; она не даетъ уму моему силы зрѣть столь высокаго: я держусь земного и перстнаго. Я думаю о тѣхъ смертныхъ, которые любятъ добро просто для самаго добра и не ожидаютъ никакихъ наградъ за него, гдѣ бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мнѣ кажется, должны быть вполне довольны святымъ порывомъ любви и не менѣе святымъ терпѣніемъ смиренного героя моего точнаго и безыскусственного разсказа.

Оглавленіе.

IV ТОМА.

Праведники:

	стр.
Несмертельный Голованъ	5
Инженеры-безрешенники	51
Львша	109
Человѣкъ на часахъ	142

F

24.124/3-5

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.